

Степан
Мазур

Литературна
наследност

ПОСЛАНИЦИ ТЕНИ

Мир слишком многогранен, чтобы любое существо могло с уверенностью сказать: "Я знаю о мире все, во всех его проявлениях". Так на одной из мало познанных границ Энрофа существует другой — изнанка бытия. Порой оба мира соприкасаются, сливаются в единое целое. И тогда единственное, что остается человеку — признать существование чего-то необычного, странного. Чаще всего он называет это одним словом — мистика. Ангелу Люции и демону Саркону приходится работать вместе, чтобы мистики для людского мира не становилось слишком много. Но человеческие "болезни" находятся в слишком опасной близости от посланников из-за тени. Кто заразится первым?

Выкладываю весь роман. Совершенно бесплатно.

Степан Александрович Мазур

Посланники тени

Ночь опустилась на город, набросив на осенний мегаполис покров ложной тьмы: горели фонари, светились витрины магазинов, окна домов, мелькали фары бесконечного потока автомобилей. Начиналась другая жизнь. Жизнь тех, для кого ночь — основное время работы.

Двое разомкнули глаза — пришел их час. Ночная смена.

Она была ангелом. Ее звали Люция. Молодая, белокурая дева, когда-то бывшая человеком. Вторым был потомственный демон-аристократ, носитель силы Шестого легиона, получивший ее не по заслугам или проклятию, а по праву рождения. Его нарекли Сарконом.

Изначальный демон в третьем поколении, так и не заслуживший за годы своего существования крыльев, хвоста и больше трех рогов, гневался. Саркон был старше Люции на три столетия, но превзойти в регалиях партнершу не мог и каждый день в Энрофе пытался это исправить. Ангел знала об этом и лишь подтрунивала.

Оба бойца являлись самыми молодыми носителями силы своих "лагерей" и были самой причудливой парой воителей за всю историю Столкновения.

Впервые ангел и демон работали вместе больше, чем один день. Больше, чем один бой. Без жажды смерти друг другу.

Впервые этот союз одобрили во имя высших целей.

— Я не выспалась, — протянула Люция, сладко потягиваясь и расправляя крылья. — Может, отпуск взять?

Крылья заполонили узкую комнатку. Деве едва хватало места, чтобы расправить их полностью. И даже с такими крыльями едва удавалось летать, в основном, парить над землей. А как же эта пара крыльев была мала по сравнению с крыльями архангелов! Те, высшие чины, летают, носят доспехи и поднимают груз больше своего веса даже в материальном воплощении. А про шестикрылых серафимов цвета крови и говорить нечего.

"Может, они просто легенды?" — Мелькнуло в голове ангела.

Люция не доверяла легендам. Верила только в то, что видела. И жизнь ее в физическом мире на события не скупилась.

— На небе отоспишься, — пробурчал демон, скребя клыки когтем. — В этом холоде физического мира не до глубокого сна. Весь как на иголках.

— На солнце тебе, Сыр, нужно. Или свитер у начальства попроси, — съязвила Люция, показала язык и скрылась в ванной.

Зажурчал душ. Ангел — не ангел, а плескаться любила, как никто другой из небесных в "командировке".

— Вот же bestия, — пробурчал Саркон. — Какой из тебя ангел? Совсем у них наверху народ на крепких духом исыяк? Первых попавшихся в армию набирают.

Демон повел шеей, настраиваясь на работу. В висках кольнуло. Пошел сеанс связи. Тело научилось принимать сигналы внешнего мира в поисках вибраций, схожих с демоническими.

Весь мир купался в грязных энергиях, как свинья в корыте.

А вот и клиент... Снова самоубийца. Шагнула в окно, наивно полагая, что решила все

свои проблемы и миру без нее будет лучше. Малодушная, слабовольная девчонка, не разобравшаяся в жизни. Неокрепшая душа, принявшая вызов глупой игры.

Принято считать, что самоубийцы попадают в ад. Но нет. Саркон точно знал, что их там нет. И в раю Люция тоже не видела душ самоубийц. Они остаются на земле. Остаются, чтобы в полной мере ощутить всю боль, которую причинили своим преждевременным уходом живым. Кара Дарителя за то, что прервали жизненный путь, неумолима. Лучшая кара, которой в аду не придумаешь.

Люция вышла из душа нагая. Молочная кожа блестела, отражая свет, льющийся из-под потолка. Легкая улыбка розовых губ едва-едва обозначилась, сверкали бусинки белых зубов. По человеческим меркам смотрелась просто прекрасно. Сар готов был поспорить, что немало людишек, культивирующих плотские утехы, отдали бы души ради одной ночи с ней. Как мужчины, так и многие женщины. Людям только дай возможность прикоснуться к ангелу. Падки на запретное и непорочное до скрипа зубов.

По мнению же самого Саркона, Люции не хватало хотя бы маленького хвостика, а мокрые сложенные крылья вполне могли быть и перепончатыми, как у его отца. Это же гораздо красивее этого пернатого недоразумения.

— Курица! — На всякий случай сказал демон.

— Юнец безусый, — хмыкнула ангел, намекая на то, что демоны напрочь лишены волосяного покрова. Волосы просто воспламенялись там, где им доводилось бывать с их огнеупорной кожей.

Демон хотел называть Люцию ангельшей. Но ангелы не имеют рода — бесполы. Внешне она осталась той самой ведьмой, которую обратили на свою сторону в конце восемнадцатого века "пернатые". Разве что русые волосы стали белокурыми — не блондинистыми, не седыми, просто абсолютно белыми. Сероглазый ангел с длинными ногами, большой грудью с торчащими после холодного душа сосками. Все остальное подло отняли. Потому Саркон немного грустил.

В аду деления на полы не существовало. Здесь же оставалось только эстетическое наслаждение. Смотри, но не трогай. Но какой к черту смотри? Стоило Люции открыть рот и вся благопристойность ангела сдувалась сильным порывом ветра. По характеру ангел так и осталась ведьмой, несмотря на "чин" и муки перерождения.

— Что, еще работу подкинули? — прервала мысль демона Лю, как он вкратце называл ее, когда горло душило какое-нибудь существо. Как правило, более чем недружелюбное.

Она же в ответ звала его Сар, а чаще совсем по-свойски — "Сыр". Хотя бы за дырку на среднем из рогов, которая никак не желала зарастать.

У Саркона были три маленьких рога, так как не заслужил больших, а тут еще в средний рог на прошлой неделе попала освященная стрела обезумевшего паладина. Не больно, но обидно.

Довольно молодой парень, чистый от грехов и скверны, вдруг решил, что мир наводнили одни бесы и принялся убивать людей направо и налево. Оба посланника, конечно, быстро нашли морока, который был в этом повинен, но парня пришлось развоплотить. Малым развоплением. Освободить душу, дать второй шанс.

Большое развопление или, как его чаще называют, "Переплавка" — это когда сама душа неизлечима и не может попасть ни в ад, ни рай, но не может и остаться или переродиться. Это само уничтожение бессмертной души. Оно возможно лишь в тех случаях,

когда обе стороны дают согласие на ликвидацию. Последнее такое происшествие был еще до рождения демона Саркона. В веке двадцатом было немало претендентов на Большое развоплощение, но в последние моменты все получали лишь Малое и длинную путевку по "нижним" этажам.

— Сыр, ты меня вообще слышишь? — донесся голос Люции. — Ты чего, рогатый, совсем слух потерял? Сейчас я тебе уши-то прочищу от серы твоей невыносимой! Иди мойся!

Демон встряхнул головой, отгоняя лишние мысли прочь. Коротко обронил:

— Самоубийца у меня. Душ потом. Пошли, прогуляемся.

— А потом спать ляжешь, — осуждающе протянула Люция. — Ладно, идем, грязнуля.

— От пернатой слышу!

Они быстро накинули обычную, неброскую людскую одежду: джинсы и футболки, а поверх — кожаные плащи. Как раз по осенней погоде. Межсезонье.

Ей плащ подходил, чтобы прятать пушистые крылья и скрывать от чужих глаз два коротких клинка на поясе. На демоне же свободный плащ маскировал костяные наросты на спине, груди, мелкие рога под капюшоном и роговые шипы на плечах. На поясе его свободно висели старые огненные перчатки на случай серьезной схватки. Хвоста у Саркона не было, проблем с этим не возникало. Рога свободно прятались под шляпой, если капюшон был неуместен. Крылья отсутствовали — полный порядок.

Оба вышли на улицу и неспешно побрели по закоулкам, блуждая в самых темных местах в поисках выхода одного из источников сил. Ничего необычного по дороге не попало и постепенно они пришли ко двору, где покончила с жизнью десятиклассница Татьяна — еще одна потерявшаяся душа мира Чистилища.

Межмирье было лучше видно там, где меньше источников света. Миры двигаются постоянно, точка перехода всегда создается в разных местах, генерируемая двумя мирами. Земным Энрофом и "Потусторонним": Инферно или Парадизом, тут уж как повезет. Мест выхода всегда известно лишь приблизительно. Посланники знали, что его скорее почувствуешь, чем увидишь.

Центр города сиял, как разноцветная елка. Там нечисть и демоны легализованы, работают по договору. Здесь же, на периферии спальных районов чаще всего беснуются без повеления. Надо вразумлять или переправлять на первичное место, используя Малое развоплощение. Сложнее приходилось с серыми ангелами и магами. Первым сносило крышу и они начинали убивать людей, воспламеняясь фанатичным огнем, который никакой договор не волен потушить. Вторые баловались с реальностью на свой страх и риск с помощью внутренней силы, неосознанно провоцируя катаклизмы и катастрофы. Люди сильные вызывали их по настроению, по наитию. Но спрос с них за это был не меньший.

Незнание не освобождает от ответственности.

Но какая же все это была мелочь по сравнению со Свободными. Теми, кого уже и людьми-то сложно назвать. Самостоятельные регуляторы реальности контролю поддавались мало и ими чаще занимались правительства, используя законы физического мира.

Помимо основных источников сил — Неба, Преисподней, внутренней человеческой энергетики, магии серых нейтралов, природных стихийников и некромантии существовали группы, не подходящие под эти стандарты, обладающие чем-то иным. "Свободные" были одними из таких. То ли космос давал им силы, то ли сами генерировали с помощью дополнительных "источников питания". В этом никто не мог разобраться, как и ангел с

демоном. Рядовым служащим оставалось только гадать и самим строить разные версии, а вышестоящие всегда отмалчивались.

— Я устала. Пойдем, посидим в кафе, погреемся, — подала голос Люция, плотнее кутаясь в плащ. Погода стояла слякотная, дул пронизывающий ветер. Температура с заходом солнца неумолимо падала, вытягивая из тела последнее тепло холодными щупальцами.

— Земля выкачивает из нас изначальные силы, но это ничего не значит. Надо выполнять работу, — по инерции ответил Саркон, отмечая, что ноги сами ведут на оживленную, освещенную улицу поближе к теплым забегаловкам.

С каких это пор Люция стала на него влиять?

— Вот поражаюсь тебе. Ты же демон! — воскликнула ангел как упрек, хотя для Саркона это служило лишь похвалой. — Откуда такая ответственность? Я вот ангел, хоть и пониженный в должности, да жутко ленивый. Но все равно ногой бы не двинула, если бы не приказ Алронила и награда в качестве увеличения мощи крыльев за доблестную службу — "Ветер туч". Под доблестной службой мое начальство подразумевает соседство с тобой на протяжении всего этого времени. А это, согласись, не простая задача. Но это я, а ты толстый, мощный. Должен быть ленивым. А сам трудоголик. И не стыдно?

— Я и сам не прочь вернуться домой, чтобы восстановить силы в пламени Геенны, — сквозь зубы прошипел демон, сдерживая ответный выпад. — Мне всего лишь стоит продержаться последнюю ночь, чтобы не отводить взгляда от пылающих глаз Сефирота. У нас не понижают. У нас в лучшем случае развоплощают Малым заклинанием или есть что похуже... наткнуться на презрение братьев, например.

Двор самоубийцы показался за разговором. Зрение обычного человека не выловило бы ничего в сером мире, но мир энергий для всех прочих существ вокруг окрасился в печальные тона. На этом клочке физического мира еще долго не будет улыбок. Неприкаянная душа, не зная, куда податься, подчиняясь горю и эмоциям, выделяла огромное количество духовной энергии, которая преобразовывала мир вокруг.

Чувствительные к энергетике люди будут ощущать здесь уныние. Дети откажутся играть, старикам станет дурно, а зимой ни один человек поскользнется — обязательно неудачно — ломая кости. В лучшем случае получит вывих или растяжение.

— Что же ты, Татьяна, наделала? — пробормотал Саркон.

Самоубийцы... Их наказывают за чужие жизни. Жизни близких людей. Карают за причиненное им горе. Вот и молодая девушка с длинными, светлыми волосами, стоит посреди двора в окружении людей, визга полиции и "Скорой помощи". Ничего не понимает, считая случившееся дурным сном.

Саркон вздохнул, быстро оценив рабочую обстановку. Душа стояла, не спеша расставаться со своими тонкими телами. Теперь сбросит их не скоро. Не уйдет по истечении сорока дней, как положено всем смертным. Привязала себя к физическому миру тяжелым якорем боли преждевременной смерти.

Татьяна нависала над разбитым телом. Своим телом. После падения с седьмого этажа, оно не выглядело так же хорошо, как при жизни. Кровавая лужа под ним быстро остывала. Мозг девочки умер, сердце и отбитые внутренние органы еще работали. Состояние клинической смерти, что прервется смертью в больнице под аппаратами искусственного дыхания ближе к утру.

Саркон облизнул клыки, ощущая тень агонии, боли, которую душа будет переживать еще очень долгое время.

Вновь и вновь.

Люция, шепнув на ухо демону, ушла — достался персональный вызов на место где-то невдалеке. У ангелов тоже хватает работы: спасать, защищать, наставлять, поучать, вразумлять. Человеку лень заботиться о себе самому, призывает пастырей.

Саркон проигнорировал ангела, стоя за спиной девочки. Он уже полностью был поглощен работой. Читал мысли Татьяны. Этот шестнадцатилетний клубок противоречий невольно заставлял умиляться. Что за мысли? Просто чудо для демона! Самоубийца считала, что причины, по которым ушла из жизни, веские. Более чем веские! Наиглавнейшие — и никак иначе! Смерть казалась ей единственным выходом. Как можно жить, когда нет парня, с подругами поссорилась, отец не любит, мать нагрубил, давно перестав ее понимать, сестра тоже не понимает, а в школе конфликт с классным руководителем, да еще и одноклассники смеются над ее внешним видом. Серая мышь, последняя девственница в классе. Завтра будет только хуже. Стоит ли ждать завтра или покончить со всем сегодня?

Сегодня! Так посчитала девушка в неполные шестнадцать лет. А тут еще и сообщение в социальных сетях. Комментарий под фотографией — "такой уродине лучше умереть. Сыграй в игру. Или слабо?".

Переходный возраст и депрессивный образ мыслей, который мешает искать другие пути, склонили к одному решению — в этой жизни ей не место. Проще шагнуть в распахнутое окно, чем со всем разобраться. А провокаторы из социальной сетей, мелкие бесы по совместительству, понятия не имея на что обрекающие свои души, лишь подливают масла в огонь.

Умереть просто — раз и нет ее. Все будет позади, все горести, печали. Все что угодно, лишь бы уйти от проблем, уйти от этой жестокой жизни.

И Татьяна совершила шаг, который изменил все. После свершенного, вернуть ничего невозможно. Одним легким движением смахнув себя с подоконника, лишила душу любых шансов на счастье. Не только счастья для себя, но и для тех, чью любовь не сумела вовремя понять и оценить.

Последнее, что Татьяна слышала, был крик. Пронзительный крик. Чей? Она не знала. Может это кричала ее душа?

Еще самоубийца запомнила мимолетное ощущение полета и резкая боль во всем теле пронзила насквозь. Затем свет и снова серый мир, как будто и не было ничего. Никакого туннеля разглядеть не удалось. Может, люди просто вбили себе в головы, что он должен быть?

А потом она увидела серый двор и тело. Свое тело. И только глядя на него со стороны, смогла заметить, что была не такой уж и страшной, как думала о себе. Или это смерть так расслабила тело, что ушла внутренняя напряженность, исчезли все рамки и барьеры? Осталась лишь она сама. Один на один с собой.

Саркон схватил девушку за плечо, безжалостно отрывая от последнего взгляда на тело, перед тем как его унесут санитары, рявкнул:

— Дура! У тебя должны были быть дети через несколько лет. Ты убила не только себя, но и сына. И дочь двумя годами позже. Знаешь, сколько тебе теперь мучиться за три отнятые жизни? Отнятые по твоей воле!

Девушка вздрогнула, поворачиваясь и разглядывая мощную фигуру демона, который в данный момент был незрим для столпившихся людей. Невидим, как и она.

— Ты убийца! Серийная! — Продолжил нагнетать демон.

Саркон был грозен. Желто-карие глаза смотрели безотрывно, с вызовом. Острые зубы, сплошь клыки, скалились в хищной ухмылке. Скорее волчий оскал посулил бы что-нибудь хорошее, чем этот.

— Ты... вы... за мной? В ад... да? — заикаясь, выговорила Татьяна, не задавая себе вопросов, чем же она говорит, если тело — вот оно, рядом. — Я же выполнила условия игры. — Какой к чертям игры?!

Девушка не ответила.

— Совсем мозгов нет? — Продолжил демон. — Тебя взяли на слабо. Развели. Забыла слова матери в детстве "что, все прыгнут с девятого этажа и ты прыгнешь?".

Татьяна повертела головой, действительно вспоминая эти слова.

— Я займусь организаторами ваших игр со смертью позже. — Пообещал демон. — А сейчас разберемся с тобой.

Сознание девушки еще не оправилось от шока и полностью ассоциировало себя с телом. Живым телом. О возможностях души девушка не задумывалась.

— Меня спасут! Вон скорая помощь!

— Кому ты там нужна? Ты — жалкое, ничтожное существо! Полчаса назад все было в твоих руках. Твоя жизнь была в твоих руках! Ты могла взяться за учебу, заняться спортом и найти новых друзей, помириться с родителями, в конце концов! Но ты решила, что проще будет загнать себя в тупик. Гордость не позволила найти другой выход?!

— Не надо нотаций, — привычно огрызнулась Татьяна, забывая, с кем разговаривает.

— Их не будет, — демоническая улыбка вогнала девушку в дрожь. — Ты сама все увидишь, сама ощутишь. Будет весело, обещаю.

Татьяна сложила руки на груди.

— Забирай мою душу и убирайся!

— Хорошо...но ты забыла, что твоя душа это ты и есть после смерти тела.

Скорая помощь уехала, забрав тело. Следом за ними покинула двор полиция, народ начал расходиться — шоу закончилось. Дело возбуждать не стали — стопроцентное самоубийство, а значит, и делать здесь больше нечего. Так, формальности для протокола. В лучшем случае заглянут с переписку в социальных сетях... но за недостатком улик дело вновь уйдет в долгий ящик.

— Ха-ха-ха, — громыхнул Сар. — Ты все еще ничего не поняла. Я пришел заставить ТЕБЯ страдать. Сейчас я покажу тебе, что такое работа демона.

Знакомый двор сменился ровной поляной с мертвой серой травой. Ночь сменилась днем. День был сумрачным, в воздухе носился аромат горьких трав. Слишком горьких для поздней осени. И как она вообще ощущает эти запахи? У души же нет носа? Или это все причуды демона? Зачем ей ощущать эту горечь?

Татьяна с демоном стояли посреди поляны. Никого вокруг. Девушка, ничего не понимая, уже хотела было повернуться к рогатому, чтобы спросить, зачем он принес ее сюда, но в следующий момент рядом появился маленький мальчик. Кудрявый голубоглазый карапуз лет двух-трех в джинсовом комбинезоне. Он протянул пухленькую ручку к Татьяне, и она, улыбаясь, протянула свою в ответ... Но руки не встретились.

Духи не могут касаться друг друга.

— Это твой сын, — громыхнул Саркон. — Первенец. Родился бы на четвертом курсе института. Какого института? Теперь не важно, но поступила бы ты с первого раза своими силами... Обидно, да?

По щекам Татьяны потекли безмолвные слезы. Она хотела обнять карапуза, прижать к себе и ощутить тепло, но руки проходили сквозь него. Все, что оставалось делать, это смотреть в осуждающие голубые глаза. Такие родные, знакомые.

Ее глаза! У него были ее глаза! Несостоявшаяся мама.

Рядом появилась маленькая девчушка с заплетенными косичками, радостной улыбкой, ямочкой на щеке. Она расставила руки и требовательно потянулась к Татьяне.

Дважды несостоявшаяся мама лишь обреченно рухнула на колени, содрогаясь в рыданиях.

— Дочь. В любви и согласии, — смаковал каждое слово Саркон. — Ты же придумала им имена? Еще несколько лет назад, не так ли? Ну, скажи, назови их по имени! — демон резко сорвался на оглушающий рев. — Обними покрепче!!! Ну, чего же ты валяешься у них в ногах и реवेशь?! Смотри им в глаза и ощущай то, чего у тебя НИКОГДА не будет!!! Н-И-К-О-Г-Д-А!!!

Татьяна согнулась в рыданиях.

Демон совсем спокойно добавил:

— Их духи будут навещать тебя каждый день. Чтобы не скучала. День ото дня. Каждый день... М-м-м, как мне нравится это слово — бесконечность.

Дети исчезли. Поляна с пожухлой травой и увядшими цветами тоже. Они снова находились посреди опустевшего двора. Саркон возвышался во весь рост, а Татьяна стояла на коленях и тыкалась лбом в асфальт, как молящийся юродивый. И не ночь была, а лишь ранний вечер.

— Ты не любила старшую сестру? Ты считала, что она тебя ненавидит. Так? Тогда смотри, что она пережила! — и он схватил ее плечо, больно сжал (дух ли, душа ли, но когти демона отчетливо ощущались на коже, впиваясь остриями, вспарывая кожу), рывком поднимая на ноги. Сильные пальцы подняли подбородок и направили взгляд на верхние окна.

Там раскосая девушка стояла на подоконнике и смотрела вниз. Еще миг и она — Татьяна живая — сделает шаг и...

Демон развернул Татьяну в противоположную сторону. С магазина в сопровождении подружки шла старшая сестра Марина. Едва увидев на подоконнике сестру, Марина бросила полные продуктов сумки и кинулась к подъезду.

Остановить! Только бы успеть остановить!

— Нет! Нет, Таня! НЕ НАДО!!! — Ее крик оглушил Татьяну, отчетливо увидавшую ужас на лице старшей сестры.

Это она кричала. Это ее крик застыл в ушах.

— Хочешь узнать, что она ощущала? — Демон рывком толкнул Татьяну, и она неожиданно оказалась в теле сестры.

Ужас овладел ею. Она смотрела глазами сестры на окно седьмого этажа. Она видела, как девушка сделала шаг, расправила руки и тяжело полетела вниз. Полетела некрасиво и слишком быстро. Совсем не так, как в красивых, но лживых фильмах. Где же этот момент замедленной съемки? Где расставленные как крылья руки?

— Да, да, знаю, что ты хочешь насладиться этим моментом. Знаю, — донеслось от демона, и он замедлил падение тела и время.

Теперь это была их реальность.

Татьяны и демона.

Жертвы и мучителя.

— Сколько раз повторим? Сотню? Тысячу? Как насчет миллиона?

— Не надо! — надрывно закричала Татьяна.

Крик усилился.

Демон рассмеялся и только плотнее принялся за работу...

Падение, казалось, длилось вечность. За это время сердце Марины, а с ней и Татьяны, сотни раз холодело, больно било в грудь и волны ужаса гуляли по телу человека и духа. Момент шока растянулся до бесконечности. Муки лучше для самоубийцы придумать было нельзя. Татьяну цепляло за самое близкое, родное, живое... все еще живое.

После падения на крик из дома выбегут родители.

Плач, рыдания...

Отец попытается взять раздробленную голову на колени, а волосы на висках поседеют на глазах. И мать упадет рядом, колени будут обгарены кровью дочери.

Ее кровью!

Так продлится до момента, пока скорая помощь не заберет тело. Повторится не раз и не два, и будет повторяться до той поры, пока демону не надоест.

Татьяна видела это уже сотни, тысячи раз, а настырный демон раз за разом прокручивал каждую деталь, каждую эмоцию. Мучитель смаковал, комментировал, наставлял. Он был полновластным режиссером этого фильма и пытался донести до единственного зрителя каждый момент, каждый кадр. И это был не последний туз в рукаве демона. Пока были лишь мелкие карты, без картинок. Джокер впереди.

Когда тело самоубийцы рухнуло в очередной раз, и череп с сухим стуком раскололся об асфальт, Саркон вытащил Татьяну из тела сестры, и двор сменился помещением реанимационного отделения. Об этом оповещала тусклая табличка над входом. Суетящиеся врачи и медперсонал не оставляли в этом никакого сомнения.

Ярко освещенный коридор. Белые двери. Стены окрашены в темно-зеленый. На стульях у палаты сидят мать с отцом. Опершись о колени, он зажал голову руками, и крупные слезы катятся по щекам, она не плачет — застыла.

Татьяна не могла припомнить случая, чтобы отец рыдал. Ни одного. Но сейчас он именно рыдал. Выл как раненый зверь. Неужели ничто не в силах его остановить? Видимо, только время.

— Или алкоголь? Много алкоголя! — Напомнил о себе Саркон за плечами. — Что, любил тебя папашка, да? Еще как любил, слепое ты ничтожество, — бросил в спину демон. — Не эти ли слезы говорят, что обожал? А теперь он начнет пить. Пить и пенять твоей сестре за то, что она не успела... Молодец, умница, Татьяна. Ты одним своим шагом развалила семью. Самостоятельная. Единолично приняла эгоистическое решение. Хвалю.

В следующую секунду из палаты вышел человек в белом халате. Отец Татьяны, смахнув слезы рукавом, поднялся навстречу ему и что-то тихо спросил. В ответ хирург лишь плотно сжал губы и медленно покачал головой.

Отец опустил обратно на стул. Лицо побелело.

Возобновившиеся рыдания матери прокатились по отделению. Прорвало.

— О, какая ирония, — хмыкнул демон, — ты только что окончательно умерла. Хочешь посмотреть на то, как медсестра прикроет глаза? Я же знаю, хочешь. Еще как хочешь. Пойдем, красавица, посмотрим на твое окончательно мертвое тело. Конфетка перед

вскрытием.

Он взял за руку и завел в палату.

Кровать. Окровавленные повязки. Аппаратура. Недавно пикавшая, теперь смолкшая, погруженная в молчание. Больше не борется за ее жизнь. Ушла жизнь.

Санитары ввозят носилки. Белое тело небрежно, бесцеремонно бросают с кровати на каталку. Ему теперь все равно, а санитарам и подавно. Теперь морг, патологоанатом и могильщики — последние "друзья" тела. Наведут лоск — посмертный грим.

— О, нет. Ты не хочешь смотреть на палату? — Хохотнул Саркон. — Ты хочешь посмотреть на свое вскрытие и на то, как поддатый санитар тебя обмывает? Знаю, ты хочешь вкусить всю прелесть ритуальных услуг. Будешь в лучшей одежде. Красавица такая, напомаженная и покрашенная. Тебе даже улыбку сделают, словно умерла в объятьях мужа. А черепушку поставят на место насколько возможно. Чем-нибудь заклеят. Гости на похоронах не увидят рваных швов на твоём теле. Красота, да?

Тане хотелось стошнить, вывернуться наизнанку, но духи, увы, не способны извергать из себя хоть что-то.

Таня хотела упасть в обморок, но духи не могут.

Таня хотела вонзить себе нож в сердце, но ДУХИ НЕ МОГУТ!

Только явь! Только самое жуткое из возможных ощущений реальности вокруг!

Вместе с красноречивым эскупером они появились на новом кладбище. Пустырь с подтопленными дождями могилами и покосившимися крестами. Просто еще одно место, выделенное муниципалитетом для города мертвых.

— О, отличное местечко. Его как раз еще не благоустроили, — любезно подсказал демон. — В соседях у тебя безымянные бомжи и алкашня. И мать будет вновь и вновь рыдать, терзая душу отцу, почему он не выбил для любимой дочери места получше? А он не мог, Танечка. Не смог! Хорошие места дорого стоят, а твои похороны и так основательно опустошили заначку семьи. Ах да, это были твои деньги на институт. Или на большой подарок, если поступишь на бюджет как отличница. Ты же была отличницей, Танечка? Да, умница ты моя?

Татьяну рвало на части. Демон издевался и подначивал, не прекращая пытку, не давая передохнуть и мгновения. Карусель пыток с единственным рубильником в его руке.

Незримые наблюдатели пристроились в конце скорбной процессии, и пошли сквозь провожающих самоубийцу. Никто не замечает ее присутствия. А если и чувствует что-то, списывает на стресс.

Те, кого Татьяна касалась, передавали ей свои ощущения, мысли, чувства. "Такая молодая, вся жизнь еще впереди", "Дура, так и родители скоро рядом лягут", "Жить бы еще да жить", "Еще же совсем ребенок", "А такой милой девочкой была", "Такое будущее могло быть".

Много эмоций, много страданий, много мнений. Всех объединяет печаль. Каждый ощущает себя чуть ближе к могиле. Каждый пропитывается страхом смерти и проникается теми мыслями, что когда-то и его понесут в гробу закапывать в землю. Лично ЕГО в эту самую сырую землю. Чтобы стал прахом, тленом.

Демон посмеивался, и подталкивал к краю могилы. Туда уже положили гроб. Двое копателей ожидали, пока скорбящий народ отдаст дань уважения, покидав по горсти земли. Ждали, чтобы поскорее закопать самоубийцу и вернуться домой. Там принять горячую ванну, отужинать и посидеть в кругу семьи за телевизором, оставив весь этот ужас здесь, а

горе — лишь ее семье. Ведь человек ко всему привыкает. Работающие в индустрии смерти тоже люди. У них тоже есть семьи и другая жизнь. Другая, помимо работы.

У Тани не осталось эмоций. Демон выжег все изнутри, выдоил до последней капли, осушил. Девушка просто вглядывалась в лица и впитывала все эмоции присутствующих на своих похоронах, как губка. Им так будет проще, а ей уже все равно. Хоть от кого-то откусить кусочек боли, убрать негатив, которым именно она всех пропитала. Сделать хоть что-то для живых. Может, когда-нибудь... хоть когда-нибудь простят.

Внезапно девушка-самоубийца заметила среди людей хмурого парня. Он не рыдал, стоял чуть вдали от всех, но на белом лице читалось столько боли и горечи, что казалось — парень лил слезы внутри себя.

— Леша? А что он здесь делает? Я бы никогда не подумала, что он может прийти ко мне на... похороны, — добавила после паузы Таня.

— А-а, этот? — протянул демон, почесывая подбородок. — Это твой несостоявшийся муж. Пришел попрощаться с тобой.

— Алеша?! МУЖ?! Но почему? Почему он здесь???. Это... это невозможно! — Впала в истерику девушка.

— Потому что ты была ему дорога. Стал бы он так просто твоим мужем? А? Глупая ты. Разве завели бы вы двоих детей, если бы не любили друг друга? Брак по расчету не для семей со средним достатком. Вы же не из "золотого миллиарда", так ведь, крошка? Значит, все могло быть только по любви.

— Что?! — Опешила Таня, срываясь на истерику: — Нет! Ты ошибаешься! Он не мог быть моим мужем. Он... слишком... красив... — непонятные слезы задушили ее, оборвав слова. Она и слезами-то их называла лишь по инерции. Эта гамма ощущений за пределами тела была гораздо большего спектра. Рвало на части саму ее душу.

— Ха-ха-ха! — веселился демон. — Красив и умен! А ты тупа и мертва. Вот незадача!

— Он ко мне ни разу не подошел даже! — выпалила Таня, находя в себе силы для хриплого голоса. — Я же даже не нравлюсь ему!

— Это не так, — спокойно ответил Саркон. — Человек не всегда способен понять другого человека. Более того, почти никогда не понимает. А когда думает, что понимает, то чаще всего ошибается. А здесь ошиблась ты. Не много ли ошибок для одной девочки, а, Танечка?

Самоубийца ощутила новую порцию боли. Она пришла из ниоткуда и была подобна второй смерти.

— Ты боялась с ним заговорить, — продолжил довольно демон. — А почему ты думаешь, что он не боялся? Ты делала вид, что не замечаешь его. Как он мог узнать, что нравится тебе? Его пугало то, что ты посмеешься над его чувствами, только и всего. Вы, люди, странные существа. Внешне часто не проявляете никаких ощущений, но внутри у вас творится то, чего и сами не признаете, скрываете даже от себя. У меня просто слов не хватает, чтобы описать, насколько вы бываете неправы.

— Это не честно! Я не знала!!! — прокричала что есть сил Таня и вновь сокрушенно опустилась на холодную землю.

— Честно. Все было в твоих руках, — напомнил Саркон. — Твой выбор. Или ты думала, что "черная полоса" никогда не заканчивается? А была ли она такой уж бесконечной? Или ты просто шла вдоль нее? Подумай. Времени у тебя будет много. Оно все теперь для раздумий.

Ветер хлестал по лицу вполне ощутимо. Татьяна смотрела на одного лишь Алексея, который тихо стоял в окружении людей, не привлекая к себе и порции внимания. Стоял одинокий, поверженный. Как птица, у которой отняли крылья.

— Леша... — тихо прошептала она. — Ну почему все так? Дура...

— О, первая разумная мысль за день, — добавил демон. — Устроим перекур или показать тебе, что случилось с Лешиком вскоре после твоей смерти? Уверен, ты не устала. Ты же так любишь смотреть это кино. Ты наслаждаешься им... Это все, что тебе осталось.

Омертвевшие листья плавно ложились под ноги. Только начало осени, а листья черные и безжизненные. И мир вокруг серый и жестокий. Хмурый и подавленный. Уничтоженный и обездушенный. В нем совсем нет жизни, как и в самой Татьяне. Ее жизнь осталась на асфальте во дворе.

— Что могло случиться с Лешей? Он хорошо учится и вообще красавчик. У него будет лучшая жизнь, чем... чем могла быть со мной, — всхлипнула Таня. Слова ее звучали слабо и неуверенно.

— Ну, как тебе сказать... смерть близких иногда меняет людей, — и демон хлопнул в ладоши. — Посмотрим, что же ты подарила своему Лешке? Такой небольшой подарочек. Нежданный сюрпризик, ломающий психику...

Вечерний парк с ненастной погодой и редкими прохожими. Скамейка, забитая пьянствующей молодежью. Пиво гуляет по рукам, бутылки пустеют на глазах. То и дело над головами поднимается в воздух облачко дыма. Огоньки сигарет мелькают чаще, чем слова.

Алексей сидел в компании изрядно подвыпивших приятелей и допивал бутылку водки. Самой дешевой, самой худшей, пахнувшей примесью. Допивал, хлебая прямо с горла. Взгляд был отсутствующим, он смотрел прямо перед собой, не замечая мира вокруг.

— Во ботан дает. Выжрал за раз, — донеслось от "другана". — Алкаш! Я же говорил, что все отличники так бухают, когда срываются.

— Он же, сука, последнюю выхлебал, — сосед щелкнул Леху по лбу, и компания закатилась пьяным смехом.

— Отвали, — обрубил Леха, не меняя хмурого выражения лица. Даже не посмотрел на обидчика.

— Да харе из себя страдальца строить! Сорок дней прошло, начинай новую жизнь! Мы тебе такую деваху найдем, закачаешься. С во-о-от такими сиськами, — еще один "кореш" показал грудь, не существующую в природе.

Компания вновь заржала.

— Заткнись, — прохрипел Алексей, просверлив хохочущего холодным взглядом. — Это вы, ушлепки, ее довели. Каждый раз ржали, издевались над тем, как выглядит, что говорит. Бараны тупые. Затюкали девчонку, вот и прыгнула в окно. Козлы!

— Чего? — Буркнул один.

— Ты за базаром-то следи! — Поспешно добавил второй. Вроде поток ругательств превысил допустимую "норму", и пора было напомнить, что почем.

Алексей же не унимался. Напротив, ткнул в одного из притихших опустевшей бутылкой.

— А ты, Рыжий, ее больше всего доставал! Сраный садист! Ты ее мышью постоянно называл! — Глаза Алексея сверкнули. Он перевернул бутылку и ударил о край скамейки. По асфальту разлетелось стекло. В руке осталась "розочка".

Резко вскочив со скамейки, Алексей, не особо понимая, что делает, ткнул розочкой в глазницу рыжего здоровяка.

— Что, сука, получил? Кто теперь мышь? А?! — прокричал обезумевший от внутренней боли одноклассник, вынимая розочку и снова втыкая в лицо мучителя любимой.

Затем снова, снова.

Вся компания, застыв, смотрела, как лицо дружбана покрывается кровью и превращается в мясо. Никто не мог отвести взгляда или просто что-то сказать. Всех словно парализовало.

Татьяна стояла, опешив. Рот открывался, чтобы что-то сказать, но не могла выговорить и звука...

— Умышленное убийство с крайней жестокостью, — ввел в курс дела демон. — Шестеро свидетелей. Пятнадцать лет колонии строго режима. Проживет там восемь месяцев, а потом сорвется, наделает ошибок и получит заточку в бок. Довольна? — любезно поинтересовался демон и коснулся плеча...

Родная квартира. Поздний вечер.

Мать сидит на диване в темноте и плачет, плачет.

— Она постарела и не понимает, зачем дальше жить, — продолжил Саркон. — Только если ради старшей дочери. Но едва та выйдет замуж и переедет, как твоя мать сломается. Потеряется последняя связующая нить.

— Последняя? А где отец? — одними губами прошептала Татьяна.

— Нет больше папашки. Сердце-то не резиновое. Боль, водка — инфаркт.

Таня безмолвно открыла рот.

— Знаешь, что? Ты оставайся здесь, смотри на мать, наслаждайся сделанным. У меня еще таких, как ты, вагон и маленькая тележка, — продолжил Саркон. — И всем надо показать их любимый фильм. Так что пойду я, Танечка. А тебе на прощание скажу, что из-за стресса, пережитого твоей сестрой, она никогда не будет иметь детей. Это последнее наследие, что ты привнесла в свой дом глупой смертью. А теперь прощай, Татьяна. Прощай, как ты сказала своей жизни.

— Нет! Стой... Подожди. НЕ БРОСАЙ МЕНЯ!!!

Демон больше не слушал, оставив ее в замкнутом мире боли один на один с собой...

Саркон, полный сил и энергии, вышел из двора, как из портала. Теперь там два мира. Обычный и страдальческий — вотчина самоубийцы. И душа девушки сможет выйти из него только тогда, когда сама сумеет простить себя.

Это будет нескоро. Душа честнее разума человека. Не ищет себе оправданий, предпочитая полное очищение от скверны сделанного "головой". Человек сам создает себе и рай, и ад, сам решает свою судьбу, на то Даритель наделил его душой. Так что прощение может случиться сегодня, а может не случиться никогда. Возможно, она могла бы простить себя раньше, но с теми картинками, с теми иллюзорными мирами, что показал ей демон, самоубийца выйдет из внутреннего мира совсем нескоро.

Человек наделен большими силами и все зависит от того, на что он их тратит. Кто на развитие, кто на деградацию, кто на самоистязания. Щедрое мироздание дарит каждому свое по его требованию.

Такая была у Саркона работа. Все страдания души Татьяны питают ни одного беса, прежде чем она иссякнет окончательно. Человек — самая мощная энергетическая установка. Но даже она имеет пределы.

Все в мире имеет предел.

Рядом возникла Люция, заметила:

— Привет, Сыр. Что-то ты сегодня долго возился. Целых полчаса трудился. Поймал кайф от работы? Понравилось?

Действительно, то, что тянулось для Тани бесконечно долго, для обычного мира растянулось на полчаса, не более. Время в разных вариациях миров течет по-разному. Антимир — не исключение.

— Зато сколько сил! Сколько сил! — подметил Саркон. — А тебе кто достался?

— Да двое. Любящая пара. Насилу примирила. Хорошая, крепкая семья будет, — и Люция улыбнулась лучезарной улыбкой ангела.

Саркон для себя заметил, что куш сорвала не меньший, чем он. Что ж, у каждого свои методы.

Жаль только, человек как источник всего один.

Дождь. Мелкая, нудная морось сыпалась на плащи, собираясь в капли и скатываясь вниз, под ноги. Холодная, непонятная погода. Рай для простудных заболеваний. Длинные локоны Люции намокли. Белые пряди торчали из-под капюшона и свисали на груди, набирая влагу и вес. Ангел шурилась от порывов ветра и прижималась к напарнику. Он большой — пусть защищает от ветра и непогоды.

Саркон хмурился, но ангела не отстранял, наоборот, расстегнул плащ и прижал к себе, делясь теплом, грея своим телом. Да и объятие напарницы, вопреки привычке демонов считать ангелов уродами, было приятно. Если не поделиться с этой мокрой курицей теплом, с кем потом работать? Дадут урода еще похуже. А ее дыхание обжигает. Не пламя Преисподней, но от прикосновений тонких ручек по грубой коже странные ощущения. Приятно. Вспомнить, когда с ним было подобное, он не мог. Она словно ласкает льдом. Демон ненавидел холод, но этот терпеть мог.

Люцию как новообращенную никто не воспитывал в духе ангельских сообществ. В кровь вместе с постулатами ненависти к демонам не привили. Сар грел, и этого было достаточно, чтобы считать его своим. Большой, теплый, добрый мишка, хоть и вредный.

Новый улов состоял из студента. Молодой человек в очках по жизни ничем темным не отметился. Но теперь он восседал на груди извивающегося сатаниста.левой рукой студент вцепился жертве в горло и душил. Старался наверняка, чтобы лишить жизни. Правая рука уже была занесена для удара. Острый нож в виде распятия, уже пропитавшись кровью, чуть дрожал в этой руке. Вероятно, юноша так увлекся, что начисто забыл про более быстрый способ лишения жизни. А, может, его забавлял вид противника — выпученные в страхе глаза, искривленный рот. Студент развлекался. Еще двое жертв лежали чуть в стороне, истекая кровью и уже без сознания.

— Еще один религией загрузился! Он мой, — на бегу бросила Люция.

— Что-то очень похоже на тот случай с развоплощением, — прокричал в ответ демон. — Будь осторожна!

Оба стали видимыми.

Фанатик, ослепленный яростью, не заметил гостей за плечами. Он уже был готов вонзить в жертву лезвие ножа. Но ангел ногой в берце врезала ему в живот. Мститель веры мгновенно сложился пополам от мощного удара и закашлялся. Острое распятие звякнуло об асфальт.

Люция быстро притронулась ко лбу обезумевшего, на секунду вспыхнул свет — студент мгновенно уснул, отключившись. Сатанист, почувствовав свободу, отполз в сторону, но увиденное поразило его до дрожи. Он расплылся в безумной улыбке, дернул головой, и мир потух в его глазах.

Ему снились ангелы... Через семь минут молодого фанатика обнаружит патруль. Студент столько наговорит сгоряча, что потом не увильнет от психиатрической экспертизы. Состоится суд, который признает его невменяемым и немалую часть жизни он проведет в психиатрической лечебнице. Где и сможет вести миссионерскую деятельность среди

слабоумных и читать им проповеди. Но это будет позже, а сейчас двое посланников вновь стали невидимыми для посторонних глаз.

— Любопытные экземпляры, — подал голос за спиной ангела Саркон, поглощая энергию носителей своего эгрегора — трех сатанистов. Без жалости выпил всех почти до дна.

Люция повернулась, кивнув. Демон присел перед павшими душами и вновь прочитал тех, как открытую книгу. Вслух произнес:

— Этот убил свою бабушку ради квартиры. А этот зарезал любимую девушку после того, как она сказала, что беременна. Оба умрут до приезда скорой помощи, я забрал слишком много. И только спасенный тобой сатанист ограничился резней кошек. Ему дали шанс выжить, поэтому его добивали последним.

Люция устало повела плечами, буркнула:

— Каждый сам выбирает свою судьбу. Ты-то хоть поел сейчас немного, а я снова совсем голодная. И почему "твоих" всегда больше?

— Да разве это энергия? — Пробурчал демон. — Хиленькие шестерки. Вот когда тебе встречаются экземпляры, то ты сыта несколько дней. Мне чаще, тебе больше. Баланс.

— Я есть хочу! И замерзла! — Заканючила ангел.

— Горячий капучино еще никто не отменял, — напомнил демон.

Двое вышли на освещенную улицу, побрели вдоль рядов фонарей и света окон квартир. Ночь только начиналась, и работы еще предстояло немало. Ноги вновь повели к кафе. Там тепло, там свет.

Впереди прошла неслабая девушка-маг, понятия не имеющая о своей силе. Она была в скверном настроении, мыслями создавала вокруг нестабильное поле. В лучшем случае изменит в городе погоду, в худшем — вызовет массовую катастрофу и погубит людей. При мысли об угрозе все мечты о тепле и отдыхе улетучились.

Люди даже не подозревают, насколько влияют на мир вокруг себя. Каждый из них.

Саркон кивнул напарнице. Переглянулись. Кафешка снова отменяется. Оба стали видимыми и неспешно побрели за магинею, переговариваясь, перекидываясь шуточками, как обычная молодая пара. И внимания не привлекут, шагая в отдалении, и следить можно, не отставая.

Сбылся худший из возможных вариантов. Девушка своими невеселыми мыслями привлекла внимание группы пьяных отморожков. Эти теперь не отстанут, почуяв и ее внутреннюю силу, и страх.

Люция нахмурилась — распознала в одном из пьяных нечисть, накинувшую личину собутыльника для прочих. Он и подстрекает компанию на "подвиги". А потом все не могут вспомнить с чего все начиналось.

— Ну, сейчас начнется, — сокрушенно протянула ангел.

— Я не могу его просто убить, — напомнил Саркон. — Не имею права.

— А я не могу ее просто защитить... Повода нет. Молитву не творит.

— Тогда смотрим спектакль, — пожал массивными плечами демон.

— Девушка, дай закурить, — процедил сквозь зубы один из пьяной компании магине.

Она обернулась. Ангел и демон увидели немного растерянное лицо, открытый взгляд, пирсинг-гвоздик в носу.

— А не дашь — сами возьмем, — добавил подстрекатель девушке, гулко хохотнув.

Девушка в растерянности остановилась. Саркон прибавил шагу, надевая боевые перчатки. Сможет вмешаться после первого удара. Лишь бы он не оказался фатальным.

Сфера над головой магички пропиталась страхом. Темное облако смешалось с недавними эмоциями: "Да что бы вы все сдохли!", "Когда уже рухнет этот мир?", "Как же все это надоело, хоть под колеса прыгай!"

Страх пропитал эмоции темной силой, сфера увеличилась в размерах.

— Что делать? — крикнула ангел, хватаясь за клинки.

— Ждать, — бросил демон.

Девушка что-то испуганно ответила пьяной четверке. Подстрекатель подтолкнул еще одного "другана" из компании. Тот придвинулся в жертве, готовый к действиям.

Люция сконцентрировалась. Судя по развитию возможной линии событий, через тридцать шесть секунд, когда девушка попытается вырваться, нападавший ударит ее кулаком по лицу. Сфера лопнет от волны страха и произойдет крупная катастрофа. Люди не понимают, что каждой эмоцией вызывают целую бурю в тонком мире энергий. Что-нибудь вблизи обязательно взорвется, разобьется, уничтожится. Нет ничего случайного, и нити будут тянуться гораздо дальше, чем способен просчитать посланник другого мира.

У девушки есть только один шанс вспомнить о чем-нибудь хорошем, иначе вмешательство Саркона неизбежно. Лучше уж четыре убийства на прожор демонам, чем катастрофа для сотен людей. Принцип меньшего зла. Огненные перчатки телепортируют черные души в ад. Как неспособных сокрушаться самим, их будут пытаться совсем другие сущности. Где черти постараются, где бесы помогут. Отголоски этих изобретательных мук и есть понимание ада в людских умах, которые описываются и даже зарисовываются людьми, видящими тонкий мир, уже тысячи лет подряд.

Люция прикрыла глаза, концентрируясь на радужных мыслях, на тепле и свете, на добре и помощи, на свободе и ощущении полета. Светлый шар полетел в темную сферу, но почти весь растаял, попала лишь капля... Из переулка вынырнул парень с массивными наушниками на половину головы. Плеер играл на всю мощь, лицо незнакомца было радостное, расслабленное. Парень судя по форме был явно спортивным и в хорошем настроении.

Не останавливаясь, он на ходу пригляделся к компании и девушке. Оценил обстановку...не свернул. Пошел прямо к компании.

— Помогите, — жалобно обронила девушка одними губами, полуобернувшись.

Парень кивнул. Даже ускорил шаг. Не останавливаясь, тяжелым ботинком "каamelot" дал под колено нечисти-подстрекателю, пристающему к девушке. Массивный кулак прорезал воздух, сбивая с ног второго нахала еще до того, как тот повернулся. Третий нападающий оказался проворнее — обхватил сзади, давая возможность четвертому врезать парню под дых. Но меломан не стал ждать удара, сполз вниз как капля воды, плечами раздвинув захват. Схватил за ногу державшего его и потянул вверх. Третий рухнул на асфальт, разбивая темечко о мокрый бордюр. Четвертый тут же получил по печени кулаком, а когда согнулся, то вдобавок коленом в нос. Завалился на землю.

Парень оглядел поверженных противников, стянул наушники — магичка явно услышала боевые напевы и ритм барабанов. "Рыцарь", подхватив спасенную под руку, заговорил приятным баритоном:

— Добрый вечер, миледи. А я иду, главное, с тренировки, смотрю — Хича освободился с зоны. Ой, думаю, беда с девушкой будет. Простите, но не мог не помочь. Как вас зовут? — спросил он так, словно ничего и не было, только чуть сбивалось дыхание, да сердце стучало

по ребрам, выдавая волнение.

— Милослава, — улыбнулась пораженная девушка.

— Какое доброе имя. А меня Арий. Отец фанат "Арии". Металлюга еще тот... Скажите, Милослава, а можно пригласить вас в кафе погреться? Вас не ранили? Я обязан вас осмотреть. — Парень потянул девушку прочь от места столкновения, не дожидаясь ответа. Разгоряченное адреналином тело действовало быстрее.

— Идем, Арий. Можно "ты", — продолжила Милослава, последним взглядом окинув поверженный квартал.

Люция застыла, всматриваясь в парочку. Темная сфера над головой магини растаяла, как будто и не было. Невероятно! Такого быть не могло. По крайней мере, так сразу.

Саркон стянул огненные перчатки и опустил руку на плечо напарнице. Грустно произнес тоном поверженного:

— Ну, вот. Еще один Свободный. Один ноль в пользу людей.

Ангел тяжело вздохнула. Самыми непонятными для нее существами в мире были именно Свободные люди. Куда там серафимам!

Ночная смена на этом не закончилась. Хмурая осенняя ночная погода убивала Люцию. Да, она не может умереть как простой человек, замерзнув, но неприятные ощущения вгоняют в тоску. Крыльям нужны тепло и сухость.

Проклятая погода!

Иномирцы остановились у кафе, прижавшись друг к другу, как молодожены. Со стороны — так просто лобзающая друг друга пара. Разве что третий час ночи сбивал с толку, что им здесь нужно и мерзкая погода мало подходила для прогулок. Вдобавок, пара то исчезала с посторонних глаз, то появлялась, экономя силы.

До утра еще много работы. Надо беречь припасы. Начальство спросит за все, если уйдут с дежурства раньше времени. Они на испытательном сроке, как экспериментальный дуэт. С Посланников тени особый спрос.

— Сыр, — протянула ангел.

— Что? — глухо пробормотал Саркон.

— А почему у тебя нет хвостика?

— Эй, это ты так греешься? — Хмыкнул демон. — Или это обыск?

Голос демона чуть понизился. Появились даже оттенки некоего смущения, чего раньше Люция за ним не замечала.

— Ну... мне же интересно, — хихикнула довольная Люция. Похоже, она нащупала его слабое место.

— Все ангелы такие любопытные?

— Все демоны задают встречные вопросы? Это прерогатива земных женщин. Запомни.

— Хорошо, хорошо. Сдаюсь, — пошел на попятную демон, привыкший, что спорить с ангелом себе дороже.

— Тогда признавайся. — Развеселилась Люция, потирая руки. — Сейчас я из тебя все вытяну.

— Наш род не из хвостатых, Лю, — ответил Саркон и на этом допрос прервался.

Демон понял, что вроде надо отстраниться как гордому потомку своего бесхвостого рода, но проклятые руки не разжимаются. Объятья ангела как заколдованные. Как ей удастся так поступать с ним?

— Что? И это все? — Люция попыталась ущипнуть, но роговую броню особо не

подденешь, разве что освященным мечом. Те режут ее, как свежий хлеб.

— А что еще? — Саркон приподнял бровь. Без растительности на лице та выглядела немного странно. Но люди в последнее десятилетие так изгаляются над своими бровями, что никто этого даже не заметит.

— Я видела хвостатых чертей, бесов. Больше никого. — Честно призналась Люция.

— Хвосты для мелкой нечисти.

— А ты, значит, нечисть крупная?

— У меня три рога!

Люция отстранилась, скрывая улыбку.

— Да какие рога... Так, рожки...

— На большие шляпа не налезет, — сделал вид, что оскорбился, Саркон. — Так бы с крупнорогими по городу шастала? Мороки бы больше было. Ты же понимаешь, что демон в шляпе выглядит как гриб?

— Значит, с тобой мне еще повезло? — Сделала вывод ангел. — Хотя бы с тем, что не показываешь мне свой гриб.

Демон грубо отстранился. Разговор прервал новый "приказ". Сразу обоим. Первой подхватила ангел, получив координаты и уточнение задачи.

— Ладно, оставим наши прения, — предложила Люция. — Начальство шлет новый наказ... Не понимаю только, почему мы должны этим заниматься?

— Искушение... — Протянул демон. — Да что там у них — совсем рабочих рук не осталось?

— Наверное, мы ближе всех. Идем. Там видно будет.

Замерцавшее синее марево телепорта. Шаг. Пустота.

Вышли на другом конце города в спальном районе, для порядка почти скрыв тела. Если бы кто взглянул со стороны, увидел бы лишь дымку. И, по обыкновению, посчитал, что показалось. В дождь в ночи чего только не увидишь. Редкие прохожие бредут усталые, а то и вовсе пьяные. Этим чего только не мерещиться.

Несколько панельных домов, соединенных буквой "П". Серый темный дворик утонул в лужах. Покореженная детская площадка, куски асфальта вместо дорожки, протоптанные тропки среди высокой жухлой травы. Подъезд без фонаря. Темень. Домофон вырван с корнями. Дверь отворилась от одного рывка. Пахло сыростью и мочой. Люция поморщилась, пройдя под рукой любезно придержавшего дверь демона.

— Господи, в какие места мне приходится лазить, — вздохнула ангел.

— Можешь оставить клиента мне, — хмыкнул Саркон, поднимаясь по ступенькам следом. — И не участвовать.

Ангел резко откинула капюшон, обязательно стараясь, чтобы капли попали на лицо Сару. Демон оскалился.

— Не шали, накажу, — пообещал Саркон.

— Бе-бе-бе, — Люция вполне по-человечески показала язык.

Лифт не работал. Пошли пешком. Переступив спящего на третьем этаже человека (год назад выглядел вполне по-человечески), добрались до искомой лестничной площадки на пятом этаже. Источник задания находился за дверью.

Саркон расплылся в усмешке:

— Чувствую предтечу грехов. Спорим, что ты останешься без обеда? Сфера уныния давит на виски. И питают ее как раз твои подзащитные. Говорил же, оставь клиента мне.

Следующий был бы твой. Договорились?

Люция поправила клинки и, не удостоив напарника ответом, первой шагнула сквозь дверь.

Двухкомнатная квартира. Комнаты наполнены скорбью и печалью. В семье из троих человек около года как не стало матери. Отец и дочь словно не замечают времени. Шлейф тоски не угасает. Это почувствовал и шагнувший следом демон. Усмехнулся. Еще бы — его рабочая обстановка.

Запах уныния привлекал мелких бесов. Ангел недовольно поморщилась, шикнув на наиболее ретивых. Бесы умчались под потолок и спрятались за Саркона, корча рожи и показывая языки ангелу. Обращать на них внимания смысла нет.

Демон схватил одного беса, задевшего его за ухо, и размазал по стене. Мелкое крылатое создание пискнуло и свалилось на пол кучкой окровавленного мяса, невидимой человеческому глазу. Беса можно почувствовать, бесконечно убираясь в комнате, но вновь и вновь ощущая какую-то грязь, пыль. Убрать это можно только положительными эмоциями.

— Теряешь прислугу, — хмыкнула ангел.

— Даю тебе фору, пернатая, — не сдержался демон.

Небесная дева первой вошла в комнату. Двое людей лежали в одной большой кровати. Отец лет сорока и дочь шестнадцати-семнадцати лет.

За окном стояла беспросветная темнота. Ни звезд, ни полумесяца. Нудный дождь продолжал стучать по крыше. Барабанной дробью отвечал старый подоконник. Свирепый ветер свистел сквозь приоткрытое пластиковое окно. Прохладно. Отец крепко спал. Дочери, чтобы закрыть окно, встать не хотелось вовсе.

Люция прошла до кровати, села на край, концентрируясь на девочке. Она очень грустила по матери, но еще больше любила отца. Эта любовь заставляла ее каждую ночь под разными предлогами оставаться в его кровати. Она сама не знала, чего хочет. Странные ощущения тянули к разбитому горем отцу, желая помочь. Но благими намерениями вымощена дорога в ад.

Демон подошел вплотную и присел рядом, ожидая реакции напарницы.

— Нет, — прошептала дева неба. — Не делай этого. Он спит, но его не потянет к собственной дочери. Несмотря на все отчаяние, на дикое желание, что иногда накатывает и погружает с головой.

— Но он догадывается, для чего она каждую ночь принимает душ и якобы случайно забывает надеть нижнее белье или одевает совсем не то, что стоит носить маленьким девочкам. Ты бы видела, что у этой "лолиты" в голове.

— Вероника. Ее зовут Вероника.

— Не меняет сути, — продолжил демон. — Она прислушивается к его дыханию и сейчас под предлогом холода закинет на него ногу, прижавшись плотно-плотно. А ты знаешь, в чем она сегодня одета?

— Он спит и ничего не заметит, убери бесов. Не зли меня, Сар. Ты же знаешь, как я отношусь к кровосмешению. Убери их!

— В этой квартире слишком долго не звучал смех. Уберу одних, придут другие. Сдавайся. Она уже приступила к своему дерзкому плану. Сердце стало стучать быстрее. Еле дышит. Слышишь?

Люция и сама уже видела, как Ника залазит под его одеяло.

Ангел скинула плащ и легла рядом с Вероникой, шепча на ухо:

— Одумайся, Ника... Ничка... Ведь так в детстве называла тебя мама... Ты любишь папу... Конечно же, ты его любишь... Но это уже не любовь... Это в тебе просыпается женщина. Но ты женщина не для этого мужчины! Так нельзя! Он твой отец!

Саркон обошел кровать, разговаривая на волне напарницы. Дальше если бы он закричал, никто из людей в комнате его бы не услышал.

— Да брось, Лю. Дочери часто влюбляются в отцов. Это естественно... Смотри, как она осторожно трется о его ногу бритым лобком. Что ты там ей бормочешь? Думаешь, сквозь туман этой похоти что-то слышно? Человечество родилось в результате инцеста первых слепленных из глины. Это сильнее людей.

— Я не признаю Библии! — вспыхнула Люция.

— Ангел не признает Библии?! — не поверил своим ушам демон. — Да что ты такое говоришь? Тебе же начальство выщиплет все перышки.

— Отпили рога! Кровосмешения не будет!

— Молодой организм жаждет, — запротестовал демон. — Понимание придет позже. Да и какое кровосмешение? Так, развлечение одно. Ей же не рожать!

— Начинается с развлечения, заканчивается падением душ в бездну.

Саркон сложил руки на груди, посмотрел с вызовом.

— И что? Тебя это напрягает? Ее жалкая душонка?

— Отойди, Саркон! — предостерегла обеспокоенный ангел.

— Не могу. У тебя свое задание, у меня свое. Каждый должен выполнять свою работу как положено.

— Нас хотят сравнить! Разве ты не видишь?

— Как обычно, проверки. Так что давай просто делать работу. Каждый свою, — ответил демон.

Ника проникла под одеяло и закинула ногу на отца. Медленно, очень медленно прижалась. Отец во сне что-то буркнул, приподнял руку, обнял, прижимая к себе. Привычно придвинул любимую дочь под бок.

Сердце у дочери стучало, как у загнанного зайца, щеки пылали. Ошалев от адреналина и желаний, Ника прикусила губу и, совсем осмелев, принялась тереться о ногу. По телу прошла волна жара, соски напряглись, перед глазами поплыло.

— НЕТ!!! — закричала Люция. — НЕ НАДО, НИКА! САРКОН, Я ОБРАЩУ КЛИН ПРОТИВ ТЕБЯ!

Саркон хохотнул, приглаживая светлые локоны девочки, что-то забормотал на ухо.

Ангел отпрянула от кровати и выхватила клинки. Глаза ангела загорелись.

— УЙДИ, САР! Последний раз предупреждаю!!!

Демон прыгнул. Сильные руки перехватили запястья ангела, клинки упали на ковер, пропоров линолеум, воткнувшись лезвием в цементный пол.

— Успокойся! Это ее выбор! Не вмешивай в работу чувства.

— Она — ребенок! — запротестовала ангел, вырывая руки и врезая демон ногой в ботинке под дых.

Саркон лишь отскочил.

— Ничего себе ребенок, почти третий размер. Если бы у тебя такие были в таком возрасте, в ведьмы не потянуло бы! От женихов бегала бы по лесу.

— Ты забываешься, демоническое отродие! — приструнила ангел.

Демон отпустил руки, повернулся боком, глядя на кровать.

— А давай ничего не будем делать. Пусть все идет, как идет. А мы посмотрим со стороны.

Ангел недоверчиво повернулась боком. Огонь в глазах подугас.

— Посмотри, как ее попка трется о простынь. — Все же продолжал гнуть свою линию демон. — Да эта девочка пылает! Как думаешь, людям пора снижать планку официального совершеннолетия?

Люция вскричала и прыгнула, откинув демона ударом в бок. Саркон врезался плечом в стену. Но дальше ангел атаковать не стала, лишь подняла клинки и, пересилив себя, повесила на пояс.

— Еще один комментарий и меч будет между твоих ребер!

— Только после того, как я сломаю тебе шею. — Пообещал демон, потирая бедро. Перчатки он все же доставать не стал. И Люция это отметила. Долго выдохнула. Затем ангел сделала шаг от кровати и встала рядом с демоном.

— Черт с тобой, я не буду вмешиваться.

Сар потер плечо, кивнул.

— Разумно... Правда, не по ангельски. Пернатые все глупые как курицы.

— Просто заткнись!

Ника не выдержала накала эмоций, сжалась и вскрикнула, расплываясь по кровати. Довольная улыбка была ножом в сердце небесной девы... Но еще больше удивился Саркон. Отец Ники откинул одеяло, сел на край кровати.

Зрачки Ники расширились — поймал! Попалась!

Оба посланника ощутили, как сердце девчонки затрепетало быстро-быстро, лицо запылало краской пуще прежнего. Она уткнулась в подушку, стгорая от стыда.

Медленно, подбирая слова, отец негромко заговорил:

— Ника, сейчас ты идешь в душ. И после обязательно одеваешься в ночнушку. С завтрашнего дня ты спишь здесь... а я в зале.

Отец вздохнул и поднялся, Ника тут же бросилась на шею, ловко целую в щеку. Захватила в объятья.

— Я люблю тебя! — сорвалась она на крик.

Отец вздохнул, осторожно отстраняя руки дочери.

— Я тоже тебя люблю, но то, что ты делаешь, это... неправильно. Неправильно! У тебя будет парень, муж, дети. Не делай то, о чем можешь пожалеть. Давай не будем...

— Калечить свои души в угоду телам, — договорила недосказанные слова ангел.

— Тебе нужна женщина! — в слезах вскричала Ника, выражая протест.

— Да... Но ты-то здесь причем?! — отец привстал, поворачиваясь к ней. Старался разглядеть в темноте глаза.

Свет включить рука не поднималась. Дочь наверняка голая. А тьма, она словно скрывала пеленой, отгораживала от чего-то неправильного. Воображение даже рисовало ангела и демона с обеих сторон. Оба шептали что-то... каждый свое. Добро и зло. И каждый со своей стороны плеча.

— Я... женщина... я... — задыхаясь от истерики, произнесла дочь.

— Что?! — повысил голос отец. Дочь осеклась. — Ну что ты несешь?! Не пори ерунды! Да, ты почти женщина, но... не для меня!

Ника упала на кровать и зарыдала в подушку. Как назло, в окно заглянул месяц и в бледном свете обозначил ее белое нагое тело.

Упругое, нежное, родное... Отец взвыл и отвернулся к окну. Вонзил ноготь в кожу, ощущая боль, чтобы перенаправить мысли.

— Глупая... Какая же ты глупая, — прошептал он тихо у окна, отвернувшись от дочери.

— Папа... — протянула она и подняла лицо от подушки. — Кто, если не я.

— Кто угодно, но не ты. — Твердо ответил отец.

За спиной он услышал легкие шаги, и теплые руки обхватили за живот, ее груди коснулись спины. Упругие, горячие.

Или это все тело вдруг стало гореть? Отец обхватил руками лицо, выдохнул.

Рука дочери опустилась ниже пояса.

— НЕТ, НИКА! — вскричал он и, резко повернувшись, оттолкнул ее.

Дочь отступила на пару шагов и рухнула на кровать.

— Ты... ты в порядке? — поспешно забормотал отец.

— Ты же... ты... ты принял объятие... и не как дочери.

— Замолчи! Что с тобой? Ника, прекрати! Это не моя дочь! Что в тебя вселилось?

Люция повернулась к демону, грозно сверкнув очами, руки легли на клинки, сжали эфесы.

— Ах ты, подлый лицемер! Ты говорил, что не будешь вмешиваться. В нее вселился суккуб?

— Здесь только бесы, — хмуро ответил демон. — Но и они иногда такие затейники. Сам порой удивляюсь.

Дождь за окном усилился, форточку закрыло ветром. Снова полумесяц скрыли тучи, погружая комнату в полную темноту. Свет окон соседних домов давно потух. В комнате не видно ничего.

— Ника, сейчас я иду на кухню пить чай, а ты в душ, потом наоборот и ложимся спать. Каждый в разных комнатах. А утром все взвесим и нормально поговорим. Ты меня поняла?

— Я все равно люблю тебя... — протянула она таким голосом, словно давно все решила.

— Я никогда к тебе не притронусь! — Вспыхнул отец. — Выбрось эту нелепость из головы!

— Я... Нет, ты не можешь так говорить... я...

— Ты уезжаешь к бабушке в деревню! — поспешно добавил он.

— Нет, я останусь с тобой!

— Тогда я уезжаю в командировку! Надолго... Доучишься этот год в деревне. А к лету... К лету мы что-нибудь придумаем. Возможно, переедем. В другую квартиру. В этой... тоскливо нам в этой, вот и тянет на всякие... воспоминания.

— Я и в трехкомнатной квартире буду хотеть тебя, — спокойно сказала Ника голосом победительницы, уверенной в своих силах.

— Перехочешь! — закричал отец. — Сумасшедшая! Найдешь парня в деревне — успокойся!

— Никаких парней, только ты, — запротестовала Вероника.

— Ника, хватит! Я найду новую жену!

— Ты не посмеешь! Мама...

Отец повернулся.

— Ага, о матери вспомнила?!

Ангел улучшила момент и озарила комнату ярким светом, на миг ослепляя всех бесов.

Саркон поморщился.

— Потратила весь заряд? Дрожать как курица будешь. Я тебя домой не понесу.

По щекам дочери побежали крупные слезы.

— Папа... — совсем другим голосом сказала Ника и, поднявшись с кровати, вновь прижалась к отцу. Только без страсти. Как к родителю. К любимому, родному, человеку. — Папа, — уже более тихо продолжила она.

Отец, чуть подождав, обнял. И крепко прижал к себе. Словно какая-то пелена спала с глаз и пала стена отчужденности. Для обоих. Отец решительно потянулся к выключателю, и свет резанул по глазам. Теперь он мог смотреть в глаза дочери, полные слез раскаяния. И на тело ее мог смотреть без боязни всколыхнуть что-то со дна души.

— Ну ладно, забыли, — продолжил отец. — Одевайся, поедem в деревню вместе. Давно мы с тобой последний раз на берегу речки не сидели, да? Рассвет встретим у костра.

— Как в детстве, — улыбнулась Ника. Его родная Ничка.

Люция треснула в бок Саркона, беззаботно улыбаясь, как ребенок. Ноги ослабли, упала. Застыла на коленях, подняв в вызовом голову.

— И только попробуй, рогатый, погоду испортить!

— Тоже мне, спасительница, — пробурчал демон, крепко схватив выпавшего из девушки незрелого суккуба за шею.

Скользкое, краснокожее существо с небольшими крыльями и маленьким хвостиком, совсем как у черта, извивалось, шипело. Приблизив его к себе, демон почти прорычал:

— Как ты закрылась от моего взора? Отвечай!

Суккуб усмехнулась разбитыми в кровь губами и посыпалась на пол черной пылью.

— Что? Что за черт?! — Саркон с нескрываемым удивлением посмотрел на пыль в руке. Никакая суккуб прежде не распадалась пылью на его глазах. Демон перевел взгляд на ангела.

— А так бывает? — ангел была удивлена не меньше. Дрожь в теле ослабла. Люция поднялась.

— Прежде не было... — протянул демон. — Суккуб еще совсем неразвита. Ей и человека-то едва под силу подчинить. Так как от меня укрылась?

— Укрыли? — натолкнула на мысль Люция.

Двое переглянулись. Возникла небольшая пауза. Ненадолго. Почти сразу вспыхнули в головах новые задания, оставляя вопросы на потом.

— Соло, — прошептали оба. В эту ночь не хотелось расставаться, но приказ есть приказ. Каждому предстояло индивидуальное поручение. И приятную беседу пришлось отложить.

Демон первым создал портал и шагнул подальше от странной квартиры. Ощущение проигрыша не оставляло его не на миг. Но не поражения от этого глупого спора с ангелом, а от чего-то посерьезней. Собственный источник силы давал неверную информацию.

Люция задержалась, получая силу от отца девчонки и самой Ники. Себе оставила совсем немного, в основном пуская полученное на окончательную очистку квартиры от бесов.

Здесь не бывать кровосмешению.

Саркон вышел в той части света, где вечер только начинал укутывать в темноту большой город. Метро забирало и выплевывало людские реки. Народ спешил домой, потоками обходя демона, как фонарный столб. Вроде место посреди толпы было пустым, но никто не спешил его занять и в последний момент отскакивал в сторону хотел он того или нет.

Демон застыл чуть в стороне от шоссе, погруженный в мысли. Первый раз на его памяти — а это без малого шестьсот лет, — нечисть закрылась от него. Причем, нечисть гораздо слабее его уровня. И это не могло не настораживать. Проверка от своего лагеря? Слишком просто для проверки. Если Семья ставила под сомнения кого-то из своего выводка, она просто лишала его жизни. Без всяких проверок.

Что вообще от него хотели на том задании? Почему послали на задание вместе с напарницей? Бесы и сами могли справиться, медленно, но неумолимо, день за днем подтачивая стойкого человека. Упорные, те сломают кого угодно, если он не меняет свой мысленный фон и не создает положительную динамику. Если в подмогу была суккуб, то задание и вовсе становилось странным. По итогу — как бы срыв операции с его стороны и никакой подпитки. И тут же без перерыва — новое задание. Что за черт? Еще и на другой край этого физического мира. Демонов, что ли, мало в Энрофе? Совсем обленились конкурирующие семьи?

Клиент вышел из метро. Худощавый, с бритой головой. Походка качающаяся. Устал после тяжелой работы. Кожаная куртка, джинсы с цепями, высокие ботинки. Под одеждой не видно больших татуировок, покрывающих почти треть тела. Центральная татуировка на спине с большой свастикой, черной. Черное солнце. обратный круг. Символ тьмы. За поясом пистолет системы "Беретта". Куплен легально. Для самообороны. В этой западной стране можно все. И как же легко оружие для защиты становится оружием нападения.

Саркон пошел следом за человеком, разглядывая бритый затылок клиента. В плечо врезался спешащий подросток, остановленный, словно танком. Паренек покрутил головой, не понимая, во что врезался, поднялся. Молодость всегда спешит и сшибается с каждой стеной. Потому к старости сил и не хватает. Таковы люди.

Клиент тем временем свернул с оживленной улицы в переулок. Там синим неоновым светом горела вывеска бара. Питейное заведение, где на входе не стоят детекторы металла. Кивнув сидящему в углу охраннику, мужик сел за стойку бара и заказал пива. Во всем зале было всего лишь три человека. Они негромко болтали о своем, не замечая вошедшего.

Саркона ждала работа. Демон присел рядом с клиентом, взглядываясь в его лицо: серые глаза, бледная физиономия, сухая кожа, местами в оспинах, как земля после бомбежки. Как на вид, так измучен жизнью и трудностями. И после выпитого залпом бокала пива клиент заказывает скотч. Но куртку не снимает. В безрукавке увидят татуировки на плечах, и пистолет за поясом будет оттопыриваться. Как бы ни пьянел, все равно держит себя в руках. Еще стаканчик и на улицу, проветриваться. Знает меру. Стойкий человек. Похвально... Но только не в смену Саркона.

Задание, есть задание.

Демон начал действовать, влияя на вероятностные события. Стоило рассмотреть нити возможного будущего и далеко за неприятностями ходить не пришлось. Они бродили неподалеку, стоило только притянуть парочку именно к своему клиенту... Спустя пару минут в бар ввалилась группа пьяных людей в цветастых майках национальной футбольной команды. Охранник приподнялся, недовольно бурча, но тут же сел на место. Один ничего не делает, да и владелец в связи с малыми доходами приказал пускать всех. Посетители есть посетители, хоть и пришли пьяными. Больше закажут. И буянить пока не начали. Вроде все в порядке.

Демон оглядел футбольных фанатов, повел призывно пальцами и трое из пяти сразу же подошли к стойке, сев рядом с клиентом. Двое принялись заказывать выпивку, а третий недружелюбно оглядел бритого.

— Ты за какую команду болеешь?

— Мне начхать на футбол, — легко и просто ответил скин, не кривя душой.

— Тогда какого черта тебе надо в моем баре? — добавил вызывающе футбольный болельщик.

— Отвали, ублюдок, — глухо обронил худощавый клиент, почти не обращая внимания на собеседника.

В затылок тут же врезался бокал с пивом. Осколки посыпались на стойку и пол, пенный напиток окатил голову и полился за шиворот. Бритый клиент, покачавшись на стуле, свалился на пол. Мир поменял месторасположение.

Откуда-то сверху послышался смех. Трое довольных, красных рож нависли над ним с улюлюканьем и угрозами. Клиент Саркона, морщась, коснулся затылка. Пальцы предстали перед глазами в обрамлении красного, начало подташнивать. То ли перебрал алкоголя, то ли получил легкое сотрясение. Может, и все сразу.

— Вставай, нацик! — приказал один их фанатов. — Разговор есть. Я расскажу тебе о нашем клубе и о том, что мы делаем с уродами вроде тебя. Мы не любим двух типов людей. Тех, кто почитает фюрера и нет, кто не любит нашу сборную по футболу... так что тебе не повезло вдвойне.

Посланник тени склонился над самым ухом клиента, горячо зашептал:

— Вся твоя жизнь — череда ошибок. В школе ты был заводилой, стремясь выделиться, но смекалки не хватало, и ты вылетел со школы, не закончив ее. В юности поддался в скинхеды, разглядев в них силу. Но за десяток лет служения этой идеологии нашел лишь слабость каждого из них вне толпы. Уйдя от них, ты все равно оставался одним из... Для окружающих, для встречных, даже для этих дебилов, которые втаптывают тебя в грязь в день, когда ты поссорился с любимой младшей сестрой. Единственной, кто относился к тебе как к человеку. Тебе не понравился ее парень. Он не такой, как ты, и детей заводить от слабаков ты бы ей не советовал. Но это был ее выбор и она выставила тебя вон. Не твой день...

— Не мой день, — послушно повторил скинхед.

— Но сегодня ночью больше никто не сможет над тобой посмеяться. — Продолжил Саркон. — Сегодня ты силен. Ведь вчера ты получил оружие. Доставай и покажи им всем, чего ты стоишь. Покажи, кто ты есть на самом деле.

Бывший скинхэд под смешки фанатов достал из-за пояса пистолет и в появившейся тишине щелкнул предохранителем.

— Нажми на курок! — скомандовал демон.

Во лбу парня, говорившего с бывшим скинхедом, как с грязью, появилась дырка. Всего

лишь небольшая дырочка, а затылок позади снесло, и часть мозга оказалась на потолке.

Клиент повел оружие в сторону, и тот, кто бил бокалом, получил вторую пулю в висок. Рука не дернулась даже тогда, когда третий, собравшись убежать, повернулся спиной. Просто две пули прошли его легкие.

Нечего убегать от неприятностей, которые сам создал.

Скинхед приподнялся. И уже не смог остановиться. Гнев, ярость и жажда крови оказались выше пошатнувшегося сознания... За простреленное горло схватился бармен. Несколько пуль в большой живот получил охранник. Обойма кончилась. Рука нырнула за следующей. На пол со стуком свалилась пустая обойма, щелкнула новая, ловко влетая в пистолет. Все выходило легко и просто, слишком просто, как будто руками руководил демон.

Боль в затылке ушла. На лицо натянулась улыбка. Хищная. Под стать той, что была у демона рядом. Глаза убийцы загорелись. Мир вокруг словно замедлился, пропали все звуки, только щелчок курка, выстрелы и вскрики умирающих — оставшихся фанатов, посетителей, парня с девушкой, что показались в дверях и тут же упали. Сначала молодой парень, интуитивно прикрывший грудью возлюбленную, потом девушка. Пуля вошла ей в глазницу. Несостоявшийся муж не смог прикрыть собой ее всю. Скинхед улыбнулся. Он неплохо стрелял для новичка благодаря меткому зрению и урокам стендовой стрельбы еще в школе.

Стрелок застыл у стойки с натянутой улыбкой. Вытянутая рука устала под весом пистолета. По шее и спине текли пиво и кровь. Саднил разбитый затылок, крики стихли. Лишь недобитый посетитель стонал под столиком в углу, но стрелок его не слышал. Мир вокруг вдруг словно умер. Ведь в вошедшем скин запоздало узнал парня любимой сестры. А за его спиной... сестра!

Скинхед выронил пистолет с опустевшей обоймой, больше не нажимая рефлекторно курок. Силы покинули его. Свалился на колени, обхватив голову руками. И завыл. Отчаянно и неумело. Сердце сдавило холодной лапой, слезы задушили. Подхватил пистолет и приставил к виску. Но не осталось для себя последней пули. Все потратил на врагов. На внешний мир... Там, последняя пуля, пущенная его рукой, забрала жизнь у любимой сестры.

Саркон вдохнул полной грудью, ощущая бешеную подпитку от горя обреченного. Этот больше не жилец. Три дня он будет умирать, коря себя за потерю контроля над ситуацией, и даже отгрызет себе указательный палец за решеткой, а на третий день найдет способ повеситься в камере, не дожидаясь суда. Убийства и самоубийство плотным грузом потащат его душу на дно миров. На искупление, переплавку, долгие, почти вечные муки и страдания.

Страдания из-за одного лишь движения пальца.

Демон расправил могучие плечи и, переступая остывающие тела, вышел из бара.

Новое задание не заставило себя долго ждать.

* * *

Это был странный сон. Зыбкая грань между пробуждением и царством Морфея ощущалась и сейчас. Царство снов сулило каждый раз что-то новое. Здесь возможно все.

Майк никак не мог понять, проснулся он или еще спит? Огромные крылья за спиной были настоящими. Кожаными и живыми. Он даже мог их чувствовать, двигать ими по своему усмотрению, словно они всегда были с ним, с самого рождения. Наверное, это дар

незримых духов, богов, а то и самого Создателя. Откуда им еще взяться?

Нет, это были не крылья ангела. Но и на крылья демона они тоже не походили. Если люди вообще когда-то могли наблюдать тех и других в реальности, а не в тех же снах, видениях, откровениях и прозрениях. Почему человек не летает? Да потому что не хочет, а он, Майк, хочет. Хочет и умеет! И поэтому у него есть крылья. Сейчас он полетит. Воспарит в облаках совсем как птица. Небо поддастся человеку! Падет под его натиском!

Все просто. Мир прост. Он только кажется сложным и непознаваемым. На самом деле все всегда просто. Крылья были живые. Просто часть тела. Не перепончатые, как у летучей мыши. И совсем не как у доисторического птеродактиля. Но и не пернатые, птичьи. Просто такие родные, живые крылья, как руки или ноги. Свое, часть тела. Вряд ли Майк мог описать их человеческим языком. Наверное, юноша получил то, о чем мечтал каждый человек с момента появления на свет.

Почему люди не летают? Этот вопрос уже не для Майка. Сейчас он покажет, что человек может и должен летать. Должен!

Рожденный ползать, да обрящет крылья и воспарит!

Из открытой балконной двери ударила струя прохладного воздуха. Утренняя свежесть приятно взбодрила. Майк на всю ширь распахнул окна, разглядывая с высоты семнадцатого этажа ночной мегаполис, блеск неоновых огней.

Солнце еще не показалось из-за крыш домов. Только пятый час утра. Совсем скоро люди проснутся и пойдут на работу. А другие люди придут с работы и лягут спать. Майк давно не мог отнести себя ни к первому, ни ко второму типу. Работать он не любил, да и необходимости не было. Отец обеспечивал всем необходимым, давал каждую неделю денег ровно столько, чтобы хватало на хорошую жизнь с избытком, и часть еще можно было откладывать. Поэтому бывший студент не особо беспокоился о работе. Диплом в кармане, колледж за плечами, а жизнь что-нибудь да подкинет. Не забудет про затерянного в людском мире бедолагу.

О, одиночество, наверное, именно ты подтолкнуло первый раз сказать "да" бледному очкарику, который продавал траву на "пяточке".

"Божественная" трава отодвигала одиночество на второй план. Она подружилась с Майком и стала его проклятьем.

Обман... но понимание этого пришло гораздо позже.

Чем больше одинокий юноша покупал травы, тем крепче одиночество брало в ежовые рукавицы. Отступало на время, а потом всегда возвращалось и с новой силой вышибало почву из-под ног, било наповал. Било сильно и точно, без колебаний, как опытный боксер, раз — и ты уже на полу, даже не успев понять, как же так получилось.

Как-то раз барыга-очкарик на "пяточке", заметив страдания Майка, предложил вместо обычной травы "чудо-порошок". По доброте своей показал, как правильно его варить, как набирать в шприц.

Помог даже первый раз уколиться. Этот миг Майк не забудет никогда. Казалось, одиночество было повержено раз и навсегда. Оно будто ушло в сторону, открыв потерявшемуся в жизни новую дорогу. Но чем больше парень кололся, тем меньше времени оставалось на путешествия по стране грез и тем ближе подбиралось всесильное, крепнущее с каждым днем одиночество. Не позволяя ему приблизиться, Майк увеличивал дозы и победно смеялся над поверженной пустотой.

Недолго... Пришлось пробовать новые, более сильные порошки. Время проходило и

неизбежное настигало вновь.

Однако сегодня Майк победит одиночество окончательно. Он купил у очкарика сразу несколько доз и попрощался с единственным "другом". Тот понял все с одного обреченного взгляда, хмуро пожелал удачи в новом мире и молча отвернулся. На этом их дружба закончилась.

Майк устроил себе передозировку. И вот теперь у него есть крылья, а все человечество во всем мире пусть так и остается прозябать в двуногом существовании. Сегодня он всем покажет кто в этом мире жил, а кто просто был.

Майк перекинул ноги через парашют, расправил крылья и... полетел.

Полетел навстречу небу.

Крылья, машите! Машите! Ну же!

Подлая земля, отказываясь понимать его чувства, оказалась сильнее, властно притягивая к себе.

Полет длился долгие четыре секунды.

После "парения" тощее тело раздробило об глупый, жесткий асфальт, который никак не хотел понимать, что у Майка есть крылья и он свободен. Он несоизмеримо свободнее любого человека на этой одинокой планете.

Подлый, лживый мир...

Толпа, жаждущая зрелищ, с любопытством взирала на разбитое вдребезги тело, лужу крови, раздробленный мозг и застывшие в последнем прозрении глаза. Застывшее выражение лица Майка навсегда запечатало понимание нелепости совершенного. Понимания, что он все-таки сделал что-то не так. Но он так и не понял — что.

Саркон вздохнул, разглядывая тело. Даже работать не пришлось. Зачем вызвали? Для подстраховки? Но разве здесь могло быть иначе? Нарк был обречен на смерть. Они всегда обречены. Все. Соскочить может тело, но душа уже деформирована и ей просто невыносимо жить.

Прибывший первым патруль в момент растолкал толпу, обнес место смерти желтой лентой и лишь короткий диалог полицейских обозначил происходящее:

— Ну что, Марк, еще один нарк копыта отбросил?

— Да, Джон, еще одна жертва очкарика.

— Пора бы его уже приструнить.

— Да, наверное... Давай после завтрашнего уикенда.

Полицейский довольно почесал пузо, поинтересовался:

— А твоя жена снова сделает эти замечательные гамбургеры с тунцом?

— Конечно, Джон.

— Отлично. А потом уже займемся работой. Она ведь никуда не денется, верно?

— Правильно говоришь, Джон. Все правильно.

Демон вздохнул и создал портал, спеша избавить город от своего присутствия, а Нью-Йорк продолжал жить обычной, кипучей жизнью мегаполиса.

Новое задание надавило на виски в то же мгновение.

— Еще одна миссия на сегодня и спать, — сквозь зубы прошипел Саркон и получил полную информацию по следующему заданию.

"Мщение обреченного", как классифицировал он такие для себя в последнее время.

Доктор поднял глаза, и меня пробрала дрожь. Я не частый пациент больниц, травматических пунктов и прочих поликлиник. Но прочитал все в пустых зрачках профессионала от медицины. По спине побежал мерзкий пот, а грудь сдавило так, что едва не потекли слезы. Гадко и мерзко.

Не требовалось слов, чтобы понять, что результат повторился. И весь окружающий мир стал бессмысленным, серым и пустым.

— К сожалению, медицина бессильна, Алексей Иванович. Рак крови... Да еще на такой стадии. Странно, почему это так явно не проявляется на вашем внешнем виде.

В висках стучало, стало сложно дышать. Захотелось упасть на пахнущий хлоркой кафель, свернуться в клубок и лежать, не двигаясь. Это снаружи полон жизни и цветешь как майский ландыш, а внутри уже подтачивает червяк, прокладывая каналы неотвратимой смерти. Чертовы клетки, возмнившие себя организмами! Внутренние повстанцы! Где все эти нано-технологии, которые спасут всех и вся? Куда смотрит медицина?

— Сколько мне осталось? — прервал я, не слушая, болтовню доктора. В ушах стоял гул и слышался только грохот сердца, которое гоняло по венам вместе с жизнью отраву. Никаких вирусов, никаких болезней или наркотиков, просто генетический сбой тела. Как нелепая шутка, обернувшаяся трагической случайностью.

— Может неделя, — сухо ответил хирург.

Почему именно я? Господи, за что? Я не убийца, не вор, с чужими женами если и прелюбодействовал, то исключительно по обоюдной любви. Провидение, за что караешь? За неконтролируемые, животные вспышки страсти? Но об этих встречах вряд ли знает кто-то помимо Господа. Кому навредит?

Заверещал сотовый доктора, он извинился и вышел в коридор, оставляя молодого, преуспевающего предпринимателя, который едва встал на ноги и начал жить, один на один с тяжелым известием.

Профессионал, черт бы его побрал! Как патологоанатом, который идет обедать в строго отведенное время, несмотря на то, что только-только мог разбирать труп по запчастям. Эксперт!

И вот я один на один со смертью. Это как бревном по голове и в долгий полет. Из тела выбрасывает, и никак не можешь понять — здесь ты или это все сплошной кошмарный сон? Где это чертово утро? Жена, разбуди!

— Нет, нет, нет! Ну, не может быть! Ну, что за черт? Я еще не жил! — зашлепали бессмысленно губы.

Бессильно громыхнул по столу, крича и не сдерживая себя в крепких словах. Теперь стесняться некого, барьеры все рухнули. Тем, кому терять больше нечего, стоящим одной ногой в могиле, бояться некого!

Хотелось бежать, сопротивляться, воевать до последнего, но этот внутренний червяк убеждал, что все бессмысленно.

Пистолет к виску, что ли, чтобы не мучиться? У шурина дома ружье. Поймет. Даст.

А о чем думать? Об аде, рае? Или перевоплощении? Неужели совсем скоро сам узнаю что там, за чертой? Я уже близко. В церковь, что ли, сходить? Последний раз был там на крещении племянника. Лет этак семь назад, сразу после армии.

М-да, хреновый из меня христианин. Или напиток? Да так, чтобы на всю неделю... Вот же черт, не охоч до алкоголя. Уколоться? Дворовая шпана должна знать, где торгуют порошком, с деньгами проблем нет... Нет, не уколюсь. Даже на пороге смерти. Чего же сделать, что можно успеть за неделю? Руки обхватили голову, почти вырывая волосы. Как составить план последних дней жизни?

Всегда хотел побывать в Европе, но тратить время на визы, толкучки в аэропорту... Нет, время слишком дорого. И почему нет книги по руководству умирающим? Наподобие "Что можно успеть за неделю?". Купил бы пару экземпляров, право слово.

Вошел сияющий доктор. Звонила любовница, не иначе. Не может даже сдержат улыбки. Лишь в последний момент вспомнил, что в кабинете живой труп, чуть посуровел, наверняка прокручивая в голове спектр предложений от "порядочного патологоанатома" до "приличного бюро ритуальных услуг".

— Алексей Иванович...

— Вы не перепутали анализов с другими пациентами? — уточнил я.

Почему-то захотелось предположить, что кому-то могло повезти, и он получил отрицательный ответ на рак вместо "положительного". Остро захотелось порадоваться за человека, который живет каждым днем, не подозревая о своей болезни. За человека, который бы умер, не подозревая от чего, и до последнего не предполагая, что умрет. Так проще, так гуманнее. Так вернее! Вот почему доктор сказал эту ужасную весть мне, водрузив горы на плечи? Я не хотел этого знать! Верните все обратно, и я пойду дальше жить эту тихую размеренную жизнь.

— Нет, Алексей Иванович. К сожалению, рак именно у вас... Мне жаль... Могу посоветовать приличное бюро... Просто... подумайте о семье, не обременяйте.

Черт, да мне пора в пророки записываться. Посмертно. Или у них у всех стандартное мышление, передающееся через труды Гиппократата?

— Доктор, у вас все?

Он молча кивнул.

Я поднялся, и шумный коридор окунул в волну жизни. Она кипела, не замечая меня: говор пациентов, ругань технички, разговоры по сотовому, заметил даже жужжание мухи. Это все есть, но уже не для меня. Говорят, лучше умереть молодым, чем в старости, разваливаясь на запчасти, но... дать бы в морду всем этим мыслителям, философам, черт бы их всех побрал. Сейчас я хочу жить как никогда ранее! Почему мне обрезали крылья, едва я начал нормально летать? ПОЧЕМУ ИМЕННО Я?!

Вышел на улицу, под палящие лучи солнца. Народ ходит загорелый, в большинстве своем веселый. Рядом со мной парень только что узнал, что скоро станет отцом. Отключив телефон, он разразился бранью, наверняка раздумывая, как уболтать вторую половину "не создавать лишних проблем".

Радуйся, дурак, думаешь, это проблемы? Это радость, черт возьми! Жизнь — всегда радость. Рождение новой жизни — радость вдвойне! Не было дня лучше, когда я сам стоял у роддома, и толстая тетка вынесла сверток с мелким, розоватым существом, который порядком встряхнул жизнь, научив ценить сон и свободное время. Все познается в сравнении, но я счастлив, что не избежал проблем.

Едва попал ключом в замок автомобиля, забыв в раздумьях отключить сигнализацию. Гнев богов прокатился по всей улице, народ неодобрительно загудел. От группы студентов докатилось: "Эй, придурок, пропись!"

Доктор прав в одном — семья. И я вернусь к семье попрощаться, раздать завещанное и скончаться где-нибудь на коврике рядом. Так принято, так положено. Но называть придурком мертвого?

Меня — придурком?!

До разговора с доктором внимания не обратил бы на шпану, но сейчас, ощутив дикий адреналин, сжал связку ключей в кулак и бросился на троих довольно крепких парней, пусть и изъеденных дискотеками и черными абсентами изнутри.

Последний раз дрался еще в армии, лет семь назад, но этому сложно разучиться. Тело все помнит само, пусть даже лишенное стабильной зарядки в течение последних лет.

Говорливый парень покатился по асфальту, сжимая разбитый нос. Его друг взвыл, баюкая переломанную руку. Третий упал на колени, скуля, как щенок.

— Мужик! Мужик, ты чего? Не надо мужик, мы извиняемся. Это мы придурки, мы! А ты нормальный мужик! Не обессудь за базар. Не правы, мужик! Не правы.

Я застыл, выдыхая горячий воздух ноздрями, как огнедышащий дракон. Грудь подогрело, словно на печке повалялся. Это было приятное ощущение. Не отказался бы и сдачи получить. Получить по морде только для того, чтобы ощутить себя живым. Более живым, чем есть.

Кровь кипела. С больницы в мою сторону бежали двое охранников, хватая дубинки. Я, не понимая почему, — раньше бы всегда остался и объяснил, кто прав, а кто виноват — рванул к машине, завел мотор и дал газу, пробуксовывая колесами. Едва не сбил старушку на выезде и не врезался в "мазду", что летела по главной дороге. Столько визга тормозов не слышал давно. Стертая резина отметилась на асфальте.

Машина у меня хорошая — "фольксваген-пассат" последнего модельного года. Я на нее давно копил и берег от любой царапины, мыл каждый день. А теперь в один момент понял, что чушь. Все это чушь. Обычная игрушка, чтобы доставить задницу из пункта А в пункт Б с комфортом.

Захотелось разбить эту игрушку к чертовой матери. Захотелось огня. Снова ощутить адреналин, который получал, когда разбивал нос, ломал руку. Захотелось увидеть максимальную скорость, стрелку на спидометре, что улетает за предел возможностей. Вдавил педаль газа, ткнул пальцем в магнитолу. Заиграла какая-то записанная на диске романтическая мелодия. Тихая и спокойная. И как я раньше слушал эту чушь? Вытащив диск, переломил его пальцами и выкинул в окно.

Обычно по радио крутят популярный шлак, но на одной из радиостанций наткнулся на тяжелый металл. Вот это то, что сейчас нужно.

Скорость прибавилась, спидометр, казалось, раскалился. Мотор заревел, как будто в "Феррари" "Формулы-1". Блин, да я же Шумахер до аварии!

Скорости!!!

Дважды спровоцировал аварию, но в последние моменты уходил от столкновения, ощущая космические мгновения заноса. Едва входя в поворот и нарушая все правила, придуманные дорожной инспекцией, проскакивая на красный свет через хилые потоки людей, оказался в родном дворике раз в пять быстрее, чем заняла бы обычная дорога до больницы. Со злостью хлопнул дверцей автомобиля, почти сожалея, что не разнес этот кусок металла на колесах в груды железа и сам не пошел на переработку.

Миновав дверь с домофоном, поднялся на одиннадцатый этаж пешком. Никакого лифта! Хотелось ощутить каждую ступеньку, слушать радостно-трепещущее сердце,

задышаться, наконец, из-за усталых легких, которые не приняли новую привычку курить на работе "от нервов".

Открывая дверь собственным ключом, врезал кулаком по стене. Просто чтобы ощутить боль в костяшке, чтобы понять, что еще жив. Войдя внутрь, наткнулся на тапочки соседа. Какого хрена этот лысая образина делает здесь?

Не разуваясь, громадными шагами преодолел коридор и ногой пихнул дверь спальни... Так и есть. Давно подозревал! Но чтобы среди бела дня!

Давно надо было развестись. Все равно ненавидел эту суку, боясь себе в этом признаться. А теперь все собственными глазами увидел.

— Леша!

— Алексей?

Два взволнованных голоса и оба заворочались, выползая из-под общего одеяла. Моего одеяла!!!

Захотелось придушить их собственными руками. Эту за то, что всю жизнь жила потребителем, не проработав и дня. Наивно полагала, что рождением сына расплатилась со мной на всю будущую жизнь. А этого за то, что каждую субботу пил со мной пиво, смотрел в глаза и улыбался. Да, за подлый взгляд, который как бы говорил мне, что я чмо и ничего в жизни не понимаю.

А в принципе, что мне мешает забрать обоих с собой на тот свет?

Я и не думал, что шея может быть такой хлипкой. Лысая башка просто с хрустом повернулась, и тело неловко присело как тряпичная кукла. Визг рыжей сучки едва не оглушил. Схватив за волосы, приложил ее лбом о стену. Еще раз, и еще... Пока к тупому стуку не добавился смачный хруст черепных костей. Кровью залило недавно клееные обои, что выглядят убудочно, но по стоимости будто сделаны из золота. Это она, тупая тварь, их выбирала.

— Я ненавижу твой жуткий вкус! Могла бы изменять хотя бы с Гришкой с седьмого этажа, он хоть волосами одарен, выглядит попрестижней. Четыре этажа дальше, чем протянутая рука, а? Сука ты ленивая!

Она лежала в луже крови, молча уставившись в потолок.

— Пап, мам, я пришел! — послышалось из коридора.

Сердце дрогнуло... Сын. Двенадцать лет. Хороший возраст, чтобы начать жить по уму. Хороший возраст, чтобы начать, если не жить, то хотя бы думать самостоятельно.

Я вышел в коридор, потемневшими глазами и окровавленными руками вгоняя сына в ступор. Сухим голосом произнес, ничего не скрывая:

— Сын, сегодня ты должен повзрослеть. Считаю, детство кончилось. Не разувайся, мы уходим.

— Что случилось, па?

— Твоя мать была сукой. Еще хуже, чем сосед. Я устал прощать и... убил обоих.

— Ты... убил?!

— Да, — легко ответил я. — Наверное, стоило развестись. Но я хочу, чтобы наследство получил ты, а не она с лысым орком за компанию. Но на этом новости не заканчиваются. Я был в больнице, и врачи обнаружили рак. Это неизлечимо. Мне осталась немного, сын. Совсем немного. Тебе придется начать жизнь самостоятельно. Я бы и дальше поощрял твое стремление к спорту, к занятию английским, закрывал глаза на двойки по химии и драки на переменках, но жизнь распорядилась иначе. — Я склонился перед ним, положил руки на

плечи, глядя прямо в глаза. — Точнее, смерть. Смерть распорядилась иначе, сын. Теперь ты будешь жить сам по себе. Сам за себя все решать, — слова посыпались из меня какие-то слишком ровные, вмятые. Никакой тебе истерики, слез.

— Папа, но как же так? — он словно не поверил в услышанное.

— Жизнь — странная штука. Имеешь — не ценишь, наивно полагая, что завтра будет лучше, а как начинают отбирать, вопишь, что и сегодня, в общем-то, неплохо, — продолжил я, стараясь ощутить в себе сожаление за сотворенное... Но не нащупал ничего. Не сожалел. Ни капли раскаянья. Не Раскольников я. Совсем.

Встал перед сыном на колени, крепко обнимая, но стараясь, чтобы окровавленные ладони не оставили отпечатков на серой майке.

В груди защемило. Вот теперь накатило, накрыло. Зарыдали оба, посылая куда подальше "мужики не плачут".

Да, это не был плач... Это был рев!

Отстранив сына первым, посмотрел в заплаканные глаза, натянуто улыбнулся.

— С кем бы ты хотел жить, сын? С ее сумасшедшей матерью, моим ловеласом-стариком? Или...

— С твоей сестрой, — прервал он. — Она... нормальная. Но папа...

— Нет. Не говори ничего. Собери вещи, езжай к сестре, объясни. Я подъеду завтра, позвоню тебе, выйдешь — попрощаемся. Она, наверняка, расскажет все полиции и правильно сделает, но...

— Не приезжай, пап, — неожиданно сказал сын. — Они тебя... посадят... Я хочу запомнить тебя таким... а не... за решеткой, я даже не буду говорить про маму... я хотел тебе рассказать, что сосед слишком часто заходит... но как-то... пап... — он всхлипывал, но каждое слово било меня битой, вытряхивая дух и позволяя понять, что дети растут гораздо быстрее, чем я полагал.

Я вообще в своей жизни не замечал главного, что ли? Слепой сукин сын.

— Я понял, сын. Сам как-то откладывал все, что хотел сделать в жизни. Спасибо за понимание. Ты вырастешь настоящим мужчиной. Постарайся меня простить за... мать... и то, что сделал тебя сиротой... — вышел на площадку, пряча слезы и сдерживая тугой ком в горле.

— Я люблю тебя, папа, — донеслось из коридора.

До машины добрался как в тумане, благодарил Бога, что никто не попался навстречу. Видок у меня был всем вампирам под стать: забрызган кровью, глаза горят. Ужас!

Сел в салон и попытался немного прийти с себя. Расклеиваться рано, еще стоит заехать к нотариусу, написать прямое завещание, желательно, с датой на несколько лет раньше, пока еще не стал убийцей, если к этому придерутся. Вообще не помню, можно ли составлять завещание убийцам? Пусть на всякий случай проставит дату задним числом. Все должно остаться сыну, он не должен ни в чем нуждаться, осуждая меня, что оставил без крыши над головой и средств на институт. Пусть строит жизнь, пусть наградит меня внуками, хоть и не увижу...

Ком прорвало, слезы потекли по рулю. Забормотал, каясь Богу напрямую, как на исповеди батюшке, только без посредников... Сам не ожидал, что столько всего наворотил за двадцатисемилетнюю жизнь.

Руль услышал все раскаянье. Батюшка бы столько не выдержал. Тайна исповеди — тайной, но есть и предел.

Через двадцать минут уже ехал по трассе, с холодком в груди осознавая, что на той скорости, что летел час назад, мог и не попрощаться с сыном.

Частный нотариус попался понятливый и быстро вошел в курс дела, не осуждая даже за жену. Несколько тысяч долларов плотно закрыли его глаза на события последних часов.

Сын получит все, и никто не придерется...

Потом была работа. С земляничным лицом прощаясь с сотрудниками, взял с зама обещание, что похоронами он никого не обременит и все будет по-человечески. Он давно под меня копал, намереваясь скинуть с кресла, а тут такой подарок, что не надо складываться на киллера, всего лишь оплатить кремацию и установить гранитную плиту с парой фраз на клочке земли. Оплатит с удовольствием.

Да, именно кремация. Пусть рак сгорит вместе со мной. Чертова хреновина должна быть уничтожена! Никакого векового тления.

Выбив из конторы все, что мог, со слезами расцеловав всех секретарш, я подарил золотые часы старому охраннику, который проработал со мной со дня основания фирмы, и впервые в жизни выдал техничке тете Глаше комплимент, вышел на улицу.

Презрев автомобиль, побрел по городу пешком. Благо наша фирма в самом центре, а машина уже может быть отмечена постами ДПС, или по городу могут ходить ориентировки. Хотя вряд ли опера так быстро работают. Тела еще могут быть не обнаруженными в квартире.

Бродил пару часов. Давно хотел пройтись по остывающим темнеющим улицам, играющим светом вывесок, фонарей. Было тепло и уютно. Пахло, словно годами юности, детством. Радовался каждой мелочи, старался прожить каждую секунду, почувствовать ее, понять и отпустить. Лучший в городе ресторан в тот вечер пробудил во мне гурманские наклонности, и язва радовалась, поглощая все, а не выборочно.

Потом была девушка. Я никогда в жизни не мог с ходу познакомиться с девушкой, а в этот вечер отбил ее у довольно привлекательного кавалера, очаровав на всю ночь. Да, это была ночь без сна и имен. Мы отдавались друг другу, плавясь как воск. Никогда бы не подумал, что секса может быть столько, сколько захочу. А она наверняка думала, что я вернулся с армии.

Наверное, в ту ночь я помолодел..

Я ушел под утро, не прощаясь.

Забредя на едва открывшуюся почту, написал с десятков писем, отправил по разным уголкам страны и "за бугор". Жизнь раскидала друзей по разным городам, но "да как-то времени нет" сейчас не проходило. Сейчас или никогда. За те пару часов, что провел на почте, перезнакомился со всеми работницами. Везде работают нормальные люди, просто стоит это заметить, проведя с ними чуть больше времени.

Потом были звонки друзьям по городу, родне. Извинения, слезы, смех, воспоминания. Баланс на сотовом стал отрицательным, прежде чем я подарил навороченную коробку с микросхемами, функций которой ни в жизнь не изучить, веселой молоденькой девчужке на остановке. Та приняла подарок без подозрений. Это с возрастом появляются все больше и больше подозрений, а молодость все принимает так, как есть. Пусть даже родители отберут подарок и отругают, но я получил благодарную улыбку.

С полудня и до вечера провел время у старого друга, разругавшись с которым из-за сущей мелочи в студенческие времена, не виделись уйму лет. Проблема, которая замалчивалась годы, испарилась за полминуты, едва он открыл дверь.

Под вечер я ушел, чувствуя, что в организме неладно. Наверное, так старая собака предчувствует смерть. Я поймал такси и поехал к... сыну. Вперед! Увидеться последний раз, последний раз обнять и вдохнуть запах шелковых волос, затем подбросить на руках как маленького и еще раз заглянуть в зеленые глаза. До смерти хотел услышать последний раз слово: "Папа". Даже кордон полиции меня не остановит.

В эту ночь пошел сильный дождь. Я сидел на переднем сиденье рядом с молодым водилой. Таксист гнал, получив деньги за скорость наперед. Капли с грохотом расплывались по лобовому стеклу, погружая в воспоминания.

— Есть там кто? — буркнул таксист, собираясь обогнать груженный "КамАЗ". Японка. Правосторонний руль. Передний пассажир впередсмотрящий, пока водила играет в угадайку.

— Ты никогда не задумывался о том, что жизнь может быть не одной? — раздалось в голове. Эти слова услышал лишь я. И готов поспорить, что ощутил в тот момент на плече когтистую лапу. Словно на заднем сиденье сидел сам демон.

— Не-е, — протянул я на автомате, отвечая. Мои мысли понеслись быстрее автомобиля. Да, а что если действительно жизнь не одна, и все, что мы творим в этой, проявляется в следующей? Это же логично, в конце концов...

Водила кивнул, как будто ответ был для него... и пошел на обгон.

Свет встречного автомобиля в глаза... Несуществующий застывший крик "Папа!" в ушах...

Авария забрала жизнь раньше, чем злополучная болезнь.

Не успел.

Прости, сын. Вырасти настоящим мужчиной...

Саркон, оказавшись на дороге за мгновение до столкновения, отряхнул рукав и скупо произнес:

— А зря.

Исчезнув в новом портале, демон никак не мог понять, почему людям обязательно надо попасть в больницу, тюрьму, плен или реанимацию, чтобы было время задуматься о собственной жизни и своей роли в мире?

Правда, не обошлось от прямого влияния. На Алексея Ивановича кто-то определенно повлиял, как заметил по нитям воздействия демон. Времени думать над этим не было. Приходилось спешно шагать в очередной портал и приниматься за новое Задание.

* * *

Саркон вышел из портала, ощущая жару и родную стихию войны: грохот разрываемых снарядов, свист пуль, запах смерти, предсмертные крики, ужасы боли и мольбы о помощи. Вот чем наполнилась округа. Ни одной молитвы. То ли не успевают, то ли не считают нужным. Главное — выжить телу, а что будет с душой... Да кому какое дело? Душа для людей — непонятная, малоизученная субстанция, от которой проку никакого. Так считают многие даже на войне.

Демон осмотрелся. Рассвет среди пустынных гор был таким красным, словно выпит свежую кровь погибших. Стычки интересов причудливо переплетались на обожженной солнцем земле. Люди называли это локальным конфликтом. Как для прессы, так очередная стычка между повстанцами и коалицией, а как для участников самой схватки — так целая

война. Долгая, затяжная, подлая. Без победителей.

Посланник тени устало зевнул и осмотрелся: каменные холмы, песок, рассветное солнце только принимается подогревать то, что не сторело вчера, позавчера, за тысячи и миллионы лет до этого утра. Ночи слишком мало, чтобы остудить дневную работу светила.

Над головой пронесся вертолет "апач". Привычная, как палящее солнце, винтокрылая птичка для этих жарких краев, едва ли пугала редких птиц в небе. Крупнокалиберный пулемет прочертил дорожку пулями. Они змеей проползли по песку и вгрызлись в большой валун, за которым скрывались трое. Одна пуля разорвала ухо туземца. Он закричал, зажимая ухо ладонью. Его возглас был понятен каждому на любом языке. Рука подстреленного быстро окрасилась в багровый. Горячие капли жадно впитал песок. Демон усмехнулся. Он отвел пулю чуть левее только для того, чтобы молодому парню, борода и усы которого едва начали рост, была дана возможность для ответного удара.

Парень в чалме и белых одеждах снова закричал и, потянув со спины переносной зенитно-ракетный комплекс, выскочил вслед пролетевшему вертолету. Двое его товарищей выпрыгнули следом, подбадривая и постреливая вслед вертолету из автоматов. Толку от этого было мало, но хоть так выпустить злость.

Несмотря на явную молодость, рука молодого бойца знала свое дело. Практика в полевых лагерях даром не прошла. Уже спустя секунды дуло смотрело вслед гудящей, лишней для этого неба "птице". Палец плавно спустил курок. Со специфическим свистом и порцией дыма огненная стрела прорезала небо и погналась за вертолетом.

Маленькая птичка погналась за большой.

Посланник тени заинтересованно посмотрел, как на фоне заходящего солнца вертолет лишился хвоста и, потеряв управление, чадя, как горящие шины на свалке, завихлял вокруг своей оси, неумолимо накрываясь вбок. Бешено вращающиеся лопасти понесли уже груды металла, а не цельную конструкцию к горам. И под воздействием гравитации Земля со всей силой воткнула кусок металла в землю. Ритуальный костер вспыхнул следом. Все металлы, которые достали из недр земли, к земле вернуться.

Воины песков принялись ликовать, поздравляя удачливого стрелка и друг друга. Танцы, выстрелы в воздух из АКМ и благословения Всевышнему — вот на что смотрел следующие несколько минут демон, пока до слуха не донесся новый гул.

Как оказалось, лимит смертей на сегодня не был исчерпан... Новая птица, гораздо быстрее винтокрылого собрата, прочертила высоко в небе несложный для любого аса пируэт. Немного покружила над местностью, словно присматриваясь к добыче. Она явно готовила хищные когти, чтобы схватить, поднять в небо и разбить о камни, а потом снова подхватить и насладиться свежим мясом. Хищник. Стервятник. Для ней добыча уже была мертва.

Напрасно трое пустынных воинов вновь попрятались за камни. Бомбы с бомбардировщика уравнили всю поверхность, заставляя плавиться даже песок. Молодой воитель и двое товарищей постарше сторели в чудовищном огне, словно попали в ад, куда так долго отправляли неверных.

Саркон сладко потянулся, собирая крохи сил от недолгих мучений людей. Затем демон снова создал портал. Силы его были на исходе. Действовать нужно было быстро. Следующие локальные конфликты на Кавказе, в Африке, на Ближнем Востоке и в Южной Америке проскочил за какие-то минуты. Солдаты тех войн в тот один момент понесли тяжелые, нелепые потери.

То шальная пуля попадала в тело на сантиметр левее, правее, выше. Было бы иначе, и человек остался бы жив. То осколком гранаты, снаряда, рикошетом, обломками зданий и укрытий изуродует, убьет, добьет, уничтожит случайных людей, кто никогда бы и не подумал взять в руки оружие и воевать за чьи-то интересы.

Воюющие страны называли это допустимой потерей среди мирного населения. Демон называл это жатвой, шагая по полям сражений и делая стычки кровавее и бессмысленнее. Злость, ярость и жажда мести селилась в каждой душе, где проходил Саркон. Работа. Ничего лишнего. Просто выполнял предназначение. Как сказал родитель, а ему его родитель, и так из поколения в поколение: "Демон — защитник Земли". Изначальный, созданный задолго до человека. И его функция — оберегать физический мир от тех, кто несет угрозу. И так уж случилось, что последние тысячи лет основная угроза для Земли исходила от человека. Потому чем больше их уничтожалось в стычках с самими собой, тем было лучше. Так Земле легче дышать. Саркон прекрасно знал, что человек давно позабыл свое предназначение к развитию и скатился до уровня выяснения отношений грубой силой.

Его ненависть к ближнему отражалась не только на нем самом, но и на всем окружающем мире. Земля страдала. Земля молила о пощаде. Но тщетно взывала она к разуму человека. Не слышал матери своей глухой сын. Потому демоны изо всех сил продолжали выполнять свою работу. Человек должен был исчезнуть с лица Земли до того, как тело Природы перейдет последний рубеж невозможности возвращения к стабильному состоянию. Но закончить предначертанное многие тысячи лет — истребить род людской — мешали ангелы.

У них на людей были свои планы.

Саркон устало вывалился из портала на побережье необитаемого острова. Сгорбился, глаза слипались. Застыл, слушая вместо свиста пуль рокот прибоя. Вместо криков — пение птиц. Это было так ново и чудесно. А вместо запаха боли и смерти ощутил вкус бриза на губах. Солнце над головой уже жгло не так яростно. Но грело почти как Геенна Огненная. Трехрогий посланник, не совсем понимая себя, лег на песок и раскинул руки. Возможно, он был единственным демоном на всем белом свете, который понял ангела и пошел с ним на примирение. За всю историю Столкновения их случай парной работы — уникальный, насколько он знал. Но разве так сложно понять ангела, который когда-то был человеком?

Оба, как два изгоя, вроде бы и не отвергнуты своими, но уже и не среди них. Оба совершенно разные, с разным взглядом на мир, но чем-то объединены, словно отмечены Творцом, да так, что у обоих "лагерей" по разные стороны баррикад не хватает доводов, чтобы запретить их совместный рабочий союз.

"Только для чего создана группа Аид? Этой Войне все равно не будет конца. Сколько еще ждать, усиленно работая, прежде чем появится хотя бы еще пара таких же вольнодумцев? И поможет ли это как-то человеку? Точнее, успеет ли помочь? Кажется, он никогда не исправится".

Эти вопросы не давали покоя. Демон даже вздохнул. Несмотря на усталость и целую гору странных, ночных заданий, его не покидала мысль, что все же стал изгоем лишь благодаря Люции. Ей — ангелу, извечному врагу, к которой воспылал запретными чувствами. Воспылал и перешел какую-то невидимую черту. Изменился, переплавился, стал другим. Он словно заразился вирусом, от которого не было лечения.

И где бы не был демон, благодаря этой странной болезни, поразившей его, войны, где он прошел, забрав несколько смертей, затихали. А люди-жертвы, те, что уже были отмечены

на заклятие и должны были погибнуть позднее, выживали.

В последний момент странные ощущения заставляли демона менять смысл задуманного. Искажал суть задания своего лагеря, гасил пожар конфликтов на неопределенное время. Он просто лил воду, подобно ангелу, хотя должен подкидывать дрова. Он перестал быть "поджигателем", и стал "водовозом".

Пока Саркон поступал так лишь тогда, когда Задания допускали интерпретации, но чувствовал, что вскоре готов был пойти против всех наставлений семьи, а то и выступить против своего лагеря. Нет было больше в нем желания разбрасывать искры.

Почему он начал идти против своей сути?

Саркон прикрыл глаза. Первое время этого не заметят. Внешне он так же беспощаден: поощряет смерти и люди продолжают нажимать на курки, но на их обязательных смертях все и заканчивается после его ухода. На пепелищах войны снова вырастают съедобные плоды и плодятся новые люди. Но вскоре начальство разглядит подобные ходы на будущее, и им с Люцией придется не сладко. Как скоро? Поможет ли изменить ситуацию то странное чувство, что разгорается в нем с каждым днем? Изменить и помочь идти против всех обстоятельств.

Демон поднялся. Прежде, чем удалось отдохнуть на песке, ткнули носом в еще одно задание. Появилось странное, никогда ранее не ощущавшееся желание не повиноваться приказу. Демон спешно загнал его глубоко внутрь и принялся за работу.

Люция легко откинула решетку пожарного выхода и взобралась на крышу панельного дома. Дождь тут же принялся бить по лицу, хлестать по щекам. Ангел поежилась, кутаясь в плащ. Пришлось почти заставляя себя встать на парапет и скидывать эту теплую накидку, расправляя крылья. Порыв ветра тут же чуть не сдул обратно. Небесная дева едва успела отставить ногу и выставить руки для баланса.

— Бр-р, ну и погодка. А семье надо на природу ехать. — Ангел вздохнула и сложила ладони, чуть прикрывая глаза.

Желтый свет засветился меж ладонями, разгоняя предрассветную тьму. Поменялся ветер, тучи помчались на запад, морось прекратилась. Но изменившийся ветер подхватил под крылья, и пришлось сделать шаг с крыши. В крылья мягко ударило. Ангел воспарила над двором, разгоняя ненастную хмарь над ним и, в целом, над большей частью города.

Новый приказ коснулся висков теплой волной. Новый клиент был в этом же доме. В том же подъезде, но на третьем этаже. Молодой мужчина.

Люция, прекращая парение, сильнее замахала крыльями, поднимаясь в поисках искомого окна. Оно оказалось приоткрыто. Повезло. Немногие оставляют открытыми окна в такую ненастную погоду. Людям свойственно бояться сквозняков. Понавыдумывали себе хворей и болеют от всяких пустяков.

Ангел коснулась ногами откоса и подоконника, проникая в приоткрытое окно. Хоть сквозь стены не надо проходить и на том спасибо. Силы не лишние.

Ступив на старый палас мокрыми ботинками, дева сложила крылья. С кончиков перьев капала вода. Плащ, до того скрученный подмышкой, расправился. Ангел накинула его на плечи. Неторопливо осмотрела почти пустую комнату ночным зрением. В углу стоял лишь старый стол со стулом, заваленным одеждой. На столе лежали целые горы бумаг, стояла погашенная лампа. В углу валялась запыленная штанга с кипой блинов. Больше в комнате ничего не было. Скучная, невзрачная обстановка с потускневшими, выдавшими и лучшие времена обоями.

Ангел вышла в коридор. Во второй комнате стояла большая двуспальная кровать, на которой никого не было. Помехами светился старый телевизор на подставке в углу. Трансляция передач на этом канале закончилась. Час был поздний. Лишь в ванной горел свет. Полоска пробивалась из щелей в дверях.

Люция прислушалась, приблизившись к двери. Тишина. Постояла, ожидая. Только двадцать секунд спустя раздался слабый плеск, словно кто-то в ванне чуть пошевелился.

Ангел, больше не сомневаясь, прошла сквозь дверь, накидывая на себя полную невидимость.

Мужчина лежал в полной ванне, в давно остывшей воде. Русые, короткие волосы на голове давно высохли. Или он их и не мочил. В руке была старая бритва, по лицу текли слезы. Две высохшие дорожки у глаз.

Мужчина лет тридцати. Под глазами синие круги. Ангел коснулась лба кончиком пальца. Нет, не пьяница, не наркоман. Просто много работает. Без выходных. И такой

период в жизни, когда все не клеится, все кажется бессмысленным. Часто люди называют его "черной полосой".

Люция присела на край ванны, вздохнула, не зная с чего начать. Мужчина выронил бритву за край ванны, рывком поднялся, обдав водой, и вытащил резиновую затычку. Вода пошла на убыль.

Ангел чуть отстранилась, невольно отмечая хорошо сложенное тело клиента. То ли тренируется, вопреки постоянной работе держа себя в хорошей форме, то ли родители и природа с рождения наградили хорошим здоровьем.

Вода ушла, клиент продрог в остывшей ванне, но к полотенцу не тянулся, стоял, глубоко дыша, и смотрел на нее.

Конечно, мужчина смотрел сквозь нее, на дверь. Но взгляд был на уровне ее глаз, и ангелу казалось, что он видит именно ее. Смотрит в глаза. Люция даже положила руки на его плечи, приблизившись.

Почему-то ничего не хотелось говорить. Этот стройный, сильный мужчина просто не мог покончить жизнь самоубийством. Да, шеф подставил, да, женщина обманула, которой доверял и считал, что любит, да, близкий друг в больнице... Еще куча мелочей навалилась на сильные плечи, придавливая к самой земле. Но эти плечи должны вынести все. Он просто обязан жить!

В коридоре зазвонил домашний телефон. Мужчина потер щеки и прошел сквозь Люцию, открывая дверь. Ангел пошла следом, рассматривая широкую, сильную спину бывшего спортсмена. Она притягивала взгляд.

Он включил свет, поднял трубку.

Короткий разговор... Трубка выпала из руки, грохнувшись на пол. Послышались гудки отбоя. Ладонь мужчины закрыла лицо. Он тихо сполз по стене, прижавшись спиной. Голова опустилась к коленям. Люция снова коснулась лба, чтобы узнать, что происходит. Все сразу стало ясно, едва пальцы коснулись его — друг умер.

— Ты выдержишь. Ты выдержишь все, Евгений Мирянов, — небесная дева села на его плечо, перебирая в ладони короткие кудряшки.

Мужчина вздохнул, убирая ладонь от лица. Глаза, полные слез, усталились на лампочку. Ангел белыми кудрями чуть прикрыла свет, чтобы не слепил. Но мужчина смотрел не на свет. Он смотрел на турник.

В его голове вертелась схема, как зацепить ремень за этот турник и как ремень перетянет шею. Медленно и верно лишит его жизни.

Люция обхватила руками его лицо, пальцами касаясь губ. Он ощутил это как теплый поцелуй. Округлил глаза. Показалось, что ли?

— Нет, турник не для висельников. Он для здоровья. У тебя достаточно силы воли, чтобы выдержать все. Ты будешь и впредь качать на нем плечи, пресс и спину, — заговорила ангел. — А сейчас ты ляжешь спать и крепко выспишься. Потом предложишь свою помощь жене друга. На похоронах тебя заметит ее подруга. Она владеет фитнес-центром. Предложит тебе работу, похвалив хорошую спортивную форму. А через семь месяцев вы поженитесь. Все будет хорошо, Евгений. Не думай о смерти. Твое время еще не пришло. Живи. Кому-то ты все еще нужен.

Ангел подалась прочь от клиента и, не поворачиваясь, пошла к входной двери. Дело сделано — пора уходить. Заряд он получил. Теперь все зависит от него. Право выбора.

— Спасибо, — долетело в спину.

Люция вздрогнула, замерев. Зрачки расширились, показалось, что даже волосы встали дыбом. Медленно, очень медленно повернулась.

Это забытое чувство удивления, страха, неожиданности. Горючая смесь, от которой давно отвыкла. Человеческие ощущения, несвойственные ангелу. Как давно это было? Сколько веков минуло с тех пор, как она была человеком?

Мужчина стоял и смотрел прямо на нее.

На нее! Не на дверь! На Люцию! Глаза в глаза!

— Ты... — она не узнала своего голоса. Он истончился и потерял всю силу внушения.

— Евгений, — глухо произнес мужчина.

— Да знаю, — возмутилась ангел. — Как ты...

— Уходишь... — прервал мужчина. — Даже чая не попьешь?

Люция застыла, ничего не понимая. Человек не должен был ее видеть. Кто он такой? Он еще и услышал ее?!

Постояв в молчании несколько секунд, продолжая ловить на себе взгляд, ангел скинула незримую личину.

Евгений невольно вздрогнул перед проявившимся образом.

— Значит ты все-таки здесь, — потрясенно сказал он, не скрывая удивления.

Ангел опешила, словно хлебнув за раз восемь порций того коктейля, вкус которого ощутила чуть ранее.

— А? Ты... ТЫ НЕ ВИДЕЛ МЕНЯ?! — негодованию Люции не было предела. Человек подловил ее.

— Я редко вижу... Все чаще чувствую... И твои касания, и твои пальцы... Я ощутил их... Как тебя зовут?

— Ты... зачем... А-а-а! Ну, вот как ты мог?! — дева вздохнула. — Сделал как девчонку.

Евгений расплылся в широкой улыбке и... обнял!

Самое странное для небесной посланницы было то, что она не смогла сопротивляться. И уйти не могла, как должна была немедленно. Руки почему-то обхватили его широкую спину, и плащ сполз на пол, обнажив крылья. Такое тепло, и любовь пошла от этого странного человека, что ее зарядило под завязку, по уши, как часто говорят люди. Он делился щедро зарядом, сам несколькими минутами ранее готовый расстаться с жизнью и похоронить этот поток силы вместе с собой.

Энергии стало столько, что весь дом от присутствия напитавшегося ангела скинул с себя серую хмарь и тоску. С диким ревом кинулись к окнам бесы и мелкие черти. Кто не успел, тот распался пылью... А не успели уйти все.

Теплая волна взрыва тепла и нежности продолжилась и коснулась всех жильцов. И даже жильцов соседних домов. Большею части во сне, и те невольно улыбнулись. Сны пошли светлые, чистые. Словно тотальный катарсис очищения прошел по всему району. Люди без причины ощутили бодрость и приподнятое настроение.

Евгений влюбился в ангела с первого мгновения и понял, что не в силах расцепить руки. Ангел, ничего не понимая, тоже не могла отстранить его, ощущая такое тепло в груди, какое не могло дать и Небо.

Эти объятия показали раем для обоих. Бесконечным, безграничным царством тепла и света... Вот только самому Раю так не казалось.

Небесный лагерь чутко следил за Люцией.

Коридор в квартире Евгения Мирянова погрузился в тишину. Двое уже которую

чудесную минуту стояли, молча слушая лишь биение сердец друг друга. Казалось, те бьются точно в такт.

Человеческое сердце и сердце ангела.

Исчезли все мысли. Пустота в голове. Только тепло льется от солнечного сплетения вниз живота, волной разливаясь по всему телу.

По щекам Люции потекли слезы. Она не знала и не хотела понимать, почему они появились. Сожалела, что не повстречала Его? Того Единственного, с которым с первого взгляда и на всю жизнь при жизни? При своей человеческой жизни.

Она больше не думала об этом, просто позволяла слезам течь по щекам и подбородку и капать ему на грудь. Ему — человеку из плоти и крови.

Евгений не мог вымолвить и слова. Разум испарился. Только одно знал точно: во что бы то ни стало не мог позволить Ей уйти. Никогда! Ведь Она именно Та, которую признало все его естество. Он ощутил и принял ее прежде, чем в этом убедилось зрение, а после и разум. И поющая душа шепчет ему, что никого больше никогда не полюбит так, как любил сейчас Ее.

Но почему, черт побери, почему она ангел, а не человек?

Между обоими проходили незримые, но такие ощутимые разряды. По коже гуляли мурашки. Не холодные, неприятные, но нежные, возбуждающие, зажигающие внутренний свет.

После теплой неги по телу прошла холодная волна. За работу принялся разум, отсекая саму возможность любви человека и ангела. Подлый, он принялся взвешивать возможности, искать доводы в пользу невозможности происходящего и постепенно сводить все ко сну и усталости.

Ты просто устал, Мирянов, очнись. Это просто светлый миг, который растает, просто вспышка света, ослепляющая на миг и меркнущая, когда снова темнота вступит в свои права.

Но сердца обоих говорили, что ее слезы на его груди, и его сильные пальцы под ее крыльями — не сон. Далеко не сон. Это за пределами сна. Это больше чем реальность. И чувства обоих горели таким костром, что не могло остаться и пепла.

И все же что-то внутри шептало, что... нет, не будет ничего. Ничего не останется после того, как Она уйдет. Уйдет Она и для него останется лишь пустота. А для Нее без Негс пустотой станут и сами небесные чертоги. Все же просто. Мир прост. Все же ясно, как погожий день.

Люция чуть отстранилась, поднимая к Нему голову. Глаза встретились. Ее, полные слез и Его, полные такой тоски, что лучше сгореть в их совместном костре, пока горит. Сгореть, пока она не сделала портал и не шагнула в него. Ведь с ней уйдет весь мир. И для ушедшей мир станет таким же серым и холодным, как и для него. Вне сомнения.

Люция ощутила, каким же ничтожным оказалось по сравнению с этим Костром ее тепло к Саркону. Демону и напарнику.

Друзья, просто друзья.

А Евгений... он... Он светился! Его аура в какой-то момент вдруг стала видимой и для него самого. Вспыхнувшая любовь отчистила человека, исцелила от всех недугов, тоски и всей жизненной скверны. И душа после их совместного Костра стала белее ангельского света. Он стал подобен святому. Свет слепил даже ее. И душа человека парила сейчас под небом без всяких крыльев.

Легкость проявилась в телах обоих. Катарсис словно переродил их, погружая во

всеблагой покой. Взгляды погрузились друг в друга, заглядывая в самую суть.

"Остановись, он же смертный", — вновь подумалось Люции. И Евгений словно увидел эту мысль. Ощущение легкой пощечины пришло внезапно. Но он тут же простил ее, не скрывая и не отводя взгляд.

"Безумный, она же высшее создание", — прочла в его глазах ангел довод его разума. Что-то кольнуло в груди. Но она стерпела этот выпад, не поморщившись.

"Он будет стареть. Ты будешь видеть, как он тлеет, пока не уйдет совсем".

"Ты подставишь ее, обязывая, докучая своими приземленными чувствами. Ты для нее словно слепец для зрячего".

"Ветер и земля. Огонь и вода. Несовместимы пламя и лед, смирись".

"Свечка, Люция! Он — тлеющая свечка! И сейчас он тебе отдал столько, что хватит на тысячи ангелов, но жизнь его сократилась... Разве что дать ему бессмертие, вымолить у неба для него, не боясь быть проклятой?"

Эти слова звучали в головах обоих существ. Кто шептал их? Неизвестно.

Боль отразилась на побелевших лицах влюбленных.

— Не уходи, — едва смог вымолвить Евгений. Два слова придавили, бросили на землю и размазали, лишив ощущения полета, а взамен оставляя лишь боль. Зрелую и беспощадную боль души.

— Я должна, — она словно сама себе вонзила в грудь нож. Совсем рядом со стрелой вездесущего Купидона, который поражал всех без разбора.

Третий лишний появился в коридоре внезапно для обоих. Лампочка взорвалась, выбило пробки во всем доме. Этот другой, чужой, безжалостный свет ослепил Евгения. Разжае объятья, он прикрыл руками лицо, чтобы не ослепнуть совсем. Люция лишь услышала отчаянный вскрик человека и ощутила, как чья-то могучая рука неумолимо тащит ее в портал.

— НЕТ!!! — крики ангела и человека слились и тут же весь согретый на много километров вокруг мир лопнул как мыльный пузырь и посерел, потускнел, возвращаясь к начальному состоянию.

Снова куча дестабилизирующих факторов взяла свое, вернула людям их прошлые мысли, ощущения, тревоги, страхи и неуверенность в завтрашнем дне. Свет и тепло спрятались где-то глубоко-глубоко внутри печальных душ.

Евгений, слепо глядя сквозь пустой коридор на обшарпанную дверь, упал на колени и зарыдал. Ощущение полного счастья разбилось, распадаясь по коридору теми же осколками, что секунды назад лампочка.

Человек ощутил, как защемило в груди, и понял, что умирает. Жизнь просто стремительно покидала его, силы жить испарялись, вытекали из него сквозь кровоточащую душу, от которой отодрали половину. А часть жить не может без целого... Обречена.

Но он не умер. Не мог умереть, не взглянув на нее еще раз. Он запретил себе переходить черту, пока она снова не коснется его, и они вместе не полетят под небом и над ним. Он не мог себе позволить уйти, не попрощавшись.

Смерть отступила, подивившись напору и твердости стойкого, волевого человека. Евгений поднялся с колен и, покачиваясь от бессилия, побрел искать в темноте одежду. Не будет ему больше сна и покоя, пока не услышит имя той, ради которой стоит жить. Не существовать, лелея бессмысленные, серые дни, но именно ЖИТЬ!

По всей округе вновь принялся расползаться большой, теплый пузырь. Несомненно, он

был слабее и тоньше предшественника, но людям вновь стало легче дышать, и каждая новая улыбка принялась питать этот пузырь укрепляющей смесью. Пузырь начал расти теперь не только за счет воли одного человека.

Евгений оделся, и ключ с первого раза попал в замочную скважину. Дверь открылась и человек, которого коснулся ангел, сделал твердый шаг в новую жизнь.

Мир словно тяжело вздохнул и... принял его намерения. Во всем доме вновь дали свет. И первым, что увидел Евгений, был небольшой серебристый меч, лежащий у порога.

Ее меч, не иначе. Кто еще мог его бросить здесь? Евгений кивнул сам себе и подобрал оружие. Меч оказался легким, почти ничего не весил. И сделан был из какого-то странного металла. Если это вообще металл. Рукоятка была исписана вязью черных, непонятных букв, а ножны белые. Извлекалось оружие без помех, как будто не существовало для него физики сопротивления. При этом сам по себе меч из ножен не выпадал, хоть и не был подвязан. Судя по всему, он был создан для быстрого боя.

Евгений заморожено вытащил серебристый клин. Лезвие заканчивалось округлым концом. Серебристость клинка порой сменялась нежно-голубым светом. И, словно меняя настроение, меч играл оттенками от белого до темно-синего.

Зачем она оставила меч? Не иначе, как для него. Возможно, с его помощью будет легче отыскать ее. А значит, хотела, чтобы нашел.

Евгений благословил Творца за то, что в темноте удалось накинуть на плечи плащ, и сейчас меч можно было прикрепить к поясу, скрывая одеждой. Пристроив оружие, как мог — главным образом, чтобы не стучал по коленке — человек быстро побежал вниз по ступенькам.

Предстояло искать ее. Где — не важно. Главное — искать. И во что бы то ни стало найти!

Хотелось верить, что меч сам найдет хозяйку.

* * *

Саркон ощутил мощный зов. Шаг — и демон оказался рядом с архангелом. Самое неприятное из всех возможных соседство. Ощутимее, чем удар бревна в челюсть.

Свет ослепил. Демон, рыча, закрыл глаза и прикрыл руками. Едва заставил себя устоять на ногах. Тело под светом небесного воителя слабело и жаждало рухнуть на колени.

Но упасть на колени перед смертельным врагом? Что может быть позорнее? Свои не поймут и не простят. Да и сам себе не простит никогда.

Неожиданно свет исчез, оставив лишь блеклое свечение ауры. Демон смог отдернуть руку и рассмотреть крылатого оппонента во всей красе. Даже сложенные его крылья были вдвое больше, чем у Люции.

Архангел был светловолос. Локоны его подобны спелой пшенице. Светящиеся глаза бело-голубые. На нем не было золоченных доспехов, какие, по слухам старших братьев, так любят архангелы. Небесно-синяя мантия облегла тело, подпоясанная широким белым ремнем. А вот на ремне висел странный, изогнутый меч. Серый, небольшого размера. Его и мечом-то можно было назвать с натяжкой. По ощущениям демона, он словно спал. Усыпленный артефакт, полный внутренней жизни, мог проснуться и доставить немало

неприятностей. Он словно ждал одного лишь приказа, чтобы превратиться в грозное оружие защиты и уничтожения. Судя по белому каменно-спокойному лицу архангела, скорее — второе...

Удивляло другое. На руках небесного воителя была Люция. Голова ее была запрокинута, руки свисали, а на поясе покоился лишь один меч. И выдавало подругу полное отсутствие энергии. Ее словно выпили до дна. Полнейшее истощение.

— Кто ты и что с ней? — стараясь придать голосу беззаботность, поинтересовался демон. Но нотка волнения, несвойственная демоническому племени, все-таки проскользнула. Саркон поспешил наглухо закрыть внутренний мир, не желая быть хорошо читаемой книгой для высшего существа.

— От меня не скроешь эмоций, демон. Просто заведи ее, — архангел протянул драгоценную ношу.

Демон, рефлекторно прищуриваясь — вдруг снова ослепит этим нестерпимым светом? — приблизился и осторожно забрал напарницу.

— Я ее куратор — Алрониил, — продолжил архангел. — Нашел Люцию в сильнейшем истощении. Она что-то бормотала. Из тех слов, которые удалось разобрать, понял лишь о каком-то сражении. Попытка прочитать события последнего дня окончилась тем, что она окончательно заблокировала этот кусок памяти.

— Она совсем не помнит, что произошло? — переспросил демон.

— Закрыты события последнего дня, — подтвердил архангел.

Саркон немного помолчал, присматриваясь к куратору Люции. Что-то ее начальник не договаривал. Но вот что? Лицо как лед. Без эмоций. Как прочитать?

— Где ее второй клинок? — наконец спросил демон.

Куратор не ответил. Но и без того глубокие очи Алрониила потемнели. Демон ощутил идущий от куратора напарницы холод. Незримые, ледяные пальцы обхватили тело, вцепились в мышцы. Архангел, успокаивая свои проявления силы, чтобы Саркон совсем не ослабел, резко заявил:

— Довольно, демон! Как слаб ваш союз, что вы не ощущаете друг друга? Это я должен спрашивать, почему ты не защитил ее?!

Демон ощутил, как тело сковывает вторым кольцом холода. Пропали все посторонние мысли. Зверски захотелось бросить ангела и запрыгнуть на месте, растереть тело, тереть плотную кожу, согреваясь. А еще лучше ощутить тепло Геенны. Энергия, которую за ночную смену собрал на заданиях, быстро испарялась. Иммуитета к такому холоду в их роду не наблюдалось.

Стараясь сдерживать себя и ничем не выдать пораженческих ощущений, Сар пониженным голосом, почти сквозь стиснутые зубы, ответил:

— Последний раз, когда я ощущал Люцию, она была полна сил. Настолько, насколько вообще возможно для ангела.

— Вы оба отвлекаете меня и... не только меня, — напомнил архангел. — Ваш лагерь тоже недоволен, демон. Ты понимаешь последствия таких дел?

— Мы работаем изо всех сил, — ответил Саркон. — Никто не работает так много, Алрониил. Мы с Люцией трудимся без всякой поддержки. Нас никто не страхует, не питает. Вы только приказываете. Но нас в отряде всего двое. За всем не усмотреть.

— Общий сбор разберет ваши действия, — строго отрубил архангел. — Мы решим, как вы работаете. И... нужна ли такая ваша работа.

Саркон оскалился, повернулся спиной. Через силу сделал пару шагов.

— Что ты себе позволяешь, демон? — донеслось в спину. — Я тебя не отпускал!

Стоило большой силы продолжить шаги.

— Ей... нужен... отдых... — проговорил через силу демон, ощущая нарастающее давление. Спешно создал портал, обронив. — Сегодня наша смена закончена.

Через силу сделал последний шаг, ощущая, как падает... Портал выбросил в знакомую квартиру в отдаленном, спальном районе. В однокомнатную квартиру с захлавленной кухней и большой комнатой. Их тихое, уютное лежбище. Каморка на двоих.

Из предметов интерьера в комнате были лишь две кровати. У окна и стены, а меж ними — коврик, тянувшийся до ванной. Люция любила шлепать по нему с ванны босиком.

Демон на деревянных ногах пронес ангела до кровати у окна и бережно опустил на мягкие одеяла, стягивая вместе с поясом меч. Последние силы ушли на то, чтобы доползти до своей кровати и подцепить одеяло. Едва укрыл ее дрожащими руками, как сознание отключилось. Упал лицом на коврик, погружаясь в темноту беспомощности.

Свеча вспорола мрак комнаты. Тени бросились врассыпную, удлиннились и спрятались за предметами, сияя первозданной чернотой. Ловкие пальцы высекли очередную искру, и еще один фитилек вспыхнул ярким светом, заставляя тьму метаться в панике.

Черная, словно сотканная из мрака скатерть в полутьме показалась еще темнее, а предметы на ней — живыми. Они двигались в такт пламени свечи, гротескно играя тенями.

Странными предметами был завален весь круглый стол. Среди них хрустальный шар, внутри которого, отражая свет свечи, поблескивал металлический пентакль в форме перевернутой сатанинской звезды. Еще один пентакль, только нарисованный на черном листе бумаги чем-то багрово-красным, лежал рядом с тремя потертыми колодами карт Таро.

Карты валялись в беспорядке. Но не для обладательницы колод. Для нее они были разложены в строгой последовательности. Чуть поодаль особняком стоял самодельный мини-алтарь с жертвенной чашей. На кроваво-красной мантии возлежал перламутровый ритуальный нож, изрезанный именами демонов и ангелов вдоль и поперек. Причудливая вязь букв тянулась не только по гладкой ручке, но и длинному обоюдоострому лезвию, в котором отражались карие глаза... Глаза сатанистки.

— *Эт доминабитур а мари юскю а маре ет а фламин юскю а терминос орбис террарум...* — бормотали молодые губы полузабытую латынь, рисуя на ветхом пергаменте руны черной тушью. Девушка горячо зашептала вновь. — Дай мне силы! Снизойди неустрашимость! Ниспойди твоему новому аколиту силы!

Сердце Карины тревожно забилося в предвкушении эффекта ритуала. Едва удалось сконцентрироваться, чтобы трясущимися руками дочертить знаки силы. По телу бегали холодные волны, то и дело она ловила себя на том, что часто задерживает дыхание, просто забывает дышать. Когда последняя линия нашла свое место, девушка резво подскочила к окну, распахивая его настежь.

Полная Луна осыпала пригородные дома серебром. Редкие облака не могли полностью заслонить сияние ночи. Даже свет далеких звезд был на расстоянии вытянутой руки, подпрыгни и поймаешь в ладонь целую пригоршню.

— *Домини фиат кю пер Сигнум Домини нон трабас про белли!* — закричала в открытое окно Карина, слыша, как слова разлетаются по всей округе. Чуть помедлив, добавила уже понятным себе языком, не тем, что читала в старых манускриптах, которые достались от прабабки. — Ночь, дай мне счастья! Небо, забери мои проблемы! Темные силы, я с вами! Заберите меня отсюда! Ваш аколит готов к посвящению!

От участков соседних домов послышался лай, в двух окнах зажегся свет. Но Карина уже не обращала на это никакого внимания. Это уже неважно. Ее время пришло. Вчера она узнала, как вызвать демона, который заберет ее из этого несправедливого мира и наделит силой... Силой! И тогда весь мир будет валяться у ног.

Молодая ведьмочка истерично рассмеялась, оперлась на подоконник. Руки зашарили в тайнике под окном, вскоре на свет извлеклась старая, потерянная библия. Карина злорадно усмехнулась и резво, в два шага, подскочила к мини-алтарю, где медная чаша для

жертвоприношений ждала своего часа.

— Я отказываюсь от прошлого! — Библия небрежно легла посреди чаши. — Отказываюсь от света и от Бога! — руки подхватили свечу, и трепетное пламя приблизилось к ветхим страницам. — Я ввергаю себя в руки тьмы! — сердце чуть не ушло в пятки. Карина с детства воспитывалась в семье, почитающей Евангелие. Они еженедельно восхваляли Иегову. И вот теперь она совершает такое немыслимое богохульное действие.

Но назад пути больше нет. Об этом скажет даже ее хороший друг Макс.

Пламя подхватило старую бумагу и с радостью взвилось в воздух, поднимая под потолок клубы черного дыма.

Едкий смрад впивался в ноздри, обжигая легкие.

Карина откашлялась у окна и вновь принялась за сатанинский ритуал. Библия сгорела подозрительно быстро. Здоровый пухлый том прогорел, как школьная тетрадка, всего за пару минут. Лишь обложка никак не хотела сдаваться, коптила стены и потолок. Дорогие обои и бордюры, люстра и мягкие детские игрушки, все покрывалось мельчайшими черными частицами.

И все же первая жертва на медной чаше сдалась и рассыпалась прахом, выпустив последнюю порцию гари. Остался лишь белесый пепел и недогоревший краешек обложки. Карина посчитала, что первая часть ритуала пройдена, и время переходить к следующей.

Заточенный до остроты бритвы ритуальный нож послушно лег в ладонь. Девушка вытянула левую руку над чашей, и снова мертвый язык высоко и торжественно отразился от перепачканных гарью стен.

С губ сорвались последние слова. Нож коснулся кожи, оставляя неглубокий надрез. Карина, чтобы не закричать, прикусила губу, но из глаз все равно брызнули предательские слезы.

Больно!

Тяжелые капли в свете свечи казались черными. Они размеренно орошали белый пепел, вкладывая в жертву к демону частицу взывающего. Едва тринадцатая капля упала на алтарь, как две свечи, погасшие в момент дымовой завесы, вспыхнули! Да так, что Карина отшатнулась, больно врезавшись спиной в подоконник. Дыхание перехватило, сердце вовсе замерло, а зрачки расширились до предела. Одно дело, когда играешь в сатанистку, а другое — когда ритуал... начинает работать.

Да еще как работать!!!

На корточках — от боли в спине — Карина приблизилась к алтарю. Когда заговорила, едва узнала свой голос. Она пищала как мышонек настолько тоненько и жалко, что любой порыв ветра мог ее заглушить:

— Я призываю тебя, Вельзевул...

Ничего не произошло.

Карина опомнилась. Облокотившись на стол, встала на ноги.

— Я призываю тебя, Люцифер!

Ничего не произошло, хотя писк мышонка снова превратился в голос взрослой.

Девушка лизнула кровоточащую рану, ощутив на губах солоноватый привкус. Полностью взяла себя в руки, поймала в прицел глаз сатанинскую звезду и уверенно, твердо, как и подобает настоящей сатанистке, проревела:

— Асмодей!!! Я призываю тебя!!!

Резкий порыв ветра хлопнул оконной створкой с такой силой, что стекло посыпалось на

пол десятками осколков, в каждом из которых отразилась полная Луна. Огонь всех свечей в комнате потух, погрузив помещение во мрак.

Карину бросило в дрожь, ноги подкосились, и она нелепо плюхнулась на пол как недвижимая кукла. Комната поплыла перед глазами и закружилась. Навалилась непроницаемая тишина. Только тяжелый грохот сердца отдавался в висках.

Дикий ужас обуял девушку, пропитав до костей. Он выбрался из глубин ее собственного "я" и заполнил собой все ее существо... Или то, что от нее осталось, в страхе сжавшись перед неизведанным.

Алтарь вспыхнул нестерпимо ярким пламенем, на миг ослепив. Все тело, все то, что живет внутри человека, сжалось в один трясущийся комок. Все светлое ушло, сгорело во вспышке пламени, остались только угольки того, что когда-то звалось душой. Огонь алтаря потух, оставив на полу переплавленное создание, некогда бывшее человеком. Карина умерла. Одной лишь тени демона хватило, чтобы выжечь в ней все человеческое.

С пола встал рослый демон, меняя демоническую форму на человеческую. Ослепительно красивую форму: молочно-белая кожа, длинные черные волосы и глаза... Только глаза без белка. Сплошные черные провалы.

Так Энроф узрел младшего сына Асмодея.

В дверь постучали. Взволнованный голос младшего брата сатанистки тревожно спросил, запинаясь от волнения. Волна страха ощущалась даже через закрытую дверь.

— Карина, ты чувствуешь запах дыма в доме? Что-то горит? И что за странные звуки? Собаки на улице как взбесились. Карина, мне страшно... Открой дверь, пожалуйста!.. Карина, ты слышишь меня?

Демон рассмеялся голосом девушки, обнажая жемчужные зубы. Ветер, ворвавшийся в окно, тронул черные локоны. Они зашевелились, словно клубок змей. В руку послушно легла рукоять ритуального ножа. Ноги в два шага донесли до двери, и свободная рука потянула ручку.

— Не волнуйся. Я навсегда избавлю тебя от страданий. Больше ты никогда не будешь бояться...

— Карина?

Детский крик вспорол тишину дома.

Ритуал состоялся, давая возможность появиться на свет еще одному демону.

Демон воткнул нож в дверной косяк и создал портал. Пора было разобраться с изгоем.

* * *

Небесная дева очнулась от холода. В лицо светило яркое Солнце, но плечи тряслись, тело знобило. Почти заставила себя приподняться и укутаться в одеяла. Сон почти снова овладел ею, но сопящий в коврик трехрогий демон не давал уснуть. Память никак не могла сообщить, почему Сыр лежит на полу? Ведь скоро начнется их ночная смена.

— Ты, что, с кровати свалился? Уработал тебя этот "святой паладин" в ночи? Энергия сквозь дырку в роге вытекла? — попыталась припомнить последние события ангел.

Взгляд упал на пояс, лежащий рядом с демоном. Там был лишь один меч.

— И куда ты спрятал мой второй меч? Отвечай, рогатый. Нашел время для игр. Сар,

вставай! Время работать!

Саркон отказывался отвечать на выпады. Он вообще никак не реагировал. От прошлой чуткости и постоянного самоконтроля не осталось и следа. Беззаботно дрых, забыв про все на свете. Никакого слежения за обстановкой.

— Нет, ну ни грамма ответственности. Сар, ты самый ленивый демон на свете. Стыд тебе и позор! И вернись на кровать. На полу сквозняки, — последнее договорила, сладко зевнув.

Люция, ощутив под собой одеяло, заползла под него, а второе накинула на демона сверху. Сил на то, чтобы перевернуть его, а тем более поднять на кровать, не было. Что-то ее тоже притомило с прошлой работы. Настолько, что глаза сами закрываются. Разве она так уставала?

Память не вычленила из событий прошлой ночи таких уж больших энергозатрат. Ну, ладно, устала — она в прошлом девушка, ей положено. Но чтобы демон не нашел сил залезть на кровать? Ну, обезумевший паладин, ну, пара предотвращенных аварий, роженицу везли до больницы. А что еще-то?

— А, все понятно. Лицемерный рогатый ждет, пока она проявит заботу? Не дождется! Слышишь?

Мысли кончились. Ангел согрелась под одеялом. Сладко уснула. Раз уж напарник дрыхнет, то с него и спрос...

Просто полежит еще 5 минуточек...

Среди комнаты полыхнул портал. Из него вышла чернявая девушка с черными, как уголь глазами. Демоническое существо, завладевшее телом, повело носом, скривилось. Запах ангела был ему противен. Подойдя к Люции, демон потянулся к незащищенному горлу.

Саркон ощутил постороннее присутствие вместе с открытием портала. Слабо поднял голову от пола, пытаясь сфокусировать зрение. Встреча с архангелом выпила из него все силы. Слабость была такая, что тело отказывалось двигаться.

— Владыки подземелья, тебя еще не хватало! — просипел сонный демон, разглядев непрошенного гостя. — Икзар!

Над головой стояла девушка, но демон видел ее суть: двурогий демон. Любой бык позавидовал бы их размерам. В плечах он был шире Саркона и на полголовы выше. И крылья. У него были крылья! Демон отпрянул от ангела и расправил их, словно пытаясь показать во всей красе.

— Какого черта у тебя появились крылья?

— Все просто, — улыбнулась девушка. — Тебя изгнали. Меня повисили. Отец знает, кто чего достоин.

Демон напротив него был последним, кого напарник ангела хотел бы видеть. Младшего брата он ненавидел. Самая неприятная заноза из всех, на которые доводилась наткаться за пятьсот с лишним лет.

Икзар, как последний из семи братьев, рожденный в шестнадцатом веке по летоисчислению Энрофа, всегда стремился во всем быть первым и основной своей задачей считал превзойти Саркона, шестого, предпоследнего брата в семействе.

Непрошенный гость присел на корточки перед братом, оскалился:

— Какой же ты жалкий сукин сын, Сар. Валяешься на полу как побитый пес. Хозяйка не пустила на кровать? Но зачем псине кровать? Лежи себе на коврик. Самое достойное для тебя место, изгой.

Саркон приподнялся, ощущая, как грудь буквально отклеивается от половики. Мышцы терзали тысячи муравьев после долгого, без тревог и забот сна. Явление ненавистного брата явно было лишним.

— Можно подумать ты из другого помета, жалкое ничтожество, — привычно ответил Саркон. — Я работаю во внешнем мире. Но кто тебя выпустил из внутренних пределов? И еще раз спрашиваю — кто дал тебе крылья?!

Икзар молча переступил через брата и склонился над Люцией. Полной грудью вдохнул сладкий запах ее волос. Недобрая ухмылка расплзлась по лицу. Когтистый палец на миг спорол человеческую оболочку девушки, подцепил прядь ангела, покрутил. Лицо ангела во сне напряглось, губы побледнели, на лбу выступил пот. Она вжалась в подушку щекой и словно уменьшилась в размерах под одеялом.

— Говорят, ангелы бесполы... — начал было непрощенный гость. — Но мне кажется эта дева очень сочная.

— Даже не думай, Икзар, — предостерег брат.

Коготь гостя сполз с пряди волос. Демон отодвинул одеяло и прошелся им по шее, груди, спустился ниже.

— А грудь у нее ничего, да? И бедра... Они точно бесполы?

— Икзар, я предупреждаю тебя! Убери лапы!

Девушка-демон повернулась.

— Кажется, я захватил не то тело... попробую в следующий раз. И все же братья были правы. Ты умудрился найти в стане врага самое ничтожное существо? Силами тебе под стать? Конечно! Другого варианта я от тебя не ожидал. Я сначала не верил. Как же так, сам старший брат Саркон работает с ангелом. А теперь вижу, что ее тебе отсыпали на сдачу. Пара неудачников нашла друг друга. Вот почему оба стана не обращают на вас никакого внимания, скидывая всю черновую работу. Но, наплевав на собственную гордость, ты берешь любые задания. И она. Два ничтожных уroda. Изгой обоих лагерей!

Саркон, кривясь, еще малость приподнялся на локте, стараясь отдышаться и заставить холодные мышцы работать. Чепуха, что городил недоросль, его не волновала. Но вот лишенному энергии ангелу этот двурогий был опасен. В полном истощении она представляла собой легкую добычу.

— Или ты сейчас же проваливаешь, откуда вылез, мелкий выродок, или...

— Или? — гость повернулся. — Что ты сделаешь?! Ты еле дышишь!!! — закричал Икзар, с каждым новым предложением только повышая голос. — Скорее, меня муха уложит на лопатки, чем ты!!!

Напарник ангела горько вздохнул и, резко выхватив лежащий у кровати меч из ножен, воткнул в ступню ненавистного гостя.

— ...или я воткну меч тебе в ногу, — более спокойно договорил Сар, поднимаясь уже полностью.

Но и встав во весь рост, Саркон смотрел снизу вверх на младшего братишку. Акселерат этот порядком бесил. Икзар хотел опережать даже в росте. И в вечном стремлении своем бежать впереди часто допускал нелепейшие ошибки. Отчего не сыскал ни заслуг, ни уважения... пока Саркон успевал их отмечать.

— Последний раз спрашиваю, когда ты успел заслужить крылья?

Младший брат взревел и занес над Сарконом кулак. Более низкий демон успел дернуться вперед, толкая изо всех сил, одновременно создавая брату односторонний портал.

Икзар завалился назад, и Саркон не успел извлечь из ноги меч, прежде чем тот рухнул в алое марево телепорта в ад.

Люция лишилась второго меча.

Демон пожал плечами. А на что ей зубы и ногти? Пусть чаще головой думает, драка — его дело. Успокоенный этими мыслями, он поправил одеяло Люции и тяжело рухнул на соседнюю кровать. Оставленные без меча ножны положил на колени.

Как теперь объяснить Лю, что ее оружия больше нет? Не поверит же, что в гости заходил кто-то из семейства. О вчерашнем дне ничего не помнит. А ведь именно вчера все пошло не так. Вчера они впервые поняли друг друга.

— Да что ж за день-то такой? — в сердцах воскликнул демон.

Из коридора повеяло запахом серы. Аргону — четвертый по старшинству брат, явился в мир людей в обличье человека. Длинные черные волосы, голубые глаза, джинсовый костюм. И лицо без эмоций. Брат, старше Саркона на семь столетий, еще впервые получив возможность надевать личину человека, с нею в физическом мире почти не расставался. Разглядеть в нем демоническую сущность было не просто.

Аргону странным образом невзлюбил свое демоническое обличие и готов был отправлять в ад любого демона, кто ставил это ему в вину. Хотя вызовов на поединок ему давно не решались делать и сильнейшие. А знаков отличия в Легионе накопилось столько, что давно мог получить крылья, кои в "подземелье" считались атрибутом генералов. Но отказывался от них, больше внимания уделяя человеческой личине.

В руке Аргону держал сверток, в который был замотан окровавленный меч. Новый гость бросил сверток к ногам Саркона и поставил одну ногу на кровать, сложив руки на коленке. Гордый и красивый, брат молчал. Сар всегда восхищался им, пытаясь достигнуть его высот. Было на кого ровняться.

Аргону меж тем смотрел в глаза и никак не начинал разговора.

— Что, хочешь, чтобы я первым заговорил? — слабым, упавшим голосом спросил Сар. — Тогда приветствую.

Аргону, не отводя взгляда, произнес без всяких эмоций:

— Крови на мече хватит в качестве доказательств, чтобы ты получил тело черта.

— А кто сказал, что это я? Нас тут двое, — Саркон кивнул на Люцию. — Мне не под силу коснуться меча ангела. Обожжет. А она защищалась. Икзар нарушил личную территорию. У нас не людские судилища, вынесут приговор по существу.

Глаза Аргону загорелись интересом. Новый гость присел на кровать рядом, сделав голос помягче:

— Как ты взял в руки ангельский меч? Он лишил бы тебя руки.

Саркон размотал меч, вытер лезвие о принесенные тряпки и на глазах брата осторожно вложил в ножны хозяйки. По измотанному лицу было видно, что демона не особо посещают мысли, как он смог покорить меч врага. Надо было — покорил.

— Хотел защитить, наверное, — вяло ответил напарник.

Аргону аж привстал, воскликнув:

— Защитить? Ты в своем уме?! Она же ангел! Их оружие должно было сжечь тебе руку. — Аргону на миг застыл, разглядывая Люцию. — Хоть и... весьма красивый. Ты лишился разума, братец, но... не лишился вкуса к хорошей плоти. Признаю.

— О чем ты? — Зевнул Саркон. — Мы же работаем вместе! И пусть семья не одобряет, но Сход дал нам испытательный срок. И если мы все еще живы, то пока все идет нормально.

Аргону помолчал. Затем кивнул. Ему шло человеческое тело. Подтянутый, улыбочивый. Как преуспевающий в жизни человек, который следит за собой и всячески растягивает отпущенные годы.

— Давай так. Если вы оба поможете мне в одном дельце, я подтвержу твои слова перед Выводком. Доказать, что Икзар снова сам во все вляпался не составит труда.

Не стоит поднимать скандал из-за пустяков. Зачем нам разборки в семье?

— Как он получил крылья?

— Выполнил что-то для папашки недавно. Тет-а-тет. Глава не вводил нас в курс дела.

— Отец никогда не поручал ничего мне...

— И мне. — Признался Аргону. — Икзар довольно везучий сукин сын, не находишь?

— В последнее время много странного. От меня закрылась суккуб. — Сказал Саркон, поглядывая на меч ангела. Перевел взгляд на обескураженного брата.

— Ты меня удивляешь, — только и ответил Аргону.

— Что за задание ты хочешь нам поручить? — переспросил Саркон. — Люция тоже должна принять участие?

— Ну, вы же вместе работаете, — тоном заботливого брата ответил Аргону, мягко улыбнувшись.

Сар поскреб когтем нос, остановил руку перед лицом. Кисть дрожала. Энергии в теле было не так много.

— Я ослаблен после встречи с архангелом.

— С архангелом? — бровь брата поднялась к потолку. — Растешь, братец. Не то существо носит крылья в нашей семье.

— Это долгая история... И я не до конца все понимаю, — честно признался Саркон.

— Вот что, — хлопнул в ладоши Аргону. — Энергией я с тобой поделюсь. А дело-то пустяшное — с некромантом разобраться. Он использовал силу союзной нам семьи и не желает возвращать положенный долг. А спросить с него никто не может, потому что все кто пытался, вливаются в его армию.

Саркон помолчал, делая небольшую паузу. Тело затрясло откатом. Использовать портал для возвращения брата было не лучшим средством прийти в себя на грани истощения. Почти засыпая на ходу, обронил:

— Не в битве ли с некромантом погиб наш пятый брат Валкар?

Аргону понизил голос. Глаза потемнели. Голос стал тверже камня:

— У тебя есть выбор: сделать то, что я прошу, или получить развоплощение за то, что поднял руку на члена нашей семьи...

Сар хмыкнул:

— Отец порядком истощился, если последним был создан Икзар. Я бы даже сказал — иссяк. А ты все так же умен. Заставить оппонента на грани истощения сыграть в твою игру — это умно.

Четвертый по старшинству брат усмехнулся и вытянул перед собой руки. Меж ладонями стало образовываться переливающееся желто-алое облако. Оно медленно уплотнялось и превращалось в сферу.

— Задумайся. Ведь ты — предыдущий вариант.

— Я... запомню это, — ответил Саркон, почти теряя сознание.

— Вставай! — велел Аргону. — Получишь свою дозу энергии. Еще и ангела понесешь на руках.

Саркон, кряхтя, как старушка по утру, поднялся.

Брат встал напротив. Руки резко выдвинулись вперед. Сфера вошла в грудь демона, проникая чуть ниже защитных роговых пластин. Саркон не устоял и отлетел к стене, треснувшись спиной и затылком. После столкновения в стене осталась небольшая вмятина. Куски цемента осыпались на плечи и пол.

Аргону, повернувшись спиной, буркнул:

— Координаты сброшу позже.

Исчез.

Саркон поморщился, обронив:

— Это не я изгой, это вы все... уроды. Отключился...

Люция, сонно зевая, поднялась. Глядя на демона у стены, запорхала веками.

— Что случилось? Клеишь обои?

Напарник поскреб грудь. В который раз за сегодня выдохнул и... легко поднялся. С энергией брат не обманул. Напитал по уши. Хоть на носорога в лобовую атаку иди.

— Долгая история. Если вкратце, Лю, то у нас новое задание.

— Я не получала никаких заданий, — ответила Люция, гадая, что за кровь на половике и почему единственный меч валяется под кроватью демона.

— Ты... соучастница, — Саркон посмотрел на нее взглядом, полным сожаления. — И я прошу тебя мне помочь. Ты можешь отказаться. Я не в праве настаивать.

Ангел недоверчиво поморгала, прищурилась. Нет, не мираж. Ее вечно хмурый, злобный напарник был перед ней как расплавленный сыр и о чем-то просил. Добровольно. Никто его не душил, не пытал.

Люция обомлела и впервые не нашлась, что сказать. Едва выдавила из себя:

— Эм-м, я что-то пропустила? Почему у тебя рог зарос? Регенерация тканей разве возможна в этом мире или ты по тихой слинял на ночь к себе?

Саркон недоверчиво пощупал средний рог. Дырка пропала.

— Я тебе сейчас все расскажу.

— Погоди, погоди, я хочу запомнить этот момент. Так, какое сегодня число?

— В этом все и дело, Лю. Сегодня не тот день, что ты помнишь, — произнес Саркон и посмотрел так, что ангел присела на соседнюю кровать. — Вот... А теперь просто выслушай меня.

* * *

Вечерние сумерки разогнали людей. Никого навстречу, никого среди оградок и серых плит. Только ветер гоняет над головой темные клубни туч. Ночь будет без звезд, без Месяца. Тьма и печальная тишина укрывают кладбище. Даже желтая трава словно прижалась к земле, стараясь скрыться от дикой тоски места упокоения. Редкие деревья сонно качают ветками, не смея тревожить покой усопших.

Застыли в слезной мольбе мраморные ангелы, воздев руки к небу. Не машут крыльями потрескавшиеся херувимчики на надгробиях, монументах, оградах и склепах. Здесь все вокруг, по меркам людей, лишь кусок земли на престижном кладбище. Шикарные атрибуты пышных проводов в загробный мир.

Двое в плащах и джинсах были странными гостями кладбища в столь поздний час.

Люция шла в зауженных книзу, посветлее джинсах, демон в серых, просторных, как парашют. Вместе шагали по дорожкам. Местами те были выложены асфальтом, местами камнем, цементом, местами просто протоптаны.

Ангел в высоких ботинках-гриндерсах шагала прямо по лужам. Люция всегда ходила напрямую. Демон же старался ботинками в грязь не лезть. Он прыгал с одного сухого островка на другой. И между бредущими ни на минуту не прекращался разговор.

— Я не выспалась. Энергии мало, — ныла небесная дева.

— Еще бы, Алрониил передал тебя едва живую.

— Значит, ночь была бурной... Но он обещал мне Ветер Туч. А крылья мои прежнего размера. Где моя награда за работу?

— Может, ты не с теми сражалась? И вообще, когда ты успела ввязаться в драку и иссякнуть? От девушки и ее отца ты получила более чем достаточно. И почему меня не позвала?

— Да если бы я помнила. Может, действительно не с теми дралась... Тогда не только Ветра Туч, как бы вообще крыльев не лишили? За меч, чувствую, отдельный разговор с Алрониилом выйдет. Но кто на меня мог напасть? Сама я редко кого задираю, — ангел вздохнула. — Только если за правду.

— Вот-вот. — Буркнул Сар. — За правду ты всех в ключья.

Побрели дальше.

— Бр-р, какое холодное, гнетущее место, — продолжила Люция. — Тебя точно развоплотят, если мы не пойдём к тому некроманту?

— Точно, точно. Не сомневайся, — подтвердил Сар. — Уж что-что, а законы Падшего семья соблюдает. И поднявший руку на брата без причины изгоняется в жалкое тело черта. Так что у нас железная дисциплина.

— Это понятно, — кивнула Лю, словно действительно все было понятно из законов ада. — Но ты же меня защищал. Ну... как напарника.

Саркон чуть понизил голос:

— Защита ангела, как ты понимаешь, не является веской причиной для нападения на брата. Для моего лагеря ты напарник в кавычках. Даже напротив, я должен был... — демон прервался.

Люция кивнула. Продолжай, мол.

— ...помочь тебя убить. Тысячи лет идет наша война. И как показывает практика, убить легче всего...

— ...спящего ангела, — закончила Лю. — Именно поэтому мы редко ночуем в физическом мире. И право на одиночные прогулки еще стоит заслужить. Приходят всякие рогатые среди ночи в компании друзей, и миру потом не достает ангелов. Отсюда все катастрофы — рабочих рук не хватает.

— У нас тоже право на свободную прогулку в Энроф нужно заслужить. И... я не знал, что Икзар уже заслужил сие право. Миру грозит немало катастроф, если этот урод дозрел до одиночной работы. Вот уж неожиданность. И этот недоносек уже крылья получил. Не знаю что такого мог поручить ему отец.

От Сара словно волна огня прошла. Ангел ощутила обжигающее тепло. Повернулась, остановившись. Согнула пальцы, согревая их своим дыханием. Глаза вперились в черные очи демона.

— Твоя ненависть к нему ощущается на расстоянии. Почему ты так его ненавидишь?

— Это семейное, — буркнул Сар, не вдаваясь в подробности.

— Личное?

Саркон лишь кивнул.

— Ладно, я не буду допрашивать, — тонко намекнула Люция, ожидая, что Сыр снова растает и тут же все выложит. Минуты шли... Не выложил. Видно, и впрямь очень личное.

Повеяло холодом. По белой коже ангела побежали мурашки, а Саркон словно отдал мышцы под роговой броней ордам муравьев. Ощущение чужой, враждебной силы ощущалось обоими, немного по-разному, но с одной сутью — лучше не лезть!

Энергия Некрономикона не была родственной ни Небу, ни Подземелью. Была она чуждой и для Энрофа. Но пропитывала все миры, обозначая страх Грани Перехода.

По кладбищу послышались тягучие ритуальные напевы некроманта. Речитатив древних слов разносился над надгробиями и склепами.

— Подожди! — закричала напарница, старясь определить, где некромант. Бесполезно, он словно говорил отовсюду. Эхо играло со слухом, как хотело. — Мы хотим поговорить! Не тревожь усопших! Дай нам сказать!

Тягучий речитатив продолжался без изменений. Слова ангела развеял ветер.

— Этот сам не заткнется, — вздохнул демон. — Придется поработать ангиной в его горле. И желательно гнойной.

Над могилами взвились бесплотные тени. Темные, оскаленные, полуистлевшие, порой и чистые скелеты, они отражали состояние тела упокоенного. Потревоженные мороки — духи тех, кто при жизни не отличался чистотой души и нравов, принялись кружить вокруг ангела и демона. Гогот и жалобные вскрики их заглушал ветер, он же разносил их повсюду.

Человеческий взгляд не видел мороков, а ухо могло уловить лишь обрывки этих жутких песен. И то лишь, если человек был подвержен скорби и находился в непосредственной близости к потустороннему миру. Просто так не заметит.

Люция достала из ножен клинок. Лезвие засветилось синим, рукоять загорелась белой вязью древних рун. Такими писались имена Бога.

— Я надеюсь, он не собирается воплощать их, пока нас не выслушает, — прошептала ангел.

— Надейся. Ангелам свойственно на что-то надеяться. Мы же все делаем сами. Так, чтобы потом без неожиданностей на голову. Не люблю я сюрпризы, — ответил Саркон, вытащил из-за пояса перчатки и неспешно стал натягивать их на руки.

Кожа саламандры вспыхнула огнем. Шипастые кулаки демона обьяло пламенем. Саркон поднял пылающие руки и приготовился к бою.

— Некрос! Нам от тебя ничего не надо! Это твоя территория! Верни долг, и мы уйдем без драки!

— Смерть не отдает... смерть лишь забирает! — Донеслось насмешливое от некроманта.

Мороки застыли, не удостоив их ответом. Смолкли смешки, крики и стоны. Серые тени в сгущающихся сумерках потемнели. Злые, обреченные лица с темными провалами вместо глаз, уставились на посланников тени.

Напарники встали спина к спине, откинули капюшоны и застыли. Ждали лишь первого движения бесплотного врага. Мороки — это не те, кого стоит бояться. Они сильны, лишь ощущая страх одинокой жертвы.

Чего-чего, а страха-то за сотни лет битв бойцы неба и подземелья давно лишились.

Серое небо решило, что кладбищу недостаточно мрачности, и на белые локоны ангела и широкие плечи демона с лысой макушкой закапали холодные капли дождя.

— Черт бы побрал эту осень, — буркнул Саркон. — И ты, проклятый некрос, прекращай дурить, иначе моя месть будет поистине дьявольской! Не зли меня!!!

— Корить смерть — ругать пустоту. — Ответил Некромант.

И как гром над кладбищем пронеслось последнее слово Призыва. Мороки обрели плоть!

— Ё-мое, — только и успела сказать пораженная Люция. За века Столкновения ей не доводилось сражаться с некромантами такой силы, что могли давать плоть духам в Энрофе.

Судя по молчанию Сара, ему тоже. Вдобавок его спина странно дрожала.

Саркон скрипнул зубами, загоня всплывшие воспоминания далеко вглубь. Демон раздвинул руки над головой в стороны. Огонь вспыхнул меж перчатками, и большое облако пламени полетело вперед.

Крики получивших плоть едва не оглушили. Немало мороков хорошенько прожарилось.

Это будет быстрый бой, подумала Люция. Но внезапно демону померещился такой знакомый голос, что холод пошел гулять по его телу, сковывая члены.

— Валкар! — Сар накренился вперед и упал на колени. Духи, как и обретшие плоть, так и еще бесплотные, все стали для него на одно лицо... До боли знакомое лицо любимого потерянного брата. — Валкар, — глухо повторил демон.

— Чего ты там бормочешь? — пробормотала Люция. — Встань и сожги их!

Демон не ответил. Ангел, перехватив меч обратным хватом, пробежалась по кругу, рассекая наиболее ретивых мертвяков. Резко остановившись, подняла к небу свободную руку.

— Анфалеста! — ее крик совпал со вспышкой молнии.

На руке ангела образовался синий шар и от него пошло теплое свечение. Мороки перед ней и напарником как на стену натолкнулись. Крики поднялись такие, что от них можно было сойти с ума. Но незримый барьер этого света не давал обретшим плоть войти в круг.

— Что с тобой, Сар?

— Валкар! Валкар!!! — Демон зарылся лицом в землю, обхватив пылающими перчатками голову. Огонь послушно лизнул красную кожу, и голова демона стала пылать, как факел. Люция отстранилась. Вспыхнувший огонь ударил жаром ей в лицо. Зачадил край кожаного плаща. Скидывая его, небесная дева утратила контроль над светом Анфалесты. Синий шар потух на радость морокам.

Освобожденные крылья вместе с резвым прыжком с оградки подбросили ангела на пару метров над землей. Дождь принялся нещадно мочить перья. Люция еще в прыжке ботинком врезала в голову ближайшего воплощенного морока, рассекла мечом еще двоих сразу.

Если Сар ушел в себя, то сражаться ей придется одной.

Крылья пришлось сложить. Своим малым размером они не могли поднять в небо и в сухую погоду, а усиливающий дождь и вовсе делал их бесполезными. Только немного порхать над нежитью, чтобы не разорвали в клочья на земле.

Мороки ринулись и на Саркона. Люция тревожно вскрикнула. Но бой поглотил, рассеивая внимание. Махая мечом и прыгая по оградкам и надгробиям, ангел потеряла из виду демона. Приходилось убегать от полсотни мертвяков и стало совсем не до напарника.

Только стойкое ощущение, что воин подземелья себя в обиду не даст, позволяло биться холодно и расчетливо. Без эмоций. Просчитывая шаги для отступления. К счастью, нежить была не так уж и подвижна. Новые тела замедлили духов. Они двигались едва ли быстрее

зомби.

Неожиданный рев демона заглушил гром над кладбищем. Саркон весь запылал огнем, не только перчатки. Принялся плавиться и чадить плащ на нем, загорелись джинсы. Лишь стойкие ботинки пока держались. А у объятого огнем демона загорелись и глаза. Жажда мести завладела Саром.

С криком:

— Валкар!!! Бра-а-ат!!! — он ринулся крушить мертвяков, как тонкие сухие веточки пламя.

Мертвяки закричали от огня. Пламя охватывало их и причиняло вред больший, чем кулаки и когти демона. Саркон крушил тела, словно пробивал стены тараном. Демон вбивал в грязь, отрывал руки и головы. Вся его мощь бурлила, и нечеловеческий гнев овладел сознанием. Глаза заволокло пеленой безумия. Он не видел, не слышал, только уничтожал.

Это казалось единственно верным в данный момент.

Некромант продолжал кричать сквозь дождь и ветер. Ухо ангела ловило обрывки фраз. Жаль, что не видно, откуда читает он свои заклинания. Повелитель мертвых продолжал колдовать из укромного места. Выдать себя значило проиграть.

Глаза воплощенных мороков тлели зеленым огнем. Их не только стало больше, они ускорились... Или время потекло быстрее? Демон этого почти не замечал, продолжая уничтожать, крушить и повергать. А вот Люции приходилось несладко. Непривычно было рубиться с одним мечом. Приходилось быстрее двигаться.

Грудь ангела быстро вздымалась, руки нещадно рубили врагов. По лицу стегали мокрые от дождя локоны, не успевая за хозяйкой в движении. Она продолжала прыгать среди потемневших оградок и надгробий, остро сожалея о нехватке второго меча. Одиноким клин в правой руке рубил быстро, но урона наносил ровно в два раза меньше, чем если бы имел собрата и в левой руке. Обоеручная. Тело, привыкшее к бою обоими руками, двигалось немного непривычно. Без возможности поставить второй блок.

Саркон на миг остановился, поднимая ладони вверх. Звук, подобный реву стада буйволов, сотряс землю. Огонь на демоне полыхнул в стороны на несколько метров. Ближайшие мороки стали факелами, разгоняющими темноту. Но усилившийся дождь недолго дал демону пылать. Огонь, чтобы сберечь тепло и силу огненных перчаток, поугас. Саркон в гневе на погоду и свою слабость, схватил каменную скамейку и метнул в группу мороков. Послышался хруст, крики. Мертвяков как тараном вынесло на дорожку, глаза дважды мертвых потухли. Но на место павших тут же встали новые враги.

Воплощение духов в тела шло непрерывно, и все увеличивающийся поток ослаблял двух напарников. Со всеми уже не справлялись. А кладбище было большое — в ресурсах некромант нужды не испытывал.

Время шло, уходили все силы.

Глаза Люции подернуло дымкой усталости, большое ангельское сердце стучало в горле, в висках, било в ребра и грозило взорваться, выскочить наружу.

Руки дрожали, меч стал делать ошибки, оставляя морокам жизни там, где должен был забирать. Ангел стала больше отступать, просто убегая. Больше не кидалась на толпы, рубя наискось, снося голову и рассекая на части, все больше искала одиночную пару светящихся зеленым глаз. С одним справиться проще. Секунды отдыха значили много и с каждым разом пролетали все быстрее и быстрее, а секунды боя, напротив, затягивались. Становилось тяжело, усталость давила на плечи, шаги становились короче.

Демон вырвал из земли оградку и принялся махать перед собой, нанизывая острыми колющими ожившую плоть. Повисшие на краях оградки сделали ее тяжелой, пришлось бросить и вырвать мраморный столик, затем швырнуть надгробие. Памятники полетели в толпу один за другим.

Саркон уже не разбирал, что именно исчезает в непрерывном потоке армии нежити, просто хватал и кидал, лишь бы не касаться нежити руками. Прикосновение к ним вытягивало силы как небольшой, но мощный пылесос. Принцип малого вмешательства в изменения обстановки физического мира летел ко всем чертям. По кладбищу словно прошли целые армии вандалов, круша и снося все на своем пути. Разве что не было черных красок, а на плитах оставались следы чудовищного размера от когтей демона да выемки от лезвия ангела вместо надписей с матами.

Люция кувыркнулась через себя и расправила крылья. Клинок нацелился в небо, и с его округленного острия сорвалась под небеса синяя стрела. Эта стрела закружила воздух вокруг себя, и по кладбищу пошел гулять небольшой смерч, лишь усугубляя общую обстановку.

Этот торнадо принялся охотиться за мертвяками, десятками подкидывая в воздух, вращая и выбрасывая за сотни, тысячи метров от битвы. Воплощенные мороки с большой высоты разбивались о землю и больше не поднимались. Глаза гасли.

Саркон устал не меньше ангела. Глаза перестали пылать. Пелена, гнев, ярость — все ушло. Только холодный дождь терзал разгоряченное тело, и жалобно шипели перчатки из кожи саламандры. Огонь почти потух. Кожу на ногах обжигали расплавленные ботинки, стекая на землю, и от них в воздух поднимался приторный дымок.

До слуха долетел вскрик напарницы. Он остро царапнул что-то внутри. Демон не мог назвать это сердцем, но в который раз за последние сутки испытал что-то похожее на чувство. Оно еще сильнее, чем бесчисленные острые пальцы мороков царапали грудь.

Воспылавший синим меч ангела тут же настиг обидчика, разорвавшего ткань на плече, но демон спешно рванул к ней на помощь.

Помочь, сберечь, защитить! Во что бы то ни стало защитить!

Мороки разлетелись от апперкотов и ударов наотмашь, как кегли. Снова воспылали огнем почти погасшие перчатки, и Саркон бросился к ангелу, расчищая ей дорогу.

— Сар, я больше не могу! — донеслось от задыхающейся девы.

— Я тоже! — крикнул демон и ощутил пересохшее горло. — Время звать Аргону, — добавил Саркон и ударил в землю пятерней. — Время призыва...

Кладбище озарилось красным светом, затмив свет зеленых глаз нежити. Сар вбил в землю угрожавшего Люции морока и повернулся. Плечи расслабленно опустились.

— Ну, вот и подмога.

Ангел встала рядом, сложив крылья. Ее горячее дыхание ощущалось на плече и говорило демону, что он все еще жив...

Мороки застыли. Шум дождя, рев ветра и тягучую вязь древних слов некроманта прервал крик.

Кладбище приняло нового гостя...

Всполохи светло-зеленого и алого поднимались до небес, путаясь в низких тучах и отражаясь в каплях дождя. Битва стихла, умолк звон меча, стихли крики воплощенных мороков, остались только неразлучные сегодня братья: дождь и ветер. Сильные, свирепые братья, с ненавистью сдирающие с деревьев последнюю листву.

Ветер давно не мог трепать серебряные локоны ангела — дождь сделал их тяжелыми.

Пряди могли лишь хлестать по лицу, не успевая за неугомонной воительницей неба. Дождь яростно впивался в шипящие перчатки демона, ручейками бежал по лысой голове, минуя рога и не задерживаясь каплями в несуществующих бровях и ресницах.

Люция вздрогнула, когда из красного портала вышел высокий, статный человек в легкой одежде не по погоде: шорты, сандалии, футболка и легкая ветровка поверх нее.

Аура этого носителя человеческого тела даже на расстоянии давила тяжелым прессом. Он был сильнее Саркона. К ауре Сыра ангел давно привыкла, приняла ее, а вот с демонами, превосходящими его по силе, забыла, когда и встречалась. Еще во времена Посвящения.

Человек с демонов внутри кивнул ей. Глаза на миг полыхнули черным, отчего по телу ангела прошлась волна холода, затаилась внутри, словно высматривая, выжидая. Какое-то подобие улыбки все же скользнуло по хмурому лицу.

Люция, не убирая меча, стараясь держать себя достойно, несмотря на дикую усталость. Степенно прошла вдоль ряда застывших мороков и встала по другое плечо от Сара, искоса поглядывая на пришельца из портала.

— Это мой брат Аргону. Четвертый по старшинству из нашего выводка, — тихо произнес Саркон.

— Приятно познакомится, — выдавила из себя ангел.

Новоприбывший демон хохотнул, отворачиваясь от Люции. Тут же потерял всякий дальнейший интерес к ее особе. Словно не ангел, а камень в луже или тот же самый холодный ненавистный дождь. К нему со временем привыкаешь.

Рука Аргону коснулась плеча брата, другая нырнула во внутренний карман ветровки.

— Я не справился, но... не надо! — почему-то вскрикнул демон и загородил Люцию широкой грудью, мало обращая внимания на качающихся на месте мороков.

Наверное, его брат был большей угрозой, чем все эти мороки вместе взятые, решила Люция.

Ангелу хотелось обнажить меч, отодвинуть демона и снова посмотреть в черные глаза Аргону, но что-то внутри подсказывало, что лучше в дела семейные не лезть. Демон не ее уровня. Без второго меча и без подмоги нет шансов.

Аргону неторопливо вытащил из куртки что-то черное, шипастое. Саркон узнал перчатки Аргону. Воистину могучий артефакт тех дней, когда брат завоевывал себе место под тусклым солнцем антимира.

— Нет, ты справился. Даже вы... справились. Они теперь мне больше ни к чему, — Аргону, совсем по-человечески растягивая предложения, протянул перчатки. — Ты нашел убийцу Валкара. Заставил его раскрыться и подтвердил мои догадки. Этот некроский шлейф я не забуду. Я ведь первый явился тогда на место битвы и еще застал его запах. Перепутать то, что врезалось в сознание, сложно.

Саркон торопливо стянул свои почти потухшие перчатки огня, заткнул за несгораемый пояс и бережно принял подарок брата: черные, скроенные с кожи старой черной саламандры, с четырьмя багровыми шипами меж костяшек, сделанных из ее зубов, прочнее которых нет ни металла, ни костей.

Осторожно натянул перчатки, ощущая жидкий огонь, полившийся по кистям, рукам и дальше по жилам. Сначала внутренний огонь, питающий притухшее пламя ярости и уставшее тело, заполнил от рогов до когтей на ногах, затем синее пламя вспыхнуло на черной коже перчаток.

Саркон попробовал подвигать пальцами, сжал-разжал. Перчатки были чуть великоваты,

но артефакт не стал противиться новому хозяину. Хорошо. Схватка с ним забрала бы последние силы.

— Признали, значит. Самое время. Подрос, братик, — усмехнулся Аргону, и тут же будто тень пробежалась по его лицу. Старший демон посуровел, и глаза недобро сверкнули яркой искрой. — А теперь отойди и напарницу убери, — демон в образе человека отодвинул брата с такой легкостью, словно листок с плеча смахнул. — Дальше я сам... За Валкара, — тихо закончил он.

Люция ощутила полет. Нет, никто не бил так, чтобы ноги оторвались от земли. Просто аура демона из сильной и большой вдруг стала небывало огромной и мощной. Фигура человека вспылала ей, огнем пошла одежда и кожа. Демон скинул личину, сжигая ее, как соломую высокий костер. Напарник подхватил ангела на лету, силой своей спешно подавляя воздействие брата. Синее пламя исчезло, успев лишь лизнуть одежду Люции. Демон обнял ангела и заключил себя и ее в закрытую сферу.

— Не бойся, Лю, — Саркон прикрыл ее широкой спиной, сжимаясь в клубок вместе с ней, стараясь обволочь всем телом, как туман утреннюю траву. Его аура обхватила ее и, не конфликтуя с братской, уберегла от урона.

— Как же вы сильны, демоны... Сар, он мстит за Валкара? — тихо спросила ангел.

— Валкар погиб в бою с этим некросом. Третий по старшинству брат был ослаблен предыдущим боем, а Икзар, самый младший брат, отправленный для поддержки, бежал. Я не знаю причин, но мне слишком хорошо известны последствия для нашей семьи. Нас едва не смяли во время междоусобных клановых войн: Валкара не стало, а я и Аргону искали убийцу. Тем, кто остался, пришлось не сладко.

— Может, Икзар один бы не справился? Поэтому и бежал?

— Он бежал, бросая брата. И нам с Аргону не под силу этого забыть. Демон может отступить, но бежать...

Ангел всмотрелась в глубокие омуты глаз Сара и едва ли смогла бы ответить, искренен Саркон или нет. Разум понимал, что демону понятия чести не идут, но за все время знакомства дитя Геенны ни разу не заставило усомниться в своих словах. Чутье Люцию редко подводило. Еще когда была человеком, почти не ошибалась. Разве что из-за одной такой ошибки стала ангелом. Но то по любви. Женщины должны ошибаться только по любви. Иначе какие из них ведьмы?

— А другие братья?

— Мосе, и тем более Зару нет дела до слабаков, кем они нас считают. Хотя они с Валкаром были рождены в одно время.

— Тройняшки?

— По людской аналогии — да. Все трое помнят времена первой адской смуты.

— Давно это было?

— Отец еще был молодым, — хмуро ответил демон.

— Кто твой отец?

Сар оскалился, но как-то мягко, и если бы все зубы не были клыками, можно бы было сказать, что совсем по-человечески, по-доброму.

— Ночь откровений, крылатая, да?

— Крылатая? Это как-то мягче, чем "пернатая". Уже ничего. Ты это... ее скрывай. Все равно узнаю, — и ангел засияла глазами, как прожекторами, стараясь осветить дно черных демонских глаз. Рассмотреть хотя бы немного его нутро.

Сар опустил голову, голос упал до шепота:

— Один из десяти правителей Ада — Асмодей.

Люция бессильно откинулась в больших теплых руках демона. Он защищал, грел и почти баюкал, давая возможность ощутить то, чего не было последние две сотни лет — ощущение защиты. Надежного тыла, ради которого можно биться насмерть. Но от последнего предложения как холодом повеяло. И даже его защита показалась хрупкой и ненадежной.

— Отец лжи, значит?

— Не только.

— Кто другие девять правителей?

— По алфавиту?

— Как хочешь, — разрешила Люция. — Мне просто интересно.

— Еще бы, — снова совсем по-человечески буркнул Сар. — Интересно ей... Твое начальство тебе никогда не говорит больше, чем надо. И то лишь когда приходит время сделать следующий шаг. Ведь так? По принципу: меньше знаешь — крепче спишь.

Напарница прикусила губу. Крыть нечем. Но что-то же надо ответить. А не хватает доводов — усилил голос. Этим Люция тут же и воспользовалась.

— У меня был выбор — попасть вместе с Хранителем моей души на костер к твоим дальним родственникам на жаркий прием или взять в руки мечи!

Демон спокойно переждал приступ паники напарницы, тихо приметил:

— Хранитель все же попал?

— Откуда ты знаешь? — притихла ангел.

— Да брось. Мы оба знаем, что ни демоны, ни ангелы душ не имеют. Это бонус, свойственный только человеку и некоторым высшим животным. Козырь, который человек почти никогда не ценит. Так ведь, бывшая ведьма? Ты бездушна, если стала ангелом. Значит, твой хранитель передал твою душу ангелам. За ее выкуп ты и служишь. Служение это будет вечным, Люция. Никто не даст тебе свободу.

Люция поджала губки, слизнув языком мокрую прядь, и замолчала. Но долго сдерживать себя не смогла, выплюнула прядь и снова сказала:

— Ты не ответил на мой первый вопрос.

Сар, не отводя взора, спокойно перечислил:

— Астарот, Азазель, Бельфагор, Вельзевул, Велиал, Левиафан, Люцифер, Фагот и Молох.

— А Сатана?

— Это коллективный разум. Адский эгрегор, созданный несогласными в противовес всем сложившимся схемам мироздания.

Люция снова притихла, длинные, мокрые ресницы опустились, по щеке покатила одинокая слеза.

— Что с тобой?

— Я... мы... мы служили эгрегору... Хранители и сейчас собирают для него силы. На каждой из нас говорили, что мы служим... только Одному. Первому после Бога, а он оказывается... Не один...

— Бог тоже не один. Эти две противоположности и создают наш биполярный мир. Как "да" и "нет" в ответе на любой вопрос. И только их совокупность дает нам единое имя — Творец. Но мы с тобой слишком мелкие пешки, чтобы о таком рассуждать.

— А тебе то откуда об этом знать?

— Нам никто не запрещает думать. Отсюда все смуты и межклановые войны. А ты слышала о смутах у ангелов?

— А как же падение Сатанаила?

— В тот момент он перестал быть ангелом.

За спиной Саркона тем временем попадали на землю все воплощенные мороки. Воспылавший жаждой убийства Аргону сжег все нити, связующие их с воззавшим хозяином. Некромант остался один. Пересохшие, побелевшие губы перестали исторгать заклятья, их больше не подхватывал ветер. Но и сам повелитель мертвых был незрим.

Аргону оскалился, поведя носом, словно принюхиваясь. Сильный дождь мешал восприятию, делал слепым. Чертов некрот дурачил, копил новые силы. А ливень остужал пыл, вытягивал силы.

Демон, больше не медля, открыл портал. Вновь алое зарево взметнулось до самого неба и из него выпал полуголый, заросший длинными волосами и бородой человек, тут же скрючившийся в луже в позе младенца. То ли холод терзал его еще до переноса, то ли дикая боль мучила.

— Перекидывайся, Кан! — велел Аргону.

— Я... не... нет! Я получил право трансформации не по наследию! Мне больно вдвойне! Я не всегда был оборотнем! Помилуй!

— Немедля! Ты же знаешь, мои попытки по сравнению с твоей трансформацией ничто.

Человек заскулил, завизжал совсем по-собачьи и приподнялся в луже на локте. Блеснувшая молния обозначила бурный рост волос по всему телу. Последняя одежда спала, порванная, как старая шкура, и когда над кладбищем пронесся гром, то рядом с демоном уже стояла большая лохматая серая собака. Она лишь тем отличалась от обычного пса, что ростом доходила демону до пояса, а Аргону в образе демона достигал почти трех метров.

— Искать! — снова приказал Аргону.

Пес повел головой, ловя сотни запахов: дерева, травы, дождя, земли, воды, камня, гранита, железа — и среди них мелькнул запах живого. Ведь единственное отличие некроманта от своих подопечных состояло в том, что сердце, пусть медленно, но стучало. И кожа выделяла запах жизни. Можно работать с мертвыми, жить, используя их силу, но от человека некрот ушел все же не так далеко. Частица осталась.

Собака подошла к одной из могил и подняла переднюю лапу, указывая на свежий холмик. Аргону тут же прыгнул через решетку ограды и огромная, когтистая рука впиалась в землю. Из-под земли послышался вскрик. Демон на вытянутой руке поднял к небу небольшое тело в черном с лысой головой, белым лицом и бледными губами. Грязь и вода стекала с него, ноги беспомощно дергались, глаза бегали, рот открывался в немом крике, снова что-то бормотал, беззвучно. Аргону сдавил шею сильными пальцами.

— Вот и встретились, — почти прошептал демон и, приблизив к себе убийцу брата, немного посмотрел в серые глаза, а затем сжал пальцы на горле некротанта.

Обмякшее тело свалилось в наполовину разрытую могилу.

Аргону непонимающе посмотрел на поверженного врага. Некромант был слишком слаб, чтобы прикончить его так легко. Рядом суетливо ждал своей возможности перекинуться обратно в человека пожилой оборотень, тихо поскуливая. В последние годы на трансформацию хватало сил лишь с помощью демона, которому и служил за эту возможность иногда по старой привычке повить на луну.

Аргону, игнорируя пса, первым неспешно начал создавать себе людскую личину. Терпя муки преобразования плоти, нехотя обронил:

— Валкар не мог проиграть этому слабаку.

Портал позади демона был неожиданность для всех. Рука с сияющим светом мечом сделала один единственный выпад. Точный и смертоносный. Аргону ощутил, как тело пронзила небесная сталь, раздвигая ребра и протыкая легкие. На грани трансформации между человеком и демоном, он был бессилён заживить свои раны.

Саркон, ослепнув от света меча, не смог разглядеть, чья рука принесла брату смерть. Рука так же быстро исчезла, замкнув портал. Когда зрение пришло в себя, демон скупно произнес лишь одну фразу:

— Люция... где твой второй меч?

Ангел повернулась к напарнику. В глазах ее было не меньше вопросов, но больше всего она испугалась нового взгляда Саркона. Он ненавидел ее больше, чем всех своих врагов вместе взятых.

Аргону молча упал в могилу. Заскулил вполне по-человечески рядом верный пес Кан. Без хозяина-демона он больше не мог вернуть себе человеческий облик.

— Я не знаю, — честно ответила Люция.

— Уходи. — Тихо добавил Саркон и упал на колени перед могилой.

Ангел пошла прочь во тьму, слепо переставляя перед собой ноги. Сил на то, чтобы уйти красиво у нее больше не было.

Солнце подбиралось к полудню, плутая в серых высоких тучах. Почти полное отсутствие ветра душило людей, по случаю последних зябких дней одетых во все теплое. Евгений плутал по городским улицам, мало обращая внимания на капризы погоды. Его цель была одна — найти ангела и разделить с ней вспыхнувшую любовь, которая была сильнее его. Потому он безропотно терпел жару плаща. Ведь под ним Ее частица. Человек просто не мог и подумать, что однажды обрета, сможет навсегда потерять Ту самую.

От мыслей о любви мысли Евгения иногда переходили на недавно умершего друга. Похороны Игоря послезавтра. Не выдержал организм приятеля постоянных перегрузок. Человек долго может рвать жилы на работе или по жизни, гореть, сгорать, потом тлеть, но, в конце концов, не остается и пепла. И он уходит, а окружающие не понимают, к чему была его гонка? И кто вышел из нее победителем? Так друг детства, которого знаешь половину жизни, а то и две трети, уходит за грань, где покой, оставляя тебя в недоумении.

Как бы то ни было, впереди было целых два дня на скитания по городу. Женя не думал о том, где конкретно будет разыскивать Ее. Действовал по наитию. Готов был хоть просто искать в каждом лице Ее знакомые черты. В один миг они стали родными. И Ее светлый лик отвлекал от мрачных дум. Черты небесной девы врезались в сознание и можно было по памяти и проснувшись среди ночи, нарисовать ангельский лик на холсте, бумаге, даже обоях, на худой конец. Но рука дрогнет, и сознание воспротивится любым попыткам воспроизвести Ее лик в точности. Это не под силу и самым гениальным художникам. Мирянов знал это точно.

Духота. От долгой прогулки хочется отдышаться, остыть, воздуха не хватает. Но нельзя снять плащ, разве что сдвинуть ножны, прицепленные к поясу и чуть приоткрыть края плаща.

Пройдя пару километров, Евгений приловчился ходить так, что легкая "железяка" больше не била по ноге. Со временем так, наверное, можно будет и бегать научиться.

Небесный артефакт не беспокоил. Меч спал. После ощущения тепла, которое он подарил на лестничной площадке, меч охладел. Возможно, он все так же меняет цвет, но в ножнах под плащом не видно.

Евгений доверял внутренним ощущениям, ясно говорящим, что меч подаст знак, когда Она будет рядом. Хоть как-нибудь. Он должен. Это же меч ангела. Такими шутками просто так не разбрасываются.

А может за ним придет кто-нибудь другой? Эта мысль заставила остановиться, Евгений остро ощутил, как ускорило сердце. Что если, придет не Она? Просто придет какой-нибудь другой ангел и бесцеремонно заберет этот меч, лишив его единственной ниточки, связывающей их?

Тревожная мысль проникла под черепную коробку и стала надоедливо жужжать и скрестись, лишая последнего покоя. Надо же, всю жизнь считал, что не страдает паранойей. Более того, был всегда логичен в суждениях и даже фантазию не выпускал за пределы

эротических снов. Хотя, с другой стороны, и ангелов-то до сего момента не встречал. Или встречал, но не видел. И тут — на тебе... Мир с ног на голову. Угораздило же довериться внутренним ощущениям и поздороваться с ангелом в коридоре. А тот сдуру и ответил. Та.

За раздумьями Мирянов забрел в узкий переулок и осмотрелся. Вокруг ни души. Руки воровато погладили ножны меча. Осторожно, все время осматриваясь, как ночной разбойник с добычей, человек извлек оружие из ножен. Меч озарился мягким, бело-голубым светом. Как показалось, он не прочь побыть на свободе и рад любому поводу соприкоснуться с рукой.

— Помоги, — прошептал Евгений. — Помоги отыскать твою хозяйку. Просто помоги. Я не знаю к кому еще обратиться, но без НЕЁ не могу. Понимаешь? Не могу.

Меч, словно прислушиваясь, поблек. Свет почти пропал. Женя хмыкнул.

— Да, на твоём месте я бы тоже не стал отвечать человеку, который разговаривает с мечом. Но у меня это не каждый день! Честно!

Лезвие меча на миг стало голубым, затем снова потемнело.

Евгений вздохнул и в отчаянии приложился к рукояти щекой, прижимая меч к себе, как самое дорогое, что есть на свете.

— Боже, ну как же мне отыскать ангела? Я люблю Ее! Я должен найти! Понимаешь? Должен! Это неподконтрольная тяга. Это просто выше меня. Настолько выше и глубже, что я, как робот с программой скорейшего уничтожения, исчезну, если не выполню свою задачу. Я ведь просто люблю ЕЁ!!!

Щеку обдало холодом. Зрачки расширились от неожиданности и страха перед таинственным, по законам природы увеличивая угол обзора мира вокруг. Адреналин попал в кровь, и сердце заколотилось, как после трех кружек крепкого кофе.

Евгений попытался отдернуть меч, но тот будто примерз к щеке. Холод побежал по лицу, заставил глаза налиться слезами, укусил за уши, холодными ручейками потек к шее, свело лопатки, кольнуло в пояснице. И не удержали холодные ноги. Мужчина упал на колени, ощущая, как все тело становится куском льда. Перед глазами замелькали цветастые пятна, в ушах появился странный гул, как будто над головой пролетел самолет. В груди потеплело, и по ощущениям, там словно собрался и уплотнился легкий светлый шарик. Он собрал в себя весь холод и... взорвался!

Щека прижималась к асфальту, словно стараясь слиться с ним в единое целое. Голова гудела, но шум в ушах и мелькание пятен постепенно сходило на нет. Хотелось пить, горло рвал кашель. Евгений едва сдержался, чтобы не раскашляться. Недавно болел ангиной и помнил, что значит сухо кашлять. Это неприятная боль. Лучше ее не вызывать.

Кряхтя, отнял щеку от асфальта и осторожно поднялся, прислушиваясь к ощущениям в теле. За исключением сухого горла, все было в полном порядке. Холод ушел, тело вновь согревалось в душном воздухе погоды накануне дождя. Меч валялся на асфальте, мерцая серым.

— Что же ты... кх-м... творишь? — прохрипел Евгений и, наклонившись, поднял и поспешно запихал ангельскую железку в ножны на поясе. — Я к тебе со всей душой, а ты меня током бить? Вот найду кузнеца, отдам тебя, вытащит он из тебя батарейку, и тогда посмотрим, кто круче.

Меч на реплику не отреагировал, и оруженосец ангельского меча задумчиво потер щеку. Место прикосновения странного железа к коже было теплым. Никакого обморожения, онемения, ожога. Мозг только хранил боль от холодного касания, но эта память была

краткосрочна и, если об этом не думать, то скоро все забудется.

Евгений вышел из переулочка и побрел к ближайшему киоску с водой. Пол-литра талой воды с горного ледника осушил одним залпом, ощущая, как с каждым глотком в тело вливается жизнь. Даже духота отступила. Полегчало.

Выбросил пустую бутылку в урну на остановке и, не задумываясь, сел в приближающийся к остановке троллейбус. Интуиция? Доверие внутренним ощущениям? Что вообще должно было произойти — не знал. Просто должно было быть хоть что-то, что приведет его к ангелу. И точка.

Жека не смотрел на маршрут. Свободные места почти пустого салона его тоже не интересовали. Он просто встал сзади и облокотился на поручни, глядя в окно на проплывающие улицы. Скучающая кондукторша средних лет, мельком глянув на вошедшего, не стала к нему спешить. Она о чем-то беседовала с водителем, начисто игнорируя табличку "Водителя не отвлекать", висящую прямо над ней.

Людские ручейки текли вдоль улиц, то сливаясь в речки, то распадаясь на рукава. Над головами людей проносились небольшие тучки; серые, черные, они тянулись шлейфами... Евгений кашлянул и поморгал, зачем-то потер стекло, всматриваясь выпученными от удивления глазами. Обрамляющая людей цветастость никуда не исчезла. Разноцветные всполохи замаячили вокруг каждого, встречаясь, переплетаясь, разрываясь. Они словно взаимодействовали, проверяя настроение друг друга. Странный симбиоз.

А вот тучки над головами старались не соприкоснуться. Белые, серые, они были индивидуально приклеены к людям. Встречались и черные. Эдакие небольшие смерчки, воронки, нити. Один раз даже мелькнула довольно крупная воронка. Страшная, вызывающая неприятные ощущения.

Оруженосец меча ангела, прикусив щеку, повернулся к салону. К людям в нем. Сердце снова застучало часто. Крупная, полная женщина, занявшая полтора места на ближайшем сиденье, пылала фиолетовым, в районе головы периодически проплывали желтые всполохи. Евгений присмотрелся и увидел чуть ниже живота алый цвет. Он тянулся от печени... Болеет?

Евгений резко отвернулся, стараясь отдышаться и прийти в себя. Спиной ощутил взгляд той женщины. Почему-то понял, что она недовольна его внешним видом. Взгляд словно колот спину. Он ощутил это лопатками, как если бы она действительно подошла и кольнула. Даже повернулся, не веря. Но женщина продолжала сидеть на месте. Ее взгляд стал не таким пристальным. Возникли какие-то ощущения в левом плече. Легкие толчки. Тонкая ниточка протянулась от женщины до его плеча. Жека даже невольно встряхнулся, стараясь скинуть эту нить. Но она не подалась. Тогда он представил, как вырывает ее и отшвыривает. Женщина на сиденье невольно ойкнула и схватилась на правый бок. Алый цвет в том районе стал еще краснее.

Да что же это?

Слотнув, оруженосец перевел взгляд дальше вглубь салона. Там представитель секты Иеговы в строгой рубашечке с жилеткой и табличкой на груди "Старейшина Хасон" о чем-то вполголоса беседовал со смуглой цыганкой. Цыганка смеялась над ним, обнажая передний золотой зуб из-под губы. "Иеговатый" не обращал внимания на издевки и продолжал неспешно подбирать слова, открывая ее как хитрый замок. Видимо, новенький в своем деле — обращается не к тем, кому надо.

Типичная картина, виденная десятки раз в году, но теперь Евгений отчетливо

рассмотрел сонное, эфемерное существо за плечами "старейшины". Это гадское, уродливое создание с округлым телом без ног и тонкими ручками висело над сектантом. Белые костлявые пальцы изредка дергали юного старейшину за ухо и прядь русых волос.

Омерзительное, покрытое редкими волосами бледное существо с большим ртом. Евгения едва не вывернуло наизнанку, когда оно наклонилось вперед и присосалось к уху паренька. Когда существо чуть отстранилось, Мирянов заметил, как оно довольно облизнулось длинным, синим языком и сыто рыгнуло. Нажралось.

Троллейбус остановился у очередной остановки, и оруженосец выскочил на улицу, сдерживая позывы к рвоте. Что-то крикнула вдогонку кондукторша, но, увидев, что выскочивший пассажир облокотился на остановку и низко опустил голову, замолчала. Может, с сердцем плохо? С кем не случается?

Оруженосец замедлил дыхание, стараясь дышать так глубоко, насколько возможно. В армии водителем служил, случалось и "груз двести" возить и то так не тошнило, но это зрелище почему-то всколыхнуло желудок. Или на психику надавили события последних нескольких минут?

На плечо легла рука, тихий голос с легким акцентом заботливо спросил:

— Сэр, вам плохо?

По телу пробежала дрожь. Еще не успев обернуться, понял, что это он — старейшина Хасон. И за плечом у него ЭТО.

Приложив руку ко рту, проигнорировал вопрос и представил огромную, крепкую стену между собой и тем, кто за спиной, Евгений повернулся. Образ получился неожиданным, резким, но рука с плеча убралась. Сектант даже сделал шаг назад.

— А вы верите в Бога? — Все же спросил он.

Жека последний раз глубоко вздохнул и резко повернулся, делая грозное, по возможности страшное лицо:

— В Бога? Мой Бог — Сатана! А твой?

Стоящая рядом старушка сплюнула, перекрестилась. Представитель Иеговы на земле побелел лицом. Каменно-спокойные холодные глаза забегали. И хоть существо на плече требовательно потянуло руки к интересному собеседнику, возможно со схожими ему мыслями, над старейшиной все же возобладал инстинкт самосохранения, и он запрыгнул в уходящий с остановки автобус.

Евгений помахал вслед, победно скалясь и шепча сквозь зубы:

— Нет уж, сукин ты сын. Настоящий сатанист только ты. Мне больше ангелы по душе. У меня и справка есть, — добавил он и погладил рукоять меча.

Чтобы отдохнуть после череды событий, Евгений присел на скамеечку рядом с молодой мамашкой и ее ребенком. Девочка лет четырех прыгала возле мамы, рассказывая что-то интересное. Так весело, открыто смеялась. Мама улыбалась и просила продолжения историй. Евгений не особо вслушивался в разговор, но приятная, светлая аура обеих обволакивала, давала сил. Просто сидеть рядом и то уже было хорошо по ощущениями. Они обе словно освещали остановку, заряжая чем-то положительным. Светлые, чистые. Редкие белые капли в сером водовороте мегаполиса.

С визгом, подрезая автобус, подскочила маршрутка. Помятый народ, недовольно бурча, высыпал из салона. Мама поднялась и взяла девочку за руку. Видимо ждали именно этот маршрут.

Евгений ощутил, как с их уходом уходит тепло, и остановка снова погружается в

серость. Это было как потеря чего-то ценного, дорогого. Того, что дороже денег. Он даже присмотрелся. Над маршруткой клубилась темная туча. Общее недовольство пассажиров ездой водителя множилось. И туча из серой становилась черной, росла в размерах прямо на глазах.

Не особо осознавая себя, Евгений подскочил и добежал до женщины с ребенком. Мягко, но в то же время настойчиво, взял за плечо и развернул. Все еще не контролируя себя, доверяя нахлынувшим внутренним ощущениям, сбивчиво проговорил:

— Женщина, прошу вас, не садитесь в эту маршрутку. Ради себя и ребенка. Поверьте мне, нельзя, — сказал и впал в ступор, не зная, чем аргументировать.

Женщина опешила, смотрела непонимающими глазами. Спешащие люди оттеснили их от выхода из маршрутки. Пассажиры набились в салон до упора, дверь едва смогла закрыться. Маршрутка рванула с места так резко, словно водила участвовал в гонках на выживание, и каждая лишняя секунда высасывала из него душу.

— Вы... что вы... — очнулась женщина.

— Я... я не знаю, — честно ответил Евгений. — Простите.

Помолчали несколько секунд. Жека, покраснев, как школьник, первый раз поцеловавший девушку, отвернулся и быстро побрел прочь, спиной ощущая растерянный взгляд женщины. Недоумевающий взгляд заставлял спину зудеть, чесаться. Хотелось резко свернуть за угол, исчезнуть. Да хоть сквозь землю провалиться, лишь бы избавиться от этого укоряющего, требующего объяснений взгляда.

Чувство стыда заполнило до ушей. Своему поступку оруженосец не находил логического объяснения. Раньше никогда ничего подобного себе не позволял. Интуиция? А что это?

А тут, на тебе, — так пролетел...

— Мама, дядя хороший, — произнесла девочка, дергая маму за руку, чтобы привлечь внимание.

— Да? Но мы же свой автобус пропустили. Опоздаем теперь.

Скрипучий визг шин, звук тяжелого, таранного удара и выбитого стекла мигом прервал внимание. Маршрутка, спеша вклиниться в поток автомобилей, нашла водителя, который торопился еще больше и не уступил. Легковой автомобиль на приличной скорости протаранил "Газель" со стороны водителя. Тут же в легковушку сзади врезался грузовик, сплющивая железную коробку в бесформенную кучу.

Авария за какие-то секунды унесла шесть жизней. Двое умрут по пути в больницу. Переломы и ушибы не в счет...

Евгений этого уже не видел. Он нырнул в метро, стора от стыда за непонятный самого поступок. Звук шин не коснулся его уха. И об аварии он так и не узнает, пропустив выпуски новостей и газетные заголовки. Только побелевшая лицом женщина на остановке, не один десяток раз благословит его и, прижавшись к дочери, тихо заплачет.

Позже всю жизнь обе будут помнить этот момент как явление ангела. Нелепого, испуганного, в старом плаще, но все-таки ангела в лице смущенного парня.

Ангел-Хранитель. Кто же еще?..

А Евгений продолжил корить себя, спустившись в метро.

Стыд! Позор! Какой же все-таки позор!

Жека переминался с ноги на ногу, погруженный в событие последних десяти минут. Человек ждал, пока эскалатор спустит его в подземку. Щеки все еще горели, сердце быстро

гоняло по жилам кровь. Надо же так опозориться перед людьми со своими липовыми прозрениями!

Двигаться, однако, расхотелось. Поток людей с разноцветными пятнами над головами утомил. В виски стучало, словно маленький гномик пытался выбраться наружу и усердно работал долотом по черепу. Как-то само собой получилось, что Евгений заставил глаза перестать видеть человеческие ауры. Просто отключил это восприятие потому, что в каше этого большого человеческого эгрегора отдельной единицей быть неприятно.

Потоки энергий и аур сминали, задевали, норовили втянуть во взаимодействие, откусить от него кусок, дать свой, запачкать, пихнуть, облить грязью. Светлых душ было мало. Серые будни и серые люди перемалывали их, как жернова муку. Попасть в эту мясорубку желания не было. Тем более Евгений давно осознал, что единица общества светлее самого общества в целом. Во всяком случае, большинство людей светлее. Но почему же коллектив как таковой настолько сер и "запылен"? Что-то действует на него? Демоны? Они обязательно есть, раз существуют ангелы... его любимый ангел.

Эти мысли уносили из тела, выбрасывали дух, или выкидывали саму душу. Он не знал как это назвать. На секунды ощущал себя вернувшимся обратно, корректировал действие тела и вновь погружался в зыбкое море мыслей и витал сознанием вне тела. Тело на одних рефлексах дождалось конца эскалатора, отвоевало себе место у стеночки и принялось ожидать. Наверное, если сесть, опустив голову, то пройдут часы в раздумьях, а он, Жека, этого и не заметит. А если положить рядом с телом шляпку, в нее начнут кидать монетки. И сколько накопится через час — неизвестно. Попрошайкой можно стать, просто задумавшись.

Двое в полицейской форме встали рядом. Евгений невольно пощупал рукой меч под полами плаща. Не лучшей мыслью было спускаться в подземку с холодным оружием. Конфискация со штрафом в лучшем случае. Но он не может позволить себе терять последнюю связующую с любимым ангелом нить. Ни за что! И если эти двое попробуют, да хотя бы просто попытаются отобрать у него небесный артефакт, придется вспоминать армейские тренировки морпеха. "Черный берет" — черный берет навсегда!

Двое, переговариваясь, разом повернулись к нему, как будто услышали мысли. Или почуяли запах страха, что за секунды завладел человеком. Краска отхлынула от лица Мирянова. И бледность эта, как показалось самому человек, сказала за него все. Пропал самоконтроль, сбилось дыхание. Разве что в обморок оставалось упасть, но держался.

— Эй, парень! Не знаешь, как "Зенит" с "Рубином" сыграли? — спросил один из полицейских.

Евгений не сразу расслышал вопрос. Показалось, что слух подвел. А когда понял, что спросили, брякнул первое, что пришло в голову. Просто потому, что надо было ответить хоть что-то иначе... иначе... А что иначе?

— Ничья.

— А счет какой?

Жека плюнул в сердцах, едва не выругавшись вслух. Но начал лгать, так ври до конца или не стоило и начинать вовсе.

— По одному, — выдавил из себя ангельский меченосец Евгений Мирянов.

"Господи, кому я вру? Я и футбол-то смотрел последний раз года три назад", — мелькнуло в голове.

Евгений был из тех мужчин, кому футбольные, хоккейные, баскетбольные и прочие

спортивные трения были до лампочки. Как региональные, так и международные. Болеть за кого-то он не любил и предпочитал быть здоровым.

Полицейский кивнул, видимо, посчитав гамму чувств, мигом отразившуюся на лице парня в плаще, как результат проигрыша на тотализаторе. На ничью ставят редко, чаще на фаворитов. Так букмекерские конторы и наживаются. Спорт непредсказуем. Сотни факторов.

Справа от Евгения раздвинулись двери подкативших вагончиков. На автомате шагнул. Следом полицейские. Евгений на негнущихся ногах пробрался к окну, взялся за поручень, затылком ощущая их взгляды.

Точно, смотрят только на него. Надо выходить, мелькнула мысль. Немедленно. На следующей же станции. Едва они узнают, как реально сыграли футбольный матч команды, к нему будут вопросы. Много вопросов. Странно, что еще документы не попросили. Ведь он, как назло, когда ринулся в погоню за ангелом, ни о каких документах и не думал.

Разве нужны документы, чтобы найти ангела?

За раздумьями проехал следующую станцию. Выходить сразу — тоже прокол. Будет смотреться подозрительно. Пойдут же следом и отберут меч!

Толпа прижала к окну, ближе к полицейским. Евгений почти ощущал их дыхание, чувствуя, как волосы на голове приподнимаются. Паника возобладала над разумом. Еще парень в шарфике "Зенита" прижался плечом. Улыбка до ушей. Даже посчитал своим долгом сообщить:

— Зенит — чемпион!

Сердце как-то непривычно ударило в грудь. Буквально ощутил, как спрашивающий его на станции полицейский начинает придвигаться, расталкивая толпу.

— Выиграли что ли? — спросил кто-то парня в шарфике.

— Нет.

Сердце снова треснуло в грудь так, что будь Евгений постарше, посчитал бы это инфарктом или инсультом. Пора уже начинать разбираться в этих понятиях. Возраст двадцать семь — не шутки.

— Так что же, проиграли? — спросил чей-то старый голос рядом.

— Что ты, отец? — и чуть помедлив, фанат добавил: — Ничьей разошлись. По мячу забили. Но "Зенит" все равно — чемпион!

Евгений явственно ощутил, как камень падает с плеч. Воздух шумно покинул легкие. Угадал, черт бы его побрал! Угадал!

Полицейский, хмыкнув, застыл у стеночки.

Евгений вышел из вагончика и побрел к эскалатору. Прочь, прочь из подземки! На воздух, на свет!

На этом везение кончилось. Бритая братва спешила толпой в подземку, усиленно задевая всех локтями. Арийцем был встречный или нет, не имело значения. Молодежи просто хотелось потасовки, драки. А найти в любом человеке различие с "истинными арийцами" проблем не составляло.

Евгений приготовился бить первым. Бить жоака, кого же еще? И лучше скинуть плащ так, чтобы не звякнул меч. Ощувив что-то неприятное, какое-то напряжение в теле, он все-таки не сменил направление, пошел прямо на галдящую толпу... и Евгения не тронули. В толпе даже чуть разомкнули строй, пропуская его. Жека в растерянности остановился следом за толпой, и некоторое время смотрел вслед скинам, включив свое новое "зрение".

Судя по ощущениям, явно нарывались на драку.

— М-да, — протянул он, больше не наблюдая над удаляющейся группой аур такого цвета, чтобы всякие сомнения отпали — в ближайшее время будет драка. Он просто прошел рядом, а успокоил целую толпу.

Это меч, вне сомнений!

Разум и новые ощущения вступили в конфликт. Вроде бы группа. Большая группа. Подвыпившие, с лидером, заводилой, все атрибуты на лицо. По поясам наверняка висят цепи, ножи, кастеты. А вот новое зрение сказало — нет! Не будет сегодня драк. Если только ты сам своим страхом не спровоцируешь драку. Ведь уже готов был бить в морду, и получать в ответ, готов был слышать хруст ребер. Больничная палата, капельница. Осудил людей еще до момента столкновения, почти притянул к себе событие. Так чего удивляться последствиям?

Евгений быстро пришел к выводу, что стоит поблуждать с мечом и новыми странными ощущениями по городу еще пару часов и придется становиться на учет к психиатру. Пора домой. Хватит уже приключений. Мозг перегружен новой информацией. Надо переварить или действительно заклинит — и привет, "дурка"!

Человек свернул в переулок, спасаясь от поднявшегося ветра. Ноги продолжали брести, не спрашивая разрешения. Так теплее, а стоит остановиться, как в подземке, и разомлеешь, в сон потянет. А если еще и перекусить, то вообще уснуть можно. Сколько ночей не спал? И снова вечер наползает, биоритмы берут свое. Немудрено уснуть.

Когда вынырнул из мыслей, глазам предстала такая картина: небольшой скверик, двое высоких мужчин застыли друг напротив друга. Застыли странно. Ни движения, ни разговора. Кажется, что почти не дышат, руки опущены, ветер треплет темные куртки. Может, и говорят о чем-то, но не слышно ни звука. Один почти лысый, второй с длинными, черными патлами. Засаленными, давно немывтыми. На подошедшего Евгения внимания не больше, чем на соседние скамейки.

— У меня к тебе претензии, — расслышал Евгений первые слова лысого.

— Интересно послушать, — буркнул чернявый, не двигаясь.

Жека весь превратился в слух.

— Попытка убийства роженицы на десятом месяце беременности. Очевидно, что это был твой ребенок, инкуб. Человеческое дитя созревает быстрее.

— Попытка не в счет, инквизитор. К тому же плод все равно погиб. Это все?

— Ты бы довел дело до конца, если бы не вмешательство группы "АиД".

— Посланник тени — пародия на вашу хваленую справедливость. Ты больше не смеешь меня задерживать, инквизитор. Не в праве, — чернявый повернулся спиной к собеседнику и быстро побрел прочь.

— За долгую службу... — крикнул вслед лысый, — ... у меня есть кое-какой запас прочности. Возможности для ошибок, — инквизитор расстегнул куртку, и в обеих руках появились небольшие черные клинки с малой гардой и чуть изогнутыми лезвиями, заточенными только с одной стороны.

Клиники удобно легли в ладони обратным хватом. Инквизитор в три прыжка догнал инкуба и воткнул в тело лезвия, наискось вспарывая спину и легкие.

— Или просто считай, что я работаю сверхурочно, — пробормотал инквизитор и вонзил снова... и снова...

Жека открыл рот. Человек на асфальтированной дорожке извивался под ударами, но не

кричал. То ли кровь в легких мешала, то ли в состоянии шока не чувствовал боли. Но на третьей атаке, когда лысый вновь вытащил клинки и вонзил в плоть, тело убитого стало меняться. Меченосец ощутил явственное давление на голову. Резко, неожиданно и неотвратно.

Клочки одежды павшего под ударами мечей полетели во все стороны. В небо взвился огонь, и из тела человека появилось крылатое, извивающееся змеей тело странного существа. Было оно метра под два с половиной. Израненное, истекающее черной жидкостью, лишь отдаленно похожей на кровь. Кровь его не выделяла пар, но дымилась, словно горела!

Вдоль сквера прошла группа людей, обойдя побоище по странной траектории. Они вроде бы и не видели ни существа, ни инквизитора. Лысый на них тоже внимания не обращал. На фоне этого Евгений сам приготовился к драке, обнажив меч, но так, что его не видели со стороны. Приготовился помочь инквизитору добить монстра в случае чего.

Израненное существо принялось кричать. Нет, это был не визг, не вопль, не рев. Этот звук было сложно описать. Словно крик неведомого существа. Если раньше Жека считал таковыми и инкубов, то теперь сравнения срочно приходилось менять. Баньши! Скорбный крик духов смерти, вгоняющий в тоску и уныние все живое. Вот что это было. Вдобавок к обреченности и какой-то дикой безнадеге существа.

Группа проходящих мимо людей просто попадала. Их словно отключило, как роботов, у которых сели аккумуляторы. Раз — кто-то нажал на тумблер или вытащил из розетки. Лица побледнели.

Мирянов и сам ощутил, что едва стоит на ногах. Измученное за день сердце стало тревожно ныть и скулить, как побитый пес. Во рту ощутил металлический привкус, словно лизнул меч. Не меч ангела, а простой, железный. Приблизив руку ко рту, ощутил багровые ручейки. Они стекали по губам и медленно катились по подбородку.

Что за черт?

Сплюнув кровь, Евгений заставил себя сделать шаг к инкубу. Там инквизитор вновь прыгнул на демона, и клинки разрезали воздух. Металлический звук ударил по барабанным перепонкам, и Евгений подумал, что так звучит сама смерть.

Демоноподобное существо протянуло руку и завалилось на бок. Инквизитор на этом не успокоился и еще несколько раз пронзил клинком красноватую вздрагивающую плоть. Затем лысый палач остановился и рукавом смахнул пот со лба. Клинки он бросил на асфальт.

Евгений отчетливо увидел, как странные лезвия проткнули асфальт и вошли почти на четверть. При желании, наверное, могли и камень резать, как бумагу.

Монстроборец достал из-за пазухи какой-то бутыль, полил на руки, на рукоять и лезвия. Остатки плеснул на инкуба. Тело заколотого существа взялось пламенем. Жар пошел такой, что тепло ощутил и стоящий поодаль Жека. Как у пионерского костра в летнем лагере в детстве.

Инквизитор чуть постоял у сотворенного костра, затем подхватил клинки, вытащив из асфальта, и засунул за пазуху, застегнув плотно куртку. Осматриваясь, лысый монстроборец задержал взгляд на Евгении. Мирянов не мог не привлечь внимания, все еще готовый оказать помощь.

— Давно? — был его вопрос.

— Что? — глупо удивился Евгений.

— В дурачка со мной не играй. Инициирован давно? Кто проводил инициацию?

— Инициирован? — Евгений едва смог выговорить с первого раза новое для себя слово.

Еще кровь во рту мешала. Откуда интересно? Щеку прокусил? — Я не понимаю о чем ты, но день сегодня такой, что приму все.

Инквизитор поднял бровь, кивнул.

— Странный ты "дракон". Сильный и странный. Но у меня нет к тебе претензий, иди.

— Дракон? — переспросил Жека. — Почему ты назвал меня драконом?

— Потому что ты — дракон.

— Что это значит?

— Спроси у учителя, — инквизитор повернулся и зашагал прочь.

— Учителя? Но где мне его взять?

— Где найдешь. Кто-то же тебя инициировал, — удаляясь, бросил через плечо монстроборец, не удостоив его и меч и каплей внимания.

Жека усмехнулся. Ну да, все же в мире просто. Сказали, ищи — ищи. Может и найдешь.

— Как зовут-то тебя, лысый боец? — крикнул напоследок новоявленный дракон.

— Фагор, — донеслось от инквизитора. — И я не боец! Я — инквизитор!

Евгению защипало глаза. Заморгал. Когда открыл, инквизитора уже не было. Только тлеющий костер, пепел которого жадно подхватывал ветер, и трое мужиков, приходящих в себя чуть поодаль. Они походили на пьяных, но пьяными не были. Объяснить себе и друг другу, отчего потеряли сознание, были не в силах. Просто поднялись, браня на чем свет стоит экологию, и побрели вслед за инквизитором. В том же направлении.

Жека стер последнюю кровь с губ и твердо решил идти домой.

Все, отдых. Отдых, пока еще помнит свое имя. Ведь каждое новое событие может все изменить...

Каждое. Лучше не рисковать.

Сон, сон! Теперь только долгий беспробудный сон, пока в голове чего-нибудь не заклинило...

— Он ушел?

Евгений обернулся со странным чувством усталой обреченности и предчувствием новой порции адреналина.

Появилось понимание, что приключения не закончились. Спина покрылась потом, руки похолодели. Страх почти заставил повернуться. Перед ним стояла молодая девушка с большими карими глазами, вьющимися черными волосами до плеч. Длинные ресницы, черный макияж у глаз сглаживала лиловая помада. Короткая юбка поверх утепленных лиловых колготок, легкая куртка и, что особенно странно для молодой девушки, никакой сумочки через плечо да еще ботинки на высокой платформе. Смахивают на военные.

Девушке лет восемнадцать. Похожа на готку, эмо и жрицу любви разом. Мегаполис горазд на причуды. В человеке столько масок помещается. Надевай любую и носи. Себя только не показывай. Показать себя настоящего — проявить слабость.

— К тебе он тоже имеет претензии? — спокойно спросил Жека, продолжая сканировать незнакомку.

Ее пристальный взгляд мужчину не смущал. Она также кропотливо рассматривала собеседника, отмечая каждую деталь. Особенно пристально смотрела на плащ, туда, где под мышкой покоились ножны с мечом.

— Вроде, нет, но кто знает этих инквизиторов? Лучше перестраховаться. А то у меня от него мурашки по коже. На восток махнуть, что ли? Там инквизиторов прищучивают. А то у нас совсем уже какой-то запад стал. Костры посреди городов жгут. Совсем страх потеряли.

Евгений осторожно спросил, боясь ляпнуть что-то не то. Незнакомка могла обидеться и просто уйти. И тогда снова останется со своими вопросами один на один. А вопросов слишком много, чтобы разум мог выдержать все.

— Кто ты?

— Ты как будто не видишь, — усмехнулась она.

Жека вздохнул, подбирая слова. Наконец нашел. Холодный порыв ветра подхватил их и доставил по назначению.

— Имя-то назвать можешь?

Девушка пожала плечами.

— Почему нет? Карина.

— А я Евгений, — меченосец осторожно, боясь оборвать новую тонкую нить разговора, потянул за нее. — Ты тоже его видела? Можешь ответить на несколько вопросов?

— Это требует времени, — Карина подошла вплотную, положив руки на плечи, затем обхватила шею и приблизилась почти к самым губам, шепнув. — А я голодна. А когда я голодна, вопрос времени дорог.

— Давай посидим в кафешке, — предложил остолбеневший Евгений, припоминая, хватит ли содержимого исхудавшего кошелька для того, чтобы ее чуть прикормить.

В последнее время с деньгами было туго.

— Хи-хи. А ты смешной, дракон, — засмеялась она и, приблизившись, шепнула на самое ухо. — Я не так голодна.

— Почему ты тоже называешь меня драконом? — последнее высказывание Жека пропустил мимо ушей.

— О, зеленый совсем, — подметила новая знакомая, чуть отодвинувшись и разглядывая его более пристально.

Жека замолчал, ожидая продолжения. Спрашивать что-то еще, пока не ответила хоть на это, бессмысленно. А задавать десять вопросов, получая ответ только на один не для него.

— Ты быстро развиваешься, дракон, — вновь заметила она. — Давно получил инициацию?

"Что, черт побери, она имеет виду? Какая такая инициация? И почему снова дракон?" — едва не сорвалось с уст, но тут Евгений припомнил странную выходку меча намереди.

— Сегодня.

— Сегодня? — ее зрачки на миг расширились. Такое подделать невозможно владей ты своими эмоциями хоть на все сто. — Не может быть! Ты бы не смог так быстро раскрыться. Требуются месяцы, порой годы. Не разыгрывай меня.

— Я и не разыгрываю, — спокойно ответил Жека, не особо собираясь что-то доказывать.

— Тогда кто помог тебе раскрыться? Кто дал силу так быстро созреть?

Мирянов развязал плащ, осторожно показывая рукоять меча. Ни на что, особо не надеясь, кивнул на него.

— Он.

Тут же завязал плащ. Мало ли что за дива эта Карина. К ней присматривается сам инквизитор. Одного из своих наблюдаемых Фагор минутами ранее разобрал на запчасти, сжег и развеял на ветру. И не сказать, что он, Евгений, не рад, что такой монстр упокоился где-то в другом месте, перестав шагать по родному миру.

Чисто по-человечески вполне согласен, что ТАКОЕ существо бродить по оживленным улицам не должно. Если и Карина из таких, то с радостью сбегал бы за инквизитором снова, притащив ему столько бензина, сколько надо... Или в бутылке у него был совсем не бензин?

— Могучий арт! — взвизгнула Карина и чуть отошла. — Но неживое не может дать силу, если ты сам не возьмешь.

— Тем не менее, дал, как видишь.

— Возможно, он просто отразил твою же энергию в тебя. Выходит... — Карина запнулась, всматриваясь в глаза, — ...нет, такого просто не может быть.

— Договаривай, — в тоне Евгения появились повелительные нотки.

Вечер сгустил сумерки, на город напознала ночь. Дива, переводя взгляд с плаща на строгие, уставшие глаза Евгения и обратно, все же договорила:

— Ты первый из тех, кого я знаю, кто сам себя инициировал.

Жека задумался, припоминая слова Фагора.

— Это значит, что у меня не будет учителя?

— А, — отмахнулась Карина, — не переживай. Его почти ни у кого нет. Так, временные наставники, сами понимающие не больше учеников. Сам будешь развиваться, как и все мы. Таков уж наш Энроф. Мир, где все через одно место. Но мы живем как-то.

— Мы? — переспросил Жека, ощущая, что невольно вливается, а то и вляпывается во что-то, выходящее за рамки человеческой обычности. Не та толпа идиотов по телевизору, устраивающих показательные паранормальные шоу, и не десятки тысяч бабок-шептуний по объявлениям, но настоящая "необычность".

Мистика!

— Дракон, ты начинаешь мне надоедать. Покормишь или я пошла? — потеряла терпение Карина.

— Хорошо, что я должен сделать?

— Позволить... поесть тебя...

— Чего?! — опешил Мирянов.

Как-то слабо представлялась, что вампиресса возьмет и укусит, а то и кровь начнет пить.

— Ну, это не значит, что я достану вилку с ножом и начну резать тебя, откусывая по кусочку. Ты же дракон. У тебя полно энергии. Можешь и поделиться. А мне не придется собирать по крохам с каждого человека. Это ж снова скитаться по городу весь день, а толку-то... А много есть с каждого нельзя — либо умрут, либо законы накажут за переедание.

— Ты... Ты вампир?

— Какой вампир? Я же девочка... Вампиресса, — поправила Карина и, улыбнувшись лучезарной улыбкой, добавила. — Эй, да не делай ты такие круглые глаза. У каждого свой Путь. Мне вот такой попался. Думаешь, я не прочь быть драконом? Это ж кайф вырабатывать кучу собственной энергии, копить, копить, а потом как бахнуть сгоряча — и полгорода как не бывало.

Жека осмотрелся в поисках лавочки и свалился на нее кулем. Силы исчерпались. Приключений на день было более чем достаточно.

— Не, ну все может быть не так уж и плохо, — поспешно добавила Карина. — Ты же еще не определился, какой ты дракон: черный, красный, белый или... золотой?

Мирянов ощутил, как мозги начинает клинить, и поспешно спросил:

— А с чего ты взяла, что я вообще дракон?

Вампиресса села рядом, смирившись с тем, что на какие-то вопросы новичка ей все же придется ответить.

— Путь выбирал?

— Чего?

— Веер возможностей... Слышал о таком?

— Что это?

— М-да, сложновато будет, — Карина подвинулась, прижимаясь к плечу как девушка или лучшая подруга. — В общем, ты дракон. Это точно. Какой — со временем поймешь сам.

— Докажи, — буркнул Жека.

— Да без проблем. Сколько ты не спал?

— Ну... ночи три...

— И это свойственно тебе, да? А ел когда в последний раз?

Евгений вдруг понял, что о еде не думал дня два. Совсем. Пил только воду. Да и вообще последние месяцы питается от случая к случаю. И то лишь потому, что так принято социумом.

Принято на автомате завтракать, обедать, ужинать, перекусывать и постоянно что-то перерабатывать. Человек вроде как биохимическая фабрика всяких процессов, которую порой замыкает, и болезни валяются пачками. От неправильного питания? Или его переизбытка? Или плохой экологии? Но форма-то поддерживалась. И вправду — откуда что бралось?

Жека поднялся и побрел прочь из странного сквера. Вперед, на ближайшую станцию метро и домой.

— Эй, а я? — догнал вопрос чернявой девушки.

— А ты точно не выпьешь мою кровь? — обернулся усталый дракон.

— Я энергетический вампир! Пусть и со стажем. Человеческую кровь пила только однажды... И то из обороны! Да и... глупая была, — призналась Карина.

— Вампиры, кровь, драконы... А так все хорошо начиналось — с ангела, — вздохнул Жека.

— Чего? — Не расслышала Карина.

— Да я так. Мысли вслух.

Какой странный долгий сон, все больше похожий то ли на популярное фентези, то ли на осточертевшие ужасы.

"Ладно, вампир — так вампир. По крайней мере, она на вопросы отвечает. А их будет много", — решил Евгений.

— Надеюсь, все будет хорошо? — уточнил Жека у новой знакомой.

— Боже упаси злить дракона, — честно призналась Карина, догоняя.

— Тогда мы поступим так. Едем ко мне домой. Я ложусь в теплую, уютную кровать и можешь пить меня. Надеюсь, выживу?

— Да в тебе и сейчас, истощенном, энергии больше, чем я могу взять, в три раза. Ты же дивизию вампиров можешь кормить, если выспишься, — уверила девушка.

— Дивизию? Дивизию — это хорошо, но на фиг нам столько вампиров? — зевнул Жека. — Рисковать не будем. Давай я лучше дома отключусь, когда ты забереешь мою энергию. Здесь не особо интересно валиться в обморок. Это ничего, что у меня дома распытье висит?

Карина прыснула, рука исчезла в куртке, достала крестик. Серебряный. На цепочке. Подмигнула.

— О, современных вампиров ни распяты, ни серебро не берет? Чеснок — моя последняя надежда?

— Никогда не брало. Даже самых слабых. Это людям с аллергией на металлы не везло, — Карина подхватила под руку, и они дальше пошли вместе как простая прогуливающаяся вечером пара. — А чеснок... Тебе приятно, когда на тебя дышат чесночным перегаром?

— Не совсем.

— Вот и нам неприятно. Наше чутье чуть тоньше людского.

— Вы вроде... как и не люди?

— А ты думаешь, что ты типичный человек?

Евгений снова вздохнул:

— Вчера был.

— Да брось, какой из тебя человек? Просто созрел. Но ты странный цветок. Сам себя посадил, сам полил. Того гляди и к Солнцу сам подвинешься? И всех мешающих плечами растолкаешь? Да, цветочек?

Мирянов съежился от нового порыва ветра, зябко передернул плечами.

— Не знаю. Вообще, я мирный. Но солнце бы не помешало. Так что, Карина, если я тебя полью спросонья святой водой, не обидишься?

— Ты что? А если макияж потечет? Я тебе полью!

— А у меня все равно дома не убрано. Можно мусорить. Я бы даже сказал, что можно хоть костер развести, но пока особой нужды не было. Но квартирка у меня так себе.

— Я не привередливая.

— И это говорит мне вампиресса?

— Я вообще-то примерная вампиресса. И эти постулаты про кровь меня уже достали... У меня даже зубы не удлиняются. Хотя я не многим открываюсь. А среди созревших собеседников пока было мало.

— Неразговорчивые? — Подмигнул Жека, обращая серьезный разговор скорее в шутку, чтобы совсем не сойти с ума от всей серьезности вопросов.

— У каждого свои заботы, свои проблемы. Все плутают одиночками, соблюдая только свои интересы. Этот мир переходный, чего к кому-то привязываться-то? — сказала, как само собой разумеющееся, Карина.

Жека примолк, обдумывая. Так добрались до метро, влились в человеческую массу (часпик), и подземка помчала их на другой конец города.

"О чем я вообще думаю, — рассуждал Мирянов. — Помчался искать ангела, а веду домой вампира. Это немного не то, что хотел. Или в жизни не получается так, как хочешь? Или не так хотел? Правильно, надо правильно хотеть и все получится. Дракон я или не дракон? Надеюсь, она не станет кормить меня сырым мясом? Или что там едят драконы? Но, что более интересно, что едят вампиры? Пусть даже энергетические. Надо будет по пути зайти в магазин. Думаю, от вина лучше отказаться. Мало ли, вдруг клыки как полезут!"

— О чем задумался? — прервала ход мыслей Карина.

— О Дракуле, — почему-то ответил Евгений.

— Влад Цепеш пил кровь турок, считая, что получает их силу. Ни капли сомнения и никакого несварения желудка. Забавно, да?

— Так он получал? Ну... эту силу, — уточнил дракон.

Карина приблизилась, понизив голос. Взгляд стал серьезным, спокойным.

— Конечно. Все-таки жизненная сила, носитель чистой энергии. Инквизиция первое время даже оправдывала его действия как защитника страны, христианской веры. Но вопрос же весь в том, может существо перерабатывать эту кровь без вреда для себя или нет. Цепеш мог.

— А что с ним случилось потом?

— А потом он перешел грань и обманул истинных инквизиторов, подставив вместо себя кадавра.

— Кадавра? Это типа обманки? Пустышки?

Вампиресса задумалась. Жека сказал бы, что вытаскивает что-то из глубин памяти. Или закрывает дверь, прячет что-то поглубже. Ящик Пандоры, а не девчонка. И какая у этой девчонки может быть глубинная память-то? По виду — абитуриентка. Студентка, в крайнем случае. Такая и мухи не обидит. Куда ей о вампирах рассуждать?

— Да, что-то вроде, — наконец ответила Карина.

— Так он выжил? — Оруженосец сделал скучающее лицо, словно ответ его совсем не интересует. Так, болтовня на сон грядущий. Утром и не вспомнит.

— Конечно. А ты думал, его поймали и казнили? — улыбнулась Карина. — Это же был не первый случай "трагической кончины великого вампира". Недавно вроде как снова убили... Да ладно, через пару лет где-нибудь объявится. Тебя так интересуют вампиры? Зачем? Ты же не один из них... нас. — Вновь поспешно улыбнулась девушка.

— Сухая губка впитывает любую влагу, — пожал плечами Евгений, раздумывая, кому в действительности принадлежат эти слова.

— Яду не напейся только, потом долго перестраиваться.

— Яду?

— Алкоголь, — протянула вампиресса. — Большинство проснувшихся его не воспринимают. Действует как яд на организм.

— Так алкоголь и есть яд... Яд для печени, покой для души.

Карина кивнула на бича, нагло рассеявшегося на двух местах сразу. Вонь шла такая, что даже старушки сидеть рядом не решались. Разве что только люди с насморком, да еще и слепые что б.

— Покой — так покой. Только вот ему подобные могут принимать этот яд годами, а инициированные быстро чахнут. Понял? У нас разный уровень энергий. Вибрации чище. Ну, у большинства проросших, — девушка опустила глаза. — Мне вот приходится все больше с человеческими энергиями работать. И если такого когда выпью, неделю потом отходить буду.

— Вампиры не пьют вина?

— Вино можно. Красное. Я люблю полусухое. Только пробуждает оно глубинное. Настолько глубинное, что лучше не будить. Да и то, что сейчас называют вином, раньше и нищие называли бы мерзостью.

— Раньше? — улыбнулся дракон. — Сколько же тебе лет-то?

— Невежливо задавать девушке такой вопрос, — тут же состроила из себя кокетку вампиресса. — Я еще молодь по нашим меркам. И вообще женщин столько лет, сколько она считает.

— Ладно, пусть этот секрет останется с тобою, — решил Жека.

— Иногда что-то лучше не знать. Поверь мне, — и она подмигнула так, что у Евгения снова невольно зашевелились волосы.

Взгляд этой девчушки был на зависть всем драконам. Евгений вновь передернул плечами.

Они пришли в квартиру Евгения. Хозяин запустил гостью в дом, закрыл дверь, повернулся к вошедшей и ощутил, как перед глазами мельтешит.

— Я уже начала. — Кивнула Карина. — Приляг лучше на кровать. Может отключить.

Евгений кивнул, не разуваясь прошел до кровати и свалился в беспробудный сон. Его просто выключило, как будто кто-то выключил внутренний рубильник.

Девушка постояла перед кроватью некоторое время, словно к чему-то прислушиваясь. Глаза ее совсем не по-вампирски заволкло полной чернотой. Она оскалилась, подошла к Евгению, перевернула его и вытащила за ножны меч. Стараясь не касаться меча, гостья сделала так, чтобы рукоять легла в руку оруженосца.

Затем Карина обхватила пальца Евгения, тот сжал меч. Перед оруженосцем ангела полыхнул небольшой портал. Девушка точно и быстро направил руку человека в него. Меч в руке Евгения пронзил пространство... доставая спину Аргону.

Икзар в теле Карины довольно усмехнулся, закрывая портал и глядя, как ангельский меч с довольным шипением испаряет кровь старшего брата.

— Люди такие наивные... Ни один новообращенный не отличит демона от вампира, — проговорила довольная Карина, вкладывая ножны обратно в меч и начиная избавлять человека от одежды.

Около двух месяцев назад

Трехрогий демон вышел из портала и полной грудью вдохнул воздух нового, неведомого ему мира. Сладкий запах свободы был нежен и неожиданно приятен. Энроф поразил Саркона игрой красок. После черно-алого мертвого пейзажа Антимира лето слепило его зеленью, а полуденное солнце выжигало глаза, которые привыкли смотреть в огонь пламенной реки Сефирота.

Первая командировка Саркона во внешний мир была заслуженной платой за долгое служение семье. И даже сладкий ветер казался демону чем-то приемлемым, без привычного запаха серы. Демон способен дышать практически любой смесью, вот только с непривычки от кислорода немного кружилась голова, пьянило.

От реки донесся гудок. Саркон перепроверил человеческую одежду, весь сжался, ожидая удара. Обернулся, разглядывая белый пароход. Тот неторопливо отчалил от берега и, набирая обороты, начал резать волны. Люди на набережной тоже ненадолго останавливались, разглядывая корабль, и снова спешили по делам, фактически не выпутываясь из клубка вечной суеты. Никаких врагов поблизости. Тихий, спокойный мир, которому природа дарит лето.

Среди людей совсем несложно было найти нового клиента. Жертву, отмеченную своим лагерем. Люди полны пороков и сами себя цепляют на крючок. Придаться не сложно. Все ведутся на провокации. Просто не умеют не отвечать, считая, что жизнь одна и прожить ее надо так, чтобы запомнилась.

Удар!

Удар в голову, по слуху, по всему естеству.

Тело завибрировало, Саркон не сразу сообразил, кто его так достал. Тело охватила слабость.

Удары последовали один за одним!

Но слух не подводил. Демон сообразил, что слышит звон колоколов. Он оказался слишком близко к часовне. Или церкви, храму. Главное, что звенели колокола. Они создавали вибрацию, которая вступала в диссонанс с телом демона. Демона ли, падшего ли. Колокола заставляли себя чувствовать некомфортно большинство нечисти. А вот нежити было все равно, что вокруг звучит. Ее больше беспокоил яркий свет, фатально действующий на мертвеющие ткани.

Чистый колокольный звон сбивал демона с толку. Саркону захотелось броситься подальше, убежать, скрыться. Только бы не чувствовать этих ударов. Но задание никто не отменял, стиснул зубы и держался, терпел, заставляя себя слушать, пропускать эту смертоносную вибрацию через себя. Пропустить и прижиться, привыкнуть. Как к яду в малых количествах, он должен был принять весь этот мир. Со всем его непривычным светом, звучанием и запахами.

Звон через некоторое время затих. Демон, тяжело дыша, облокотился о перила набережной и схватился за голову, стараясь удержать сферу если не полной невидимости, то

хотя бы неприметности. Лучше так, чем одевать проклятое человеческое тело или вселяться подселенцем, как делает нечисть пониже рангом. В любом случае люди не обрадуются, когда рядом свалится на асфальт обессиленный рогатый здоровяк с красной кожей и без одежды.

— Стирай им потом память, бегай за каждым...

Ангел бодро приподнялась со скамейки и медленно подошла к странному демону сбоку. Руки проверили клинки на поясе. Эти были спрятаны под легкой, летней блузкой навыпуск. Люция скрывала от физического мира только крылья и пояс, а длинные, серебряные волосы люди видели как цвет блондинки. Легкая, неполная маскировка, не требующая особых усилий, не отнимала много сил.

Она подошла вплотную. Просто не могла себе позволить явление демона в мир людей. Он же сейчас станет видимым! Суеты потом не оберешься с этими свидетелями, которые разнесут весть за пару дней по всем городам и весям. И, конечно же, газеты раздуют из мухи слона, когда видео попадет в сеть. Паника никому не нужна. Конечно, случайные снимки и возможное видео "эксперты" объявят липой. Есть среди людей структуры, что следят за проколами, замечают следы Лагерей. Но зачем следить, если можно все предотвратить?

— Почему ты не ушел?

Он повернул голову. Глаза его были мутные, растерянные. В них запечатлелась боль. Но лишь на мгновение. Демон быстро собрался и оскалился.

— Не люблю проявлять слабость.

— Всякий демон на твоём месте сбежал бы куда подальше, — продолжила ангел.

— Я не всякий, — буркнул он и отвернулся. — И... сбежать это слишком просто. Не лезь не в свое дело.

— Хм, забавный ты, — Люция встала рядом, смотря на яркое солнце. Чуть прищурилась. Волосы без резинки, свободно спадающие по плечам, трепал ветер. Речной бриз был приятен коже ангела.

Саркон скосил взгляд, наблюдая настоящий цвет локонов ангела. Он ему нравился. Странное ощущение — видеть цвета, которых раньше не видел.

— Забавный?.. Ты первый ангел, который назвал меня забавным... И вообще, первое существо, которое не боится, но и не ненавидит.

Кудрявая небесная дева отвернула лицо, пряча улыбку.

— А ты первый демон, с кем не хочется скрещивать клинки.

— Так любишь сражения? — адский посланник, пользуясь тем, что его перестали рассматривать, сам засмотрелся на ангельские крылья.

— Защищаюсь, — слышалось от ангела.

На автомате спросил, прислушиваясь к внутренним ощущениям:

— Так часто нападают?

— Случается... — Люция повернулась.

— Почему не нападаешь на меня? — спросил в лоб Саркон.

— Ты ослаблен. Драться со слабыми — не мой стиль, — она не отвела взгляд, смотрела пристально. Глаза в глаза. Это зацепило гордость демона. Мало кто мог выдержать взгляд Саркона. Разве что отец и старшие братья.

— Благородная?

Ангел как лимон лизнула, ответила:

— Я? Нет. Только по духу.

Демон ощутил, что потерял контроль надо собой. Рот вдруг открылся, и вылетело:

— Мое имя Саркон.

— Люция, — ответила потрясенная ангел. На ее памяти это был первый демон, который не выкрикивал свое имя победно, обещая что это будет последнее, что она услышит, а говорит его вне боя.

— Почему ты...

— Не знаю, — поспешно ответил демон. — Не отошел от звона, наверное.

Ангел прикрыла глаза, усиливая ощущения. Алая аура демона была блеклой. Набережная, если и давила на него воздействием вблизи стоящего разукрашенного, но почти пустого не намоленного храма, то не сильно. Он был скорее бутафорский. Игра на публику. Как большинство красивых зданий религиозного характера, которые украшали город, но по существу не несли прямой функции работы на религиозный эгрегор, а лишь обозначали веру.

— Не такое уж и святое место, чтобы теряться. Ты же не настолько слабый, Саркон?

Глаза демона на миг полыхнули огнем. Но он первым отвел глаза, выдохнул сквозь стиснутые зубы, рыкнул, стараясь поставить ангела на место:

— У нас нет слабых. Не выживают. Жестокий отбор. Это у вас берегут всех сирых и убогих.

Люция хмыкнула, чуть отстраняясь. Тон демона показался забавным. Слышать иронию от демона ей не доводилось. Ответила, играя на нервах:

— Не знаю, не видела ни одного. Постоянно в командировках, с физического мира не вылезаю. Это у вас, наверное, много времени для отпусков.

— У нас... — демон прервался, схватившись за виски.

Для ангела собеседник тоже перестал быть интересным. Время развлечений прошло. На голову свалился приказ. Прямое поручение. От него всегда невольно морщишься — воспринимается с болью из-за помех внешнего мира. Приятного мало.

Клиент был совсем рядом. Люция повернулась, пробежав быстрым взглядом по прохожим в поисках искомой нити. Серебряная нить, связывающая всех живых с эгрегорами или высшими мирами, струилась из головы каждого. Это как шнур, завершающийся в твоём затылке, но неизвестно где берущий начало. Как первые водолазы вместе со скафандром на глубину тянули шнур с воздухом, так и люди получали вещие сны, озарения, если шнур был достаточно чистым, а иногда просто прямые приказы к действию, если серебряная нить была слишком тонкой и грязной, заземленной человеком, который забыл, зачем родился и предпочитал существовать, а не жить.

Но не людские озарения интересовали ангела Люцию, а только тот факт, что подобный шнур был у каждого живого. И, зная адресат в чуть более высших слоях, спуститься до искомого клиента и найти его в серой массе было не так уж сложно.

Вот он — мальчонка лет шести-семи с длинной прической, улыбкой до ушей, разбитыми коленками и большим, спортивным рюкзаком с роликами внутри.

Пацан катался на асфальтированных площадках, теперь возвращался домой. Светлая, чистая душа. От начальства прямой приказ довести домой в целостности и сохранности, сглаживая все косвенные выпады падких до чистой энергии заземленных эгрегоров.

Угрозы, высасывая энергию, могут проявляться как угодно. От случайного лая собаки, от которого ребенок испугается и в страхе своем потеряет часть энергии, до прямого физического нападения или чего похуже — угрозы жизни. Вот до "похуже" ангелу и нельзя было доводить ситуацию ни в коем случае.

Люция повернулась к демону спиной и, поправив на поясе клинки, пошла за подопечным.

Саркон пошел рядом, поравнявшись плечом к плечу.

— Где же ангел-хранитель мальчика, раз послали тебя, свободную от прямой охраны?

— Во-первых, человеку, начиная с определенного возраста, не нужен защитник ежедневно. Только когда сам позовет или благословят на защиту. А во-вторых, это не мое, и тем более, не твое дело, Саркон. Начальству виднее.

— Ошибаешься...

— Почему же? Полагаешь, там существа глупее нас? Зря... — протянула ангел.

— Ошибаешься насчет того, что не мое дело, — уточнил Саркон. — Я тоже получил задание.

Посланница неба резко остановилась, схватившись за клинки. Лицо посуровело, губы слились в плотную линию, глаза блеснули холодом и силой.

— Только тронь его...

Демон усмехнулся, полыхнув пламенем Геенны в зрачках. Аура на миг обожгла восприятие ангела. Но только на миг. Показал силу... Часть силы.

Демон исчез.

— Не в этот раз, пернатая. Не в этот раз, — услышала ангел откуда-то сбоку.

Люция поспешила за мальчиком, меняя зрение и ощущая, как вокруг его нити начинают сгущаться темные образования. Мальчонка сам стал это ощущать. На пути стали встречаться пьяные, звучал глупый, неадекватный смех, несколько раз мальчишку толкнули без причины. И на голову начало давить, вытесняя мысли, заменяя их иррациональным страхом.

Через полчаса мальчик был сам не свой и не особо задумывался, когда, не доходя до двора, его окликнули в сторону. Позвали в малоллюдный лесок...

Ангел толкалась плечами. Особо настырных, напирających на мальчонку, пинала. Как людей, так и существей. Десятки бесов появились вокруг мальчика и зазывали к новой жертве весь "лихой народ". Привлекали внимание негатива, давая зеленый свет новой травле. Мальчишка испытывал ощущения, сродни тем, которые свойственны психически неустойчивым людям с манией преследования.

Черные сгустки норовили залезть в ауру ребенка, разрывая ее на лохмотья, что в последствии вызовет целую кучу болезней без видимых причин. Откуда-то десятками сыпались проклятья, сглазы. Негатив и самой Люции мешал дышать, обвинял сложенные крылья. Борьба с "мусором" длилась долго. Хуже стало в общественном транспорте, где люди ехали плотным скоплением. Но, выйдя из троллейбуса, ангел не ощутила облегчения. Измотанная затяжным боем с мелкими, но многочисленными врагами, Люция как в тумане видела, что что-то большое и черное берет мальчика и ведет в сторону.

— НЕТ!!!

Бег. Долгий бег. Кто-то словно растянул время. Усталость как смола прилипла к подошвам ботинок и заставляла оставаться на месте. Сущности окружили таким плотным кольцом, что можно было подумать: малец обречен умереть. Слово смерти уже составила смету на день, и любые действия ангела не вписывались в строгий план. И ее спрятали под большой черный колпак, оставив разве что небольшую дырочку для наблюдения. Смотри и только.

Люция почти выпала из физического мира, в астрале стараясь сделать больше для

жертвы — успеть дотянуться до черной руки и остановить нож... Но все стихло, отрезав весь негатив. Стало вдруг легко и приятно. Подул свежий ветер. Кто-то убрал колпак, разогнал дым и вопящих существей.

Ангел открыла глаза. Саркон стоял между ней с ребенком и убийцей. Сильная, большая и когтистая рука впиалась в грудь маньяку. Впиалась и сжала сердце. Трепещущий кусок мышц не выдержал давления мощной длани и взорвался.

Демон еще некоторое время смотрел в глаза маньяку, ожидая, когда в них потухнет жизнь и можно будет передать душу в заботливые руки мучителей. Профессионалов, которые не раз и не два расскажут и покажут, какой же на самом деле была жизнь серийного убийцы, и что ему за это будет.

Для физического же мира все это внешне останется простым инфарктом.

Демон неторопливо вытащил руку из груди, заращая грудную клетку человеку. Вернул на место все, кроме дыры в сердце.

— Ты? Послышалось от девы. — Почему ты вмешался?

Она недоверчиво ощупала ребенка. Испуганный малец отшатнулся от мужика с ножом и побежал домой. Дома он все расскажет родителям, те вызовут полицию, "скорую" и вскоре в леске у дома найдут тело недочеловека, которого остановило само Проведение.

Больше серебряной нити подопечного в ближайшее время ничего не угрожает. Задание выполнено.

— Моим заданием было забрать душу этого убийцы, — Саркон повернулся. — Серийный маньяк слишком низкого качества. Убийца детей. Ненавижу таких. Убивал бы сразу, да не разрешают, пока не наберет определенного груза.

— Разве это не то, что вам нужно? — Люция поднялась, ощущая дикую, безграничную благодарность... И к кому? Демону! Немыслимо!

— Нам? — Он прочитал что-то в ее глазах, на миг коснувшись того света, что она хотела ему показать, но не знала, как это сделать, чтобы не... убить.

Коснулся и, отпрыгнув на шаг, застыл, разбираясь с ощущениями.

— Аду, — протянула Люция.

— Нам нужны воины, а не... слабаки. Он ответит за все. Есть специалисты: администраторы... И если на пути страданий не одумается, упадет еще ниже, на Переплавку. Там долго держать не будут.

Люция приблизилась, сокращая расстояние, на которое он отошел, чтобы посмотреть на это новое для демона ощущение со стороны.

— В аду перенаселение?

— Зато у вас недобор! — не полез в карман за ответным словом демон.

Ангел чуть приподняла уголки губ, обозначая легкую, воздушную, почти невесомую улыбку.

Саркон запомнил эту робкую, неуверенную улыбку как первую в их дальнейшей жизни... вместе.

— Ты помог мне...

— Я делал свою работу, ты свою. Просто совпало, — расставил все по местам Саркон.

— Вот бы почаще так совпадало, — протянула ангел и как то странно посмотрела на него.

— А что если нам вместе работать? — Демон сам испугался этой мысли.

"Почему бы и нет"? — неуверенно договорил кто-то внутри за него.

Бездействуешь сам — действует кто-то другой.

Ангел кивнула еще до того, как поняла, на что подписалась.

* * *

Настоящее время

Невесомый полет. Мыслей нет. словно сама душа парит над миром. Но мир незнаком. И быстро меняет очертания. Или это он, Жека, несется с такой скоростью, что и без того зыбкие пейзажи сливаются в один мелькающий свет?

Остановится, осмотреться. Взмыть ввысь, воспарить под самые... облака? Нет, это не облака. И светило немного странное. Свет есть, он повсюду, а звезды нет. словно высокие облака закрыли его толстым слоем одеял-туч. Но полет продолжается. Тело не ощущается. Тело-мысль, что несется вперед. Бесконтрольное и неудержимое. Мир меняется ему под стать. Тело закидывает в потоки, которые схожи с вибрацией тела, настроением, мыслями, ощущениями. Целым потоком, гаммой непередаваемого. словно этот мир имеет более широкий спектр ощущений.

В полете встретился образ женщины. Теплое, приятное ощущение захватило Евгения. Он даже попытался приблизиться, рассмотреть. Вдруг Та, которую ищет? Его ангел. Его любимый ангел... Но нет, не она. Хоть по ощущениям светлая, чистая. Улыбка и глаза светятся мягким белым светом.

Она протянула руку и коснулась лба.

Жека открыл глаза. За окном рассвет, первые лучи солнца пробиваются сквозь жалюзи. В груди тепло, приятные ощущения захватили все тело. Чуть быстрее бьется сердце, но дыхание ровное. Глупая улыбка во все лицо, словно у проснувшегося ребенка. Да он и ощущал себя ребенком. Свободным и любящим мир существом. Этаким небесный херувимчик с крылышками.

Рядом что-то заворчалось и поднялось.

Мирянов медленно повернул голову, стараясь не спугнуть ощущения после пробуждения. Заспанное лицо Карины повернулось к нему. Вампиресса чуть растянула губы.

— Ты великолепен.

Радостный настрой улетучился, как дым.

"Великолепен? Я? Что она имеет виду?!"

Оруженосец ангела подскочил. Одеяло сползло. Ничего не понимая, увидел, что без одежды. Засуетился, бегая по комнате в ее поисках.

— Ты... ты... мы... вчера?

Мысли заметались быстрее разогретых атомов. Так, прогулка, ночь. Вернулись домой. Он точно помнит, как перешагнули порог. Рука потянулась к выключателю... Все. Память обрывается. Помнил только момент пробуждения.

Великолепен? Неужели они... Нет, не может быть. Ангел! Где ангел? Что происходит?! ЧТО ПРОИЗОШЛО?!

— Да не суетись ты, — вяло зевнула Карина. — Или у тебя зарядка такая? Похвально, конечно. Но, может, начнем утро с кофе? Ты-то дракон, тебе хватает шести часов сна для полного восстановления, а мне даже накормленной просыпаться ни свет, ни заря как-то в лом.

— Почему я голый? — Жека наконец нашел одежду, аккуратно сложенную на журнальном столике у окна.

— Ну, не знаю... Я в одежде не высыпаюсь. А я же заботливая вампиресса. Высшая как-никак. Почему бы и не позаботиться о таком доброжелательном хозяине. Вот раздела тебя. Выспался хоть. Хорошо себя чувствуешь?

— Более чем.

— Отлично. — Карина кокетливо улыбнулась, беззастенчиво откинув одеяло. Медленно приподнялась, нарочно показывая упругие, белые груди с розовыми ареолами сосков. Размер третий с половиной. Волосы так же сонно, как и хозяйка, сползли по плечам.

Естественно, она тоже спала без одежды. Жека прикусил губы и отвернулся.

"Так было или нет? Вспоминай! Вспоминай!"

Но в голову ничего не лезло. словно кровь покидала мозг. И уши наострились, прислушиваясь к томному дыханию играющей с ним вампирессы.

Оруженосец взвыл, подхватил одежду и выскочил в коридор. Идя в ванну, на ходу оделся. Быстро умылся, почистил зубы, усиленно сражаясь с мыслями о прошлой ночи и о пробуждении в ТАКОЙ компании. Пулей проскочил на кухню и занялся приготовлением завтрака. Кофе, яичница, немного мяса и хлеба. Припасов на завтрак все же хватило. Запоздало подумав о пристрастии к еде гостыи, крикнул в комнату:

— А что едят вампиры?

— Высшие — все! Кроме чеснока. От него изжога!

Жека еще раз залез в пустой холодильник. Чеснока не было. Почему-то вздохнул и сел за стол, вяло пережевывая свою порцию.

Карина долго плескалась в душе, потом сушила волосы, мелькая по коридору туда-сюда. Белая кожа призывно мозолила глаза Евгению. Оделась гостыя лишь тогда, когда убедилась, что полностью высохла... И кофе, и яичницу пришлось снова подогревать.

Завтракая, Карина молчала, пристально рассматривая напротив сидящего, словно видела в первый раз.

— Так и чем отличается простой вампир от высшего? — прервал молчание Мирянов.

— Высший вампир способен управлять своей и чужой энергией, брать часть и контролировать то, сколько и как забирает. При большом желании может поделиться частью имеющийся энергии. Практически не размножается. Почти отсутствует душа, что отличает от живого человека. Чем сильнее вампир, тем меньше восприимчивость к свету, серебру, чесноку, нахождению в святых местах, святой воде, — Диана чуть подалась вперед, прошептав. — Распятъя боятся только самые слабые, — и, улыбнувшись, продолжила. — Но больше восприимчивость к "оглушающим" восприятие средствам. Таким некоторые запахи горящих трав. Осина как дерево впитывает в себя негативную энергию и потому считается нейтрализатором, а, в принципе, ослабляет способности, потому и считается лучшим средством для борьбы с вампирами... Что-то еще, дорогой?

Больше книг на сайте - Knigoed.net

— Ты мне все так просто рассказываешь?

— А ты собрался воткнуть мне ночью кол в сердце?

Жека чуть смутился и принялся собирать посуду. Отвернувшись к раковине, стал намывать тарелки, ощущая, как пылают щеки.

— Карина...

— Что?

— Что вчера было?

— Ты открыл дверь квартиры и еще в коридоре неожиданно быстро стал вкачивать в меня все свои силы, пока не свалился на пол. Я ноготь сломала, пока дотащила тебя до кровати и уложила баиньки. Ты же здоровый, кабан. А я хрупкая, как стеклышко... Хотя, признаюсь, греться о тебя ночью одно удовольствие.

Жека закашлялся, стал чуть ровнее дышать. Вроде ничего не было. Значит, он чист перед совестью и любовь к ангелу ничем незапятнанная.

— Кстати, результат того, что я все еще жива, подтвердил мои вчерашние доводы.

— О чем ты?

— Ты белый дракон.

— Что это значит?

— Как говорил мне мой друг-ведьмак, а он в драконах немного разбирается, встречался, только белые драконы могут приспособивать свою энергию для донора. Понимаешь, она у вас такая специфическая, тяжелая, трудно перевариваемая. Другие драконы тоже вроде бы могут накормить своей, но это как сандалии грызть с желанием наесться. Вроде бы ешь, а что-то не твое. А ведь у меня большой опыт переваривания грязной энергии.

Жека выключил воду, зачарованно повторяя:

— Белый дракон значит. Белый дракон. А что он... то есть я... еще могу? Ты можешь устроить мне встречу с этим ведьмаком? Перекинуться парой-другой сотней вопросов. Обещаю не доводить до тысячи... в первый день.

Карина закрыла глаза. Евгению не было видно, что зрачки под веками почернели. Так Экзар считывал информацию с носителя, продолжая играть роль вампирессы. Действительно, Карина, как поверженная предыдущая обладательница этого тела была знакома с человеком, которого можно было охарактеризовать как ведьмака.

— Ну, не знаю. Если он свободен, может, и свидитесь, — девушка сходила в коридор к куртке и вернулась с сотовым. Нашла знакомый номер, приложила трубку к уху. Но Мирянов с грустью услышал лишь рефрен о недоступном абоненте.

— Отключен?

— Ага, в следующий раз увидите.

— А сколько их?

— Кого?

— Драконов.

— Откуда мне знать? Он тебе лучше расскажет. Я только вспомнила, что он говорил, что драконом нельзя стать, им можно только родиться. То есть ты, Женечка, изначально не человек. Только проснулся, забавно так иницировав сам себя с помощью артефакта. Своей же энергией. Это ж надо... Первый раз с таким сталкиваюсь. А я не первый год живу... Упс, проговорила... Язык мой — враг мой. Но ты такой душка, ты все поймешь.

Жека всмотрелся в молодое лицо. На вид — студентка, нет и двадцати. Но внутри что-то такое глубинное, с парой-тройкой веков опыта за плечами.

— А долго становятся высшими вампирами?

— Так я тебе и сказала, сколько мне лет! — хихикнула Диана.

— А вампирами же становятся?

— Да.

— То есть раньше ты была человеком?

— Давно это было, Женечка, — вздохнула Диана, почему-то погрузнев. — Давай не

будем об этом. Да и пора мне. Давай встретимся в конце недели. Я позвоню тебе. Или нагряну. Нежданно, негаданно. Только заранее не жди. Все равно бесполезно.

— Тебе настолько хватит моей энергии?

— Я же говорила, твоей энергии хватит на десять таких, как я.

— Ты говорила про дивизию... или роту.

— Ай, все-то ты помнишь. До скорого, лапочка, — Карина подскочила, ловко чмокнула в щеку и побежала в коридор. — Брейся только чаще, — донеслось от нее на прощание, и хлопнула дверь.

Жека, скребя щетину, расслабленно свалился на стул. Предстояло подумать. Многое расставить по местам и понять, чего же он сам хочет от всей этой ситуации. Неделька выдалась та еще. Не упустить бы главного...

Меч!

Оруженосец стремглав бросился в комнату, опасаясь, что драгоценная ноша может быть утеряна так глупо. Но нет, вот он висит в ножнах на стуле. Карине этот арт точно не интересен. Значит, вампиров не интересуют артефакты, несхожие им по силе. Или вибрации? В общем, ангельское — это не их, точно.

Так, что еще забыл? Работа. Да, надо на работу. Шеф конечно уже знает о смерти сослуживца... Э, да ведь завтра похороны!

Жека потянулся к телефонной трубке и быстро набрал номер вдовы.

Десять тяжелых минут соболезнований. Предложил помощь. Отказалась. Рядом хватает людей. Серега был общительным, компанейским. Но все же Мирянов назавтра обещал быть рядом. От первого собрания родных и близких дома и до поминок.

Погладив клинок, Мирянов заправил кровать. От подушки пахло женскими духами. Тонкими, едва ощутимыми. Евгений не смог удержаться и припал щекой к этой подушке.

— Брр! Стоп, дракон! Стоп! Одумайся.

Не давая себе больше поблажек, подхватил меч. Быстро накинув плащ, искатель ангела выскочил на улицу.

Дома оставлять меч он не мог. На работе придется юлить. Но это лучше, чем, случайно повстречав ангела, сказать, что забыл ее оружие дома.

Ведь она его ищет. Конечно же, ищет...

Ищет же?!

* * *

Железнодорожный вокзал был открыт всем ветрам. Мелкий дождь бил в лицо. Ворот кожаной куртки и наушники не спасали барабанные перепонки от постепенного промерзания, и это грозило в лучшем случае отитом.

Макс всерьез подумывал о переходе с кепки на спортивную зимнюю шапку. Он никогда не понимал военных, полицию и рядовых граждан, которые носили в мороз ушанки, собственно, без ушей. Особый вид закалки мозга?

Уши всегда были слабым местом Максима. Ведьмак — профессия чуткая, требующая обостренного слуха и чутья. Так что максимально были развиты все органы чувств, вдобавок усилено восприятие к магии. А неизбежный минус был лишь один — стоило постоянно беречь себя от ненастной погоды. И эта осенняя слякоть была ненавистна Максиму.

Беречь себя для часа икс — борьбы с ведьмами. Вот что главное. В эти минуты Макс выкладывался по полной. И на счету за два года "карьеры" было уже четверо пойманных... жертв? Нет, не жертв. Все четверо своими действиями, как говорил отец, трижды заслужили смерти: проклятия, сглазы, привороты, черная магия во всей красе. Не жалели ни жизней, ни душ. Странно, что только двое делали "работу" за деньги. Остальные по призванию, что ли. Спятившие старухи.

Макс был рожден человеком. Почти обычным. Правда, в необычной семье. Отец был инквизитором. Рожденный сильным, невосприимчивым к магии и... не человеком вроде. Редкий экземпляр для Энрофа. Почти невозможное сочетание генов, как сказали бы высоколобы от магии. Внешне вроде бы человек, но по силе далеко превосходил людей. Для рукопашки с демонами это немаловажно.

Да и мать была не из часто встречающихся личностей среди людей — эльфийка. Конечно, у нее не торчали уши, как у фентезийных красавиц, но красотой своей заткнула бы за пояс любую мифическую принцессу из сказки. Эльфийки красотой своей и сильны. Почти нет людей, которые смогли бы устоять перед их чарами. Одна улыбка — и ты на все готов, лишь бы исполнить ее желание. Пару минут рядом с сильной эльфийкой — и ее желания воспринимаешь как свои. Однако, эти существа не из тех, кто часто пользуется своим даром. А если и пользуется, то не во вред людям.

Кто же мог родиться от довольно редкого союза лишеного магии инквизитора и прелестной эльфийки, магией очарования переполненной по уши? Только не совсем простой человек? Даже двое. Близнецы. Максим и младшая сестра-полукровка — Иришка. Полуэльфийка.

Ее Макс и ждал на холодном, промозгом перроне, издали ощущая приближение сестры. Именно ощущая. Фагор и Багира, отец и мать, с малых лет отметили его странное поведение при приближении инициированных. С детских лет Максим точно мог знать, кто наделен способностями, а кто пуст. И отец, пользующийся этой способностью "на работе", заметил в сыне будущего ведьмака. А затем стал привлекать "к работе".

Так и получилось, что в шестнадцать лет Максим получил инициацию и с восемнадцати уже нередко ходил по следам ведьм вместе с отцом. Таково призвание у ведьмаков — обезвреживать ведьм. Подавлять их силы, предупреждая о незаконности деятельности или давить совсем, если предупреждения не идут впрок. Ведьма ведьме рознь. Не все занимаются черной магией и причиняют вред людям. Есть и вполне тихие, спокойные "нейтралки", встречаются и довольно редкие белые ведьмы. Мир горазд на причуды. Посему за два года активной работы на счету Макса и Иришки лишь четверо "жертв", которые действительно вредили людям.

Иришка. Сестренка, любимая с детства. Светлоглазая, рыжая, она постоянно светила вся как солнышко. Для угрюмого с детства Максима она была как путеводный маяк. Несмотря на то, что сестра от матери получила только половину силы убеждения и обаяния, а от отца только решительный характер, силой и настойчивостью она почти превосходила ведьмака Максима.

Как-то само собой получилось, что сестра стала прикрывать брата в их совместных походах на ведьм. Отцу хватало и другой работы, посерьезнее, так что почти всех ведьм он скидывал на плечи "детिशек".

Максу довольно легко удавалось "глушить" подопечных. На то и настроены его силы. Но нередко в компании с ведьмой был кто-нибудь или что-нибудь, чья сила отличалась от

ведьмовской, и тогда приходилось несладко. Но на помощь приходила сестренка. Иришка бесстрашно бросалась в бой, и магический хаос не прекращался до тех пор, пока помощники ведьмы не были повержены или пока не отступали.

Макс в мыслях об улыбке сестрички словно ощутил, как пригрело солнце и вокруг стало теплее. Может, и действительно стало? Ирка согревает мир одним своим присутствием. Она все ближе и ближе. Вот и из тумана показался состав. Встречающий народ высыпал из здания вокзала на перрон.

Да, это ее вагон. Трое мужиков, едва не вывалившись вместе с проводницей из двери, не дожидаясь когда откроют ступеньки. Мешая друг другу, они как сражающиеся бараны, почти попадали на перрон. Отпихивая причитающую проводницу, разом развернулись. Двое потянули руки вверх. Третий, сияя как изумруд на солнце, с величайшей осторожностью нес в руках женскую сумочку. Судя по лицу, человек был очень доволен этой ролью, словно обласкан милостью самой королевы и всех знатных особ вместе взятых.

Макс улыбнулся — сестренку, как всегда, провожают.

А вот и она.

Словно дополнительным светом озарило перрон. Двое подающих руки людей подхватили сестру и, почти не давая ступить на ступеньки, аккуратно поставили на асфальт.

— Спасибо, мальчики. Дальше я сама, — кокетливо улыбнулась рыжуля Иришка.

Третий, едва не кланяясь, осторожно протянул сумочку. Двое "барашков" наперебой засыпали комплиментами и предложениями о неминуемой скорой встрече.

Иришка чуть улыбнулась нейтральной улыбкой. Вроде и да, и нет.

Трое засияли еще больше, застыв, мешая прочим пассажирам. Все смотрели вслед легкой походке сестренки.

Иришка подбежала к брату.

Макс, повернувшись к составу спиной, отчетливо ощутил затылком три пары враждебных локаторов-глаз, которые впились и пытались прожечь насквозь, испепелить. Это явных взглядов. Сколько косвенных — вообще неизвестно.

— М-да... Обратная сторона очарования. Когда-нибудь один из твоих поклонников убьет меня, — хмуро улыбнулся Максим, обнимая сестру.

— Солнце, ну что ты такое говоришь? — Улыбнулась Иришка, целуя в щечку. — Это просто люди. Со своими слабостями.

— Я тоже почти человек.

— И я полукровка. Но эта частичка силы в нас дает полное право стоять на ступеньку выше и смотреть на всех сверху вниз. И какое тебе дело, что там снизу кричат? Пусть тихо твякают, не обращай внимания, — Иришка подхватила под руку и они пошли к зданию вокзала.

— Я все прощу. Ты только не становись звездой Инстаграмма.

— Никогда. Обещаю.

— Как командировка? — На ходу поинтересовался брат, свободной рукой щупая покрасневшее холодное ухо. Только бы не продуло. Грей потом маслом, кутай голову в шарф. Морока одна.

— К сожалению, на Урале мамки тоже нет.

Ведьмак вздохнул:

— Даже никаких следов?

— Следы там испаряются быстро, сам знаешь, — пожалала плечами полуэльфийка. — Много мест сил. И скрытных людей с силой много. Быстро все чистят. Нарочно или нет, кто знает? Никогда не задумывался, почему папка так редко бывает с заданиями на Урале?

— Не знаю. Может, там работает другой инквизитор. Тот, что поближе.

Иришка остановилась, обхватив холодные уши брата. Принялась растирать, согревая. Словно чувствовала, что ведьмаку некомфортно. От ее рук пошло тепло, обхватило уши, согрело перепонки. В голове прояснилось.

Между делом она спросила:

— Работа появилась?

— Третий день брожу по городу и ничего подозрительного. Отец на связь не выходит.

— А когда ты его последний раз слышал?

— Да пару недель уже, как молчит... Он в последнее время был какой-то странный. И во дворе мелькали типы из его братии. Обычно они не скрываются, а вчера с утра я ощутил, как бродят под личинами.

— Виду не подавал?

— Нужны они мне, — буркнул Макс. — Ты же знаешь, что не ищу неприятностей. И осторожен, как суслик, пытающийся стырить кусочек лакомства у спящего туриста в лесу.

— Так держать.

Иришка прекратила тереть уши и, подхватив под локоть, потащила к выходу. Макс давно привык, что все скучающие таксисты разом прекращают разговоры, откидывают газеты и, как стадо на водопой, бросаются к сияющей Иришке. Может всему виной ее веснушки? Слишком уж выделяются на белом лице.

Рыжие они все с веснушками.

— Куда, девушка?

— Ай, красавица, ехать куда?

— Адрес назови, родная, вмиг домчу.

— Не откажите в любезности проехать, мадмуазель.

Макс вздохнул. Вот бы ему так с девушками везло. Вроде бы хорош собой, ну, не урод — это точно. Лицо без прыщей. Тело поджарое, тренированное. Но на его хмурый, замкнутый характер охотниц немного. А случайных "вешалок", готовых с любым и каждым, "лишь бы человек был хороший", он отметал сразу. Интуитивно. Разве что к Карине питал особые чувства, но эти ее занятия сатанизмом до добра не доведут. Особо близко не подпускают ни он ее, ни она его. Связь лишь периодическая. Когда совсем уж тянет на близость. И почему его, ведьмака, по сути — природного борца со всякой перешедшей грань мелкой нечистью (крупная — прерогатива отца), потянуло к той, с кем и разговаривать-то не должен был?

В лучшем случае — пару слов перед боем.

Ответ он знал — просто это ее хобби переходящее. Сегодня носит перевернутое распястье, завтра перевернет его обратно, а послезавтра вовсе освободит шею от символов.

Странная любовь. И вроде не любовь, а тяга, но отчего так сносит голову? И ему, несклонному к открытым выражениям эмоций, и ей, положительных эмоций в принципе почти лишенной...

Ведьмак тряхнул головой. Оказывается, они уже едут куда-то на лихой иномарке. Мелькают дома, витрины, встречные автомобили. И что-то весело бурчит водитель.

Иришка на переднем сиденье слушает в пол-уха, отвечает невпопад, порой только верно поддакивая. Погружена в себя, размышляет. А водителю словно все равно. Само ее

присутствие для него, как явление божественного знака для верующего.

Макс достал из внутреннего кармана плаща сотовый. Написать SMS Карине? Но мобильный разряжен. Повертев его в руках, сунул обратно в карман.

— Макс, — Иришка чуть повернулась, бесцеремонно прервав поток слов водителя. — Я высажу тебя у дома. Буду позже.

— Куда ты? — опешил Ведьмак. — Ты же только приехала!

— Дела, братик, — ответила сестренка. — Но я недолго. Накрывай пока на стол. Приеду — еще остыть не успеет.

— Накрывай? Я?

— Можешь даже испечь сладкий торт, — хихикнула Иришка. — А за шоколадный я тебя вовсе расцелую.

— Жить надоело? — Хмыкнул Макс, вспоминая, что от последствий его предыдущего кулинарного изыскания кухня проветривалась дня два. Повар из него был никудышный. Вот гитарист с его тонким слухом отличный, а кулинар... так себе. Да и характер не родительский, чтобы стремиться быть первым везде.

— Я недолго, — как в тумане послышалось от Иришки.

Макс, второй раз тряхнув головой, понял, что стоит во дворе собственного дома. Иномарка, на прощание мигнув габаритами, куда-то повезла деловую сестру.

Ведьмак схватился за виски, стараясь вернуть себе ощущение реальности. Голову сдавило, стало труднее дышать. И чем дальше отдалялась сестра, тем пресс был плотнее. Даже сердце пошло работать с перебоями, что было уже совсем не случайностью.

Пришлось сесть на ближайшую скамейку. Благо та высохла после дождя. Сконцентрировавшись на внутренних ощущениях, Макс разглядел две нити, тянущиеся к нему и плотно обхватывающие тонкие тела. Можно было подумать, что стараются раздавить, как скорлупку яйца. Только ведьмак, несмотря на свою миролюбивость, не был сырым яйцом, которое раздавить просто. Если и яйцо, то только крутое!

Контролируя вспыхнувшую ярость, оставляя ее холодной, на коротком поводке, ведьмак резко дернул обе опутавшие его нити. В десятке метров сбросили кокон невидимости двое в темных плащах. Лица хмурые. Один в темных очках. Это в сумрачную погоду, когда на Солнце и намека нет.

Инквизиторы, как и его отец. Но с какой стати нападать на него, сына Фагора? И по лицам видно, что не ожидали отпора...

Зная повадки приверженных балансу, Макс крикнул:

— Чего надо?! Я в праве ответить!

— У инквизиции нет к тебе претензий, — произнес тот, что был в очках.

— Тогда как расценивать ваше поведение?

Молча двое развернулись и зашагали прочь. Ведьмак долго смотрел им вслед, нутром понимая, что, скорее всего, долгое отсутствие папашки связано с неприятностями по работе.

Максим не мог припомнить, чтобы такое когда-либо случалось. Может, просто инквизиторы странные попались? Из молодых. Не знают, кто он? Отец всегда в инквизиции был в авторитете. Зачем им нападать на членов его семьи?

Снова что-то внутри, наверное, задушенный внутренний голос, вяло пропищал, что это слабое утешение. И верится в него не больше, чем взрослому в Деда Мороза.

— И куда ты так быстро слиняла, Иришка? — поинтересовался Максим. — В нашей семье и так разногласия. Ты еще что-то скрываешь.

Ветер, как с цепи сорвавшись, ударил в лицо и заставил идти в родной подъезд. Домой! Там за чаем с травами лучше думается. Но, не дойдя до подъезда пары шагов, ведьмак заставил себя повернуться и, сражаясь с ветром, побрел в магазин. За тортиком. Для любимой сестренки. Долг — прежде всего. И пусть только попробует сказать, что испеченный его стараниями торт был бы вкуснее.

По пути с магазина запиликал сотовый. Макс давно забыл про покоящийся во внутреннем кармане куртке кусок пластика с микросхемами. Борясь с ветром и стараясь не уронить торт, он на ходу распахнул плащ, извлек телефон. На табло высветился незнакомый номер.

— Алло.

Молчание. Сквозь ветер едва слышно чье-то дыхание.

— Кто это?

— Твоему отцу нужна помощь, — раздался незнакомый голос.

— Кто говорит?

— Найди его.

Гудки отбоя...

Макс застыл посреди улицы, держа в руке потухший сотовый. Постарался включить. Но тот оказался разряженным. И Макс с удивлением вспомнил, что телефон разрядился еще в автомобиле. Или раньше?

Зарядить и включить сотовый на расстоянии? Это прямое воздействие на неживой объект, выполненное так тонко и искусно, что он, чуткий до любых форм силы, не заметил совершенно ничего!

По телу прошла неприятная дрожь.

— Иришка, куда же ты уехала?

Тучи низкие, собраны кучками. Безнадежная, большая серая вата, превратившая день в вечер. Мир в сумерках. Людей клонит в сон. Забраться под одеяло и погрузиться в долгую спячку — рецепт выживания. В сон клонят сами инстинкты. Древние, мудрые, подстроенные под природу. Охота в такую погоду будет неудачной, как и рыбная ловля, собирательство. Раздолье хищникам, ориентирующимся не по зрению, а по обонянию. Подкрадутся со спины, прыжок и... потеря для племени.

Вячеслав протяжно зевнул. Даже челюсть хрустнула, а из глаз брызнули слезы. На него, как ни на кого другого влияла природа. Он жил ее ритмами, ощущая ее потоки. Взаимодействуя с природой, он легко мог подталкивать погоду в нужную для себя сторону. Но делал это редко. Так как знал основной принцип: меняешь погоду в одном месте, в другом проявляют себя потрясения. Конечно, торнадо, цунами, землетрясения и прочие наводнения с селями — результат лишь самых жестких вмешательств. Но неожиданный снегопад посреди лета, засуха в муссоны, град и дождь в пустыне... К этому люди давно привыкли. И называют просто — глобальные климатические изменения. Вроде полюса меняются, возрастает солнечная активность, которая топит шапки льдов, и внутриядерные процессы Земли сбивают тысячелетние маршруты навигации птичьих стай.

Вячеслав снова зевнул. Не в полюсах дело. Не столько природа меняется, сколько человек своими экспериментами способствует ее гневу. И таким как ему, Вячеславу, и прочим стихийникам, приходится смирять этот гнев, в определенные моменты перенаправлять искаженные потоки в стабильное русло. Все-таки сгнившие урожаи, извержения вулканов и дым от пожаров на тысячи километров — это не то, что хочется видеть каждый день по телевизору.

Вячеслав знал, что почти каждый стихийник сам по себе. Те, кто постарше, давно твердят, что человек сам расплачивается за свою глупость. И вмешиваться в процессы не принято. Можно таких дел натворить, что цунами с тысячью-другой жертв покажутся мелкими локальными конфликтами.

Каждый стихийник любит свой город и бережет то место, ту территорию, где живет или обитает более-менее постоянно. Вот и Вячеслава недели сумрака над городом начали угнетать. Хотелось солнца, тепла и света перед зимой. Силы людям еще понадобятся. Ослабленная иммунная система к началу зимы — переполненные больницы и морги позже. А умирают от нехватки сил, как правило, те, кто много работает. Те, кто что-то создает, творит, двигает, доносит миру. Трудится, сжигая себя, почти не думая, что его вспыхнувшую искру могут и совсем не заметить.

Таких стоит беречь.

Стихийник прикрыл глаза. От него во все стороны потянулись тоненькие незримые щупальца. Они коснулись и оплели деревья, растелились по земле, проникая внутрь коры, раздвинулись парусами по воздуху, ловя ветер. Вячеслав потянул за эти нити, собирая всю энергию, которую природа могла дать. Когда в руках и груди потеплело и тело наполнилось легкостью, а голова чуть закружилась, стихийник убрал нити.

Приоткрыв глаза, посмотрел в свинцовое небо и снова опустил веки. Сам он стал луком. Тяжелым, составным. И тугая стрела от него пронеслась, спущенная с тетивы. Сорвалась с его рук и устремилась в небо.

Стрела быстро исчезла из виду, растворяясь в серой хмари. Именно сейчас энергетический посыл начнет формировать вихри, усиливать потоки ветра, поднимаясь все выше и выше. Ветер разгонит тучи, и город получит чистое небо.

— Красиво, — донесся сбоку легкий женский голос.

Вячеслав открыл глаза, медленно повернув голову. Она все еще кружилась. Сначала от переизбытка энергии, теперь от ее нехватки. Все-таки он вложил в стрелу слишком много и от себя. Сильная получилась встряска. Аж виски покалывает.

Рядом находилась красотка. Рыжие волосы, светлые глаза, веснушки. Бледная помада и минимум макияжа. Губы растянулись в одобрительной светлой улыбке. Она долго стояла к нему спиной, не решаясь заговорить, но последние действие стихийника подвигло на разговор и она повернулась.

Она Видела. Точно видела. Значит — не человек.

Не то, чтобы Вячеслав никогда не встречал прочих инициированных или вовсе нелюдей. Было дело. Но те никогда не подходили близко. Мелькали на виду, тут же исчезая. Редко шли на сближение. А тут сама подошла. Даже подкралась. Жаль, нет в нем способностей, чтобы определить, кто же она. Только минимум ощущений: теплая, светлая, доброжелательная.

Наверное, этого достаточно.

Вячеслав знал, что можно запросто накинуть личину, внушить любые ощущения, чувства. Но кому он нужен, простой стихийник, больше понимающий в ветре, чем в людях и нелюдях?

— А еще однупустишь? Ну... интересно же!

Ее голос звенел. Веселый, жизнерадостный. Как у ребенка, не скрывающего эмоции, ощущения. И за этим ребенком ощущалась сила. Хорошо бы она использовал ее в светлую сторону. С такими проще разговаривать. Таких проще принять. По крайней мере, ему, доброжелательному стихийнику.

Все пронеслось в голове за какие-то секунды. Моргнув и усилием воли приглушив головную боль, Вячеслав улыбнулся приятной незнакомке и коротко ответил:

— А больше и не надо. Достаточно.

— Почему же? Так красиво было.

Вячеслав поднял взгляд к небу. Пронзенная хмарь дала первую брешь, выпуская из жуткой темницы свет. Он робко пополз по осенней земле, деревьям, коснулся их скамейки, остановившись почему-то у ног светлой незнакомки. Потом прыгнул на колени, словно верный пес хозяйке. И погрузил в расплавленное золото всю скамейку. Недавние капли росы заблестели, играя отблесками.

Светлая дева с веснушками улыбнулась светилу, подставляя прищуренное лицо под его теплые лучи.

— Да, это тоже красиво. Даже лучше... Люблю солнце.

Светило, словно повергнув мечом всех врагов, беззащитно раскидало тучи и гордо воссияло на небе, одаривая мир теплом. Конечно, это усиленный ветер разогнал тучи, но со стороны выглядело, словно огнеликое само повергло тьму на лопатки. И все живое этому

радовалось. Даже, казалось, пожухлая трава потянулась ввысь, а деревья одобрительно закивали широкими ветками.

— Вы сами как солнце. Вся сияете на радость всему живому, — неторопливо произнес Вячеслав.

— Да? Мне все это говорят... Только как-то не так. Вроде бы немного иначе. А вы... словно правдиво говорите.

— Я по-другому и не умею. Либо правду, либо в морду... Э, просите.

— Да ничего, человеческое в нас все же почти не изживаемо.

Посреди света и редящих туч на землю вдруг посыпались редкие капли дождя. Блестящие, как бриллианты. Отражая свет, они заиграли лазурью, разбиваясь о землю с легкими шлепками. Вячеслав потер висок, жалея об отсутствии зонтика, чтобы прикрыть незнакомку. Зонтиков сроду не носил. Что такого в том, чтобы попасть под дождь? Не таял. Ни разу.

Произнес вслух:

— Простите за дождь, остаточные явления. Накопилось над городом, знаете ли... К вечеру пройдет.

— Что вы? Как замечательно. Слепой дождик. — Она подскочила со скамейки и, вытянув руки навстречу небу, завертелась в неспешном танце.

Длинные волосы вроде бы сами скинули резинку. Она просто не выдержала их напора. И локоны побежали вслед за хозяйкой, собирая на себе блестящие капли воды. Вячеслав поднялся, поражаясь незнакомке. Да, сам он дождь любил, но редко видел, чтобы люди не шарахались от него, прячась под зонты, козырьки, укрытия, пусть даже моросила сущая мелочь, от которой не промокла бы и букашка.

— Слышите музыку дождя? — она подхватила за руки и потянула стихийника за собой, закружив в веселом танце.

Редкие прохожие, убегающие от дождя, смотрели на них, как на сумасшедших. Как же так, намочить голову и плечи? Простуда! Немедленная простуда, грипп и ангина, а потом пневмония, воспаление мозга и как следствие ранняя смерть. Но, кружась в этом легком танце, Вячеслав не видел в ее блестящих озорством глазах этих людских тревог. Напротив, она принимала эту легкую смесь стихий как подарок среди серых дней. И, глядя на нее, на лицо напознала глупая улыбка, и настроение неумоимо карабкалось вверх, как гордый скалолаз на вершину горы.

Со смехом завершив танец, — дождь резко, так же, как и начался, оборвался — они не стали вновь садиться на мокрую скамейку, а побрели, подхватив друг друга под руки по аллее.

— Прекрасная принцесса из сказки, могу я узнать ваше имя? — Наконец вспомнил о приличиях Вячеслав.

— Иришка, — легко ответила "принцесса". — А откуда ты знаешь, что я принцесса?

— Чутье. Да и духи нашептали еще раньше. Этим только дай волю пошептаться. Столько наговорят.

— И как зовут такого чуткого покорителя неба, низвергателя духов?

— Вячеслав. Только я никого не низвергал, не покорял. Я дружный и вообще мирный... Большую часть суток.

— С духами стихий в особенности? — тепло улыбнулась Иришка.

Вячеслав отвесил изысканный реверанс и ответил:

— Вы меня раскрыли, принцесса. Я — стихийник до мозга костей.

— Тогда и я раскрою тебе свою тайну, — Ириша приблизилась. — Я не принцесса.

— Не принцесса? — сделал удивленное лицо Вячеслав. — Так кто же?

— Эльфийка! — тоном гордой дворянки произнесла Ириша.

— А разница? Все эльфийки как минимум принцессы.

— Что ж вы со мной так, Вячеслав? — кокетливо спросила Иришка. — Может, я — королева!

— Прошу меня простить, моя королева. Повинен, — Вячеслав, шутя, припал на колени перед ней, несколько не заботясь о сохранности темных джинсов от грязи и сырости. Пропади она пропадом эта одежда! Она нужна, чтобы носить, падая на колени перед королевами, и никак иначе!

Иришка забавно подергала его за уши и положила обе ладони на короткие темные волосы стихийника. Вроде как простила.

— Ладно, мой верноподданный, на первый раз милую. Но чтобы больше мне ни-ни. Понял?

— Естественно, моя королева, — улыбнулся верноподданный вассал.

Вячеслав ощутил, словно молнии гуляют по ушам и дальше, по всей голове. Так организм отреагировал на ее прикосновения. И эти молнии не били и не сжигали, напротив, придавали сил и бодрости. Не сумев себя удержать, подскочил, подхватывая ее на руки, и закружил по аллее с криками:

— Я прощен! Это милость!

— Ну-ну, спокойнее, воин. Растрясете королеву. Надо же бережнее, бережнее...

— Я бы с радостью, но плаща на все лужи не хватит.

— Жертвуете плащ?

— Для вас все, что угодно, — он остановился, и взгляды встретились.

Вячеслав готов был поклясться, что молнии теперь гуляют по телу не у него одного.

— Вячеслав... — Иришка ощутила, как что-то внутри взорвалось теплом, пошло гулять по телу.

— Да... — голос стихийника осип.

— Не отпускай меня...

Одними губами обозначил:

— Не отпущу...

Эльфийка горячо прошептала:

— Никогда не отпускай меня...

— Теперь точно не отпущу, Ириша.

* * *

Ян смотрел в зеркало и не верил отражению. Мутные, серые глаза с воспаленными капиллярами. Круги под ними синюшные. Бледное лицо, почти белые губы. Зубы на фоне их желтые и продолжают темнеть. Кожа сухая, шелушится. А ведь еще не весна. Рано для авитаминоза. Зима только-только подступает застывшими лужами поутру. Что со здоровьем?

— Кто я? — прошептали бледные губы. — Кто же я, черт побери?! И что со мной?

Отражение молчало. Лишь зло усмехалось и вновь и вновь сверлило его странным взглядом. Вроде все то же, тот же он, тот же Ян. Но что со взглядом? Кто смотрит из глубины? Это не его взгляд. И это странное ощущение присутствия.

Он не один!

— Ян...

Человек в страхе отшатнулся от зеркала так быстро, что не рассчитал и свалился в кресло. Ударился затылком о медную ручку шкафа.

Да что творится?

Потирая ушибленное место, нащупал неотвратимо растущую шишку. Кожу жгло, на пальцах осталось немного крови. Но мазать голову зеленкой ли, йодом ли, желанья не было. Заживет. На нем все раньше заживало быстрее, чем на собаке... До недавнего момента.

Искоса поглядывал на себя в зеркале. Порой казалось, что успевает быстрее, чем отражение. Вот он уже смотрит на себя, а взгляд отражения только поворачивает глазные яблоки.

Или это глюки? Забавно, никогда не отличался особой паранойей. Ян потер виски, перевалился через подлокотник, глядя в зеркало сверху вниз.

— Запутался? — спросило отражение.

Ян не особо удивился. Минуту назад отражение произнесло его имя. Вот это было страшно. Вплоть до мурашек. А второй раз как-то и не особо. В конце концов, боль от пульсирующей шишки отдаляет разговор с отражением на второй план. Делает каким-то эфемерным, нереальным. Словно полусон. Фантазия. В конце концов, мог просто потерять сознание, а теперь во сне кажется, что нашел себе в зеркале собеседника.

— Ян, я могу помочь тебе.

Вроде бы отвечать отражению не принято. Если только речь не репетируешь перед встречей с аудиторией. Но зеркальный двойник совсем страх потерял. Двигает мимикой не так, как Ян. Чешет нос, моргает, лыбится странно. Как зверь перед прыжком. Не улыбка — оскал.

Сам Ян отчетливо понимал, что ни один мускул на его лице не шевелится. Только боль в голове и затекающая шея. Так что за бред происходит?

Поднялся и подошел к зеркалу вплотную, зло бросив:

— Кто ты, черт тебя подери?

— О, ты, наконец, ответил, — улыбнулось отражение. — Не бойся, я не ты. Просто так тебе будет проще принять меня.

— Чего ты хочешь?!

Отражение зевнуло.

— Сделку, мой друг, сделку.

— Я не твой друг! И...

— И что? Никогда не заключаешь сделки с отражениями? — хмыкнуло отражение.

— Нет, — опешив, пробормотал Ян. Складывалось впечатление, что сон затягивается. Ущипнул себя. Кожа послала сигнал мозгу, что такой массаж ей не нужен. Пусть пальцы ослабят хватку. — Черт, это на самом деле?

— Ты слишком часто зовешь черта, — покачало пальцем перед носом отражение. — А иногда наши желания имеют неприятное свойство сбываться, Ян. Подумай об этом. Хорошенько подумай.

Ян уперся спиной в диван, продолжая в упор смотреть в глаза прищельцу из зазеркалья.

Ведь он точно не был им, Яном. Он был чужим. И этот то ли дефект мозга, то ли просто глюк следовало убрать, пока не стало слишком поздно. Ведь дальше — больше.

Кто знает, что появится в зеркале завтра?

— Да, Ян. Никто не знает. Но любопытство все равно возьмет свое, — спокойно сказало отражение. — Так удовлетвори его. Не иди против себя. Это глупо.

— Что ты хочешь?

— Ммм... Скажем так, мне нужно твое тело. Ненадолго. Максимум на пару недель. Крайний срок — месяц.

— Что значит — тебе нужно мое тело? А я? Куда денусь я сам? Как бы это... душа!

— А ты никуда не денешься. Просто будешь сидеть, так сказать, в уголке и за всем наблюдать. А через месяц я уйду.

— Зачем я тебе? Разве во мне есть что-то особенное? Кто же я?

— Ты человек, Ян. Простой человек. И не льсти себе.

— Но почему мое тело... Почему тебе нужно именно мое тело?

— Ты болен, Ян. Вскоре болезнь возьмет над тобой верх. Хочешь знать, какая именно болезнь... или вскрытие покажет? Может, просто уберем ее?

— Ты вылечишь меня?

— Я дам тебе силы для самоисцеления. Не так и сложно задушить твою болезнь сейчас. Или все же предпочитаешь вскрытие?

— Нет, мне рано умирать, — Ян обхватил виски, ощущая в теле что-то холодное и чужое. Эта та самая болезнь, которая вскоре возьмет верх. И удовлетворенная победой, сравнивает его тело с землей. Ей только и надо, что закопать его!

— Ян, я вдохну в тебя порцию жизни. Лет на тридцать хватит вполне. Даже если пустишься в разгульную жизнь без забот. Ты же всегда завидовал тем из телевизора, которые чего-то добились в жизни... Ты всегда хотел быть знаменитым.

— Хватит! — прервал раздосадованный Ян. — Что, если я дам тебе свое тело?

— Нет, не так. Ты позволишь мне подселиться в твое тело...

— А ты не позже, чем через месяц покидаешь меня вместе с болезнью. Так?

— И если будешь пайнкой, оставлю тебе кое-что из способностей.

— А ты сам откуда? Разве не из этого мира?

— Это не важно, Ян. Важен лишь тот, к чему мы оба придем, — улыбка отражения стала жесткой. — Мы навестим моего старого друга. Он слишком заигрался с природой. Ты готов?

— Да, — убито выдавил из себя Ян. — Я готов.

— Ты разрешаешь мне подселиться?

— Д...да... — еще тише ответил Ян.

Что-то холодное обхватило его и сознание померкло. На смену затаившейся болезни, набирающей силы, как зреющий на Солнце плод, пришла чужая сила. Испуганный ее мощью, Ян сделал было слабую попытку воспротивиться, но все сопротивление было подавлено на раз.

Вместе с болезнью...

Шишка рассосалась за секунды.

Икзар поменял тело, создав себе шанс для отступления.

Серая "Волга" мигнула на прощание правым поворотником и влилась в поток машин на трассе. Вячеслав еще некоторое время смотрел вслед, не в силах ни сдвинуться с места, ни убрать с лица довольно глупую улыбку.

Улыбка была прямо до ушей. И словно приклеенная. Не убирается. Видимо, и впрямь, истинная улыбка — отражение души. Ведь она кажется глупой только для этого серого мира, но не для них с Иришкой. Вячеслав был уверен, что у эльфийки, сидящей на заднем сиденье такси, сейчас точно такая же улыбка. И сама душа светится. Она теперь одна на двоих. И оба теперь в два раза сильнее. Две половинки, когда-то разделенные Творцом, нашли друг друга.

Эта встреча для них предначертана судьбой. Никак иначе.

Просто чувствовал, что так оно и есть. Не может быть никак иначе — любовь! Обоюдная любовь. Что может быть в мире прекрасней?

Ветер холодно лизнул шею. Руки рефлекторно приподняли воротник. Все-таки зябко и неуютно стало, едва машина скрылась из виду. Солнце снова скрыли тучи. Без контроля стихийника (не до этого было, гуляя с ней) ветер сменил направление и натащил целые охапки серой ваты с севера. Приволок тоску и мрак, вновь забрав свое.

Снова холодом лизнуло шею. В груди на миг похолодело, сердце забило тревогу до того, как подключится разум. И Вячеслав понял, что это не ветер. Тиски холода сдавили горло, перехватывая дыхание. Незримые цепи стали затягиваться сильнее, сжимая вены, артерии. Если бы это была веревка, шарф, нить, оставался хоть шанс, чтобы протиснуть под ней пальцы, бороться. Главное, не поддаваться страху, не сдаваться, и тогда есть шанс победить. Но то, что обхватило горло, было незримо. Пальцы как ни пытались, не могли нащупать ничего. Только вогнутая леденеющая кожа, пережатые вены и слабый, протестующий хруст позвонков. У иницированного запас жизни немного больше, чем у простого человека, но и он умирает без воздуха.

— Только не сегодня, — прошептал синеющими губами Вячеслав, прекрасно понимая, что мучитель слышит его.

Существо в теле Яна еще больше приблизилось к жертве, не опуская рук, не ослабляя хватки. Довольная ухмылка, блестящие предчувствием победы глаза. Губы почти коснулись уха стихийника.

— Все случается вовремя. И действие и ответ, — собеседник чуть помедлил с ответом, сильнее затягивая незримые путы. — Кто разрешал тебе вдохновлять людей? Асмодей не доволен. И потому я снова здесь. Он взрастит мои крылья вновь, если тебя не станет. Так было с Валкараром, так было с Аргону. Хочешь послушать, как выживают друг друга братья в нашей семье, пока умираешь?

Вячеслав, заставляя тело жить и не допустить потери сознания, боролся. Но ноги подгибались, от нехватки кислорода голова потяжелела, зрение поплыло. Адреналин гулял по жилам. Мысли металась в поисках выхода.

Тело хотело жить! Разум не верил в смерть! А тот огонь в сердце, что разожгла Иришка, и вовсе не желал ничего знать о скорейшем уходе.

Огонь... Огня нет, как не ищи...

Воздух... Воздух пропитан сыростью.

Земля... Мокрая земля и поздняя осень не то время, когда можно много взять сил от земли. Деревья умирают, погружаются в сон до весны.

Вода... Вода слишком медленно наберет силу и не успеет причинить вред, и недостаточно холода, чтобы наморозить льда.

Ветер... Ветру едва ли хватит сил на ураган, а шквальным порывам мучитель лишь усмехнется.

Молния... Несколько минут не хватит, чтобы столкнуть разряды. И он слишком близко...

Оппонент учел все. Картинка мира перед глазами Вячеслава почернела, поплыла. Мозг требовал кислорода и отказывался умирать, но легкие больше не могли сделать ни вдоха.

Белокурая девушка с крыльями, понуро бредущая недалеко повернулась, с интересом разглядывая обоих.

Теряя сознание, Вячеслав прошептал:

— Помощи... именем...

Перед глазами встала Иришка. Ее близость, ее взгляд, ее запах, улыбка. Надо выжить!

— ... солнца! — прошлепали губы, и Вячеслав с тоской ощутил, как близка минута невозврата.

Люция на ходу скинула плащ и выхватила клинок. Крылья воинственно расправились. Ангел разбежалась и прыгнула, в бешеном ритме работая в воздухе крыльями. Все, что угодно, лишь бы успеть к двум странным типам, один из которых имеет одну душу и два сознания, а второй вот-вот лишится единственной.

В конце концов, жертва попросила помощи. Ее жизненный путь долог, да за плечами нет стольких грехов и суммы жизненных ошибок, чтобы пройти мимо. Долг ангела — наблюдать, но долг неизжитого человека в ней — вмешаться, хоть это и не совсем ее дело.

Люция искренне надеялась, что Алрониил простит и на этот раз. Архангелам ведь свойственно прощать?

Ангел взмахнула крыльями и взмыла в воздух, обрушив меч меж мучителем и жертвой. Клинок полыхнул синим огнем, и незримые путы, которые тянулись от рук душителя к шее Вячеслава, исчезли.

Свобода! Глоток жизни!

Стихийник рухнул на землю. Упал тяжело, неестественно, мешком с картошкой. Вдобавок — лицом вниз. Щека приложилась к асфальту. Кровь устремилась к мозгу, в голове загудело. В глазах бешено замелькало. Черные и белые пятна заслонили картину мира.

Вячеслав жадно хватал воздух ртом. И легким все его не хватало. Мозг требовал больше. Сердце рвало грудь. Сил оставалось только на удержание сознания и на то, чтобы заставить тело работать в прежнем режиме. Или на половину... Или на четверть. Остаться в живых любым путем! Или неизвестный найдет тысячи способов, как приспособить его тело для новой жизни, а душу заставить страдать. И так, что любой из этажей ада покажется благом по сравнению с этим.

Ян ощутил, как существо в нем отпрыгнуло, все еще держа руки перед собой. В идеальную картину удушения, захвата тела и последующих мучений добавился новый персонаж.

Третий всегда лишний.

Себя в уголке сознания Ян за третьего не считал. Он же всего лишь человек... А эти —

точно не люди. Чего высовываться? Пусть сами разбираются. Не лезь не в свое дело, Ян. Ты же так... кусочек тлеющего разума, пока не пройдет месяц.

— Какого дьявола ты вмешиваешься, ангел?! — зло бросил демон в теле человека.

Ян от этого голоса перестал смотреть на мир и забился в угол, стараясь сделаться незаметным и вообще не мешать. Его нет. Он появится только через месяц. Или когда подселенец сделает все, что хотел. Насытится мезтью, поработит кого-нибудь или совершит ритуал. Все, что угодно. Лишь бы поскорее сделал и ушел. Он не оставил свободы действий. Только наблюдение. Даже слов говорить лишних не стоит.

Мало ли...

Ангел обозначила улыбку. Хрупкую, легкую, но в любой момент готовую стать оскалом.

— Как-то глупо умирать в день, когда полюбил, — произнесла Люция. — Он же только жить начинает. Да и я не должна отчитываться перед проклятыми, — ответила привычно для старой Люции ангел и перехватила меч обратным хватом, приблизилась на шаг к врагу. В душе ее была тоска. Единственный демон, которого она поняла и приняла, отказался поверить ей.

Ян на шаг отступил. Повышая голос, демон прокричал, как свойственно подселенцам. Уроки отца не прошли даром. Вводил в заблуждение всех в окружении, играя свои роли.

— Все по договору! Человек дал согласие! Ты не вправе вмешиваться!

— Люди глупы и наивны, — спокойно ответила ангел, которой последние сутки было наплевать не все правила. Мирвосприятие дало трещину, как и несколько веков назад. История повторялась. — А ты не вправе лезть в мир живых, будучи мертвым. Все остальное — мишура. Я не наивная простачка, как века назад.

— Это ты так думаешь! Тебе попадет от твоего лагеря за вмешательство!

Ангел приблизилась еще на шаг, готовясь к прыжку.

— Человек не знает, что без обряда изгнания ты исчезнешь только с его смертью. Он даже не подозревает того, что ты питаешься его энергией, своей не имея. Ты сжигаешь его! И... хм, что я вижу? Не ты ли спровоцировал его болезнь? Ты лжец, которых говорит мне о каких-то договорах? Каков наглец!

Ян помимо воли прислушался к разговору...

— Пошла прочь!!! — бешено закричал Икзар и ветвистые черные заряды, так похожие на небольшие молнии, сорвались с рук. Гнев, ярость и отчаяние удесятирили его силы. Много отдал и сам Ян, убеждая себя, что ослышался про невозможность самостоятельного ухода сущности. Его сомнения напитали тело невольными эмоциями. Их вспышки на многое хватило.

Люция подставила клинок. Но одного не хватало, чтобы отразить оба разряда и приготовилась ощутить боль — этот безжалостный и беспощадный индикатор, позволяющий почувствовать, что ты все еще жива.

Полыхнуло черным. В меч ударило. Вибрация от удара прошла по всему телу ангела. Люция, моргнув, открыла глаза. Перед ней повисло зыбкое марево. словно паром шла земля, только вместо неровных белых клубов воздух матово светился.

Воздушный щит!

Ангел, краем глаза отметила поднимающегося стихийника. Про себя поблагодарила Вячеслава за помощь и прыгнула на тело Яна, не давая возможности демону в нем начать новую атаку. Вселившийся ощутил удар тяжелой подошвой в челюсть. Больное тело Яна не было приспособлено для рукопашной. Удар отбросил в кучу листвы. Тут же ботинок ангела

наступил на грудь. Ощутимо наступил, словно придавил гидравлическим прессом. И как столько силы помещается в этой хрупкой на вид девушке? Воистину — ангельская внешность обманчива.

Глаза белокурой воительницы полыхнули белым, голос возвысился, выйдя за пределы человеческого диапазона. Так начался ритуал изгнания.

— Сам деготум, аверум! Изхира! — клинок в руках ангела объяло синим пламенем от рукояти до кончика лезвия. Люция тут же вонзила его в плечо Яна.

Лишь кривая улыбка досталась ангелу. Икзар не стал бороться за тело, исчез, вернувшись в тело Карины и оставив всю боль хозяину тела.

А Ян со всей ясностью сознания и вернувшегося контроля над телом ощущал, что значит быть пронзенным сталью. Все ощущения от момента вспарывания кожи и мяса до не менее болезненного извлечения меча отпечатались в мозгу.

Боль вспарываемой плоти запомнилась навсегда.

Люция провела свободной рукой над мечом. Кровь с острия исчезла. Артефакт свободно вошел в ножны на поясе. Ангел склонилась над оглушенным болью человеком и как ребенку принялась объяснять очевидное:

— Если кто-то говорит, что даст тебе силы, ожидай, что потребует в два раза больше. Эта боль будет тебе уроком. Переживи ее и стань другим. В тебе есть силы, чтобы перебороть все. Просто позволь себе сделать это. Ты не болен. Ты просто поверил в болезнь.

Ян, кряхтя и зажимая рану на плече, приподнялся. Белое марево перед глазами никак не оформлялось в ясные очертания. Люция была для него незрима, только ощущение присутствия и белые блики в глазах, словно дефект зрения. Слова ангела, льющиеся из ниоткуда, казались священными, проникая в самую душу. Ну, если не в душу, то в само его существо, впитываясь чем-то более глубинным, чем разум. Слезы освобождения хлынули по щекам. Ян пополз по траве, припадая на колени и склоняя голову до земли. Тело жгло, тело горело. Холод, копившийся в теле последние месяцы, отступал, таял под лучами озарившего его внутреннего света. И боль казалась приятной. Он принимал ее всем сердцем. Состояние катарсиса облегчало страдания, душа рвалась ввысь, свободная от предрассудков разума.

Поднявшись, Ян побрел вдоль аллеи, покачиваясь, как молодое деревце на ветру. Рана на плече быстро затягивалась, и он физически ощущал, как с каждым новым шагом приходят силы. Силы, чтобы жить. И они были не чьи-то, они были его. Все хранилось в нем самом. Стоило только достать.

Жизни человеку дается ровно столько, чтобы дожить до смерти.

Люция посмотрела вслед человеку, вздохнула:

— Еще один плюс прозревшему, еще один минус вмешавшемуся. Ох, и получу же я сегодня пряников.

Снова скупая улыбка и ангел исчезла.

Вячеслав запоздало подбежал, протянув руку, словно пытался поймать мираж.

— Стой! погоди! Ангел, я твой вечный должник! Понимаешь?! Я обязан тебе!

Стихийник огляделся. Никого вокруг.

Белокурая спасительница исчезла вслед за мучителем и даже обладателем тела, свидетелем их сражения.

— Благодарю тебя, ангел, — прошептал стихийник. — Никто не должен умирать в тот день, когда полюбил. Я верну долг. Любящий человек не может солгать!

От этих слов стало легко. Весь мир, весь бесконечный, серый мир, снова чуть посветлел.

Теперь мир озаряла ее улыбка.

Жить ради второй половины! Жить ради Иришки! Жить и любить!

* * *

Несколько веков назад

— Архиведьма, знай свое место! — Крик князя тьмы пронесся по лесу.

Никто не услышит, слишком глухое место. Хранитель остался в сожженной деревне, насилует девок с молчаливого согласия воплощенного исчадия ада. Приближенные рогатого воителя рыщут по окраинам, добывая уцелевших — разбежавшихся по округе крестьян. Прийти на помощь не успеют. Они и сами вдвоем забрели в эти леса лишь потому, что князь слишком увлекся погоней за беззащитными людьми. Нагнать его уставшую лошадь для отдохнувшего коня старшей ведьмы, не составляло труда.

— Прости, Валияр, я почти не слышу твоего голоса. Слух мой заполонили крики детей, которых ты приказывал бросать в костер.

Ведьма стеганула по крупу лошадь князя. Гнедая кобыла вскочила на дыбы и помчалась в чащобу на рассвет. И все же архиведьма не спешила слезать с коня, когда оказалась рядом с плечистым иномирцем. Только так можно было быть выше его.

— Что ты хочешь, Люция? — Обезоруженный князь внимательно следил за обоими мечами в руках ведьмы-воительницы. Он устал от погони и холод Энрофа не добавлял демону сил. Этот удар сбоку по седельным ремням был не ожидаем. Его выбросило из седла на скорости, и извалило в пыли и грязи. Оскорбление, которое он не сможет простить простой смертной.

— В убийстве детей не было никакой необходимости. — Холодно обронила Люция. — Крови крестьян вполне хватало для ночного ритуала. Зачем была эта предрассветная бойня?!

— Лучше не оставлять следов. Нам не нужны свидетели, указывающие инквизиторам на нас.

— Ты сам своими действиями привлекаешь их! Если сожженную деревню и убийства жителей можно было списать на бандитов, то непогребенные души точно укажут на наш след. Души детей для инквизиторов сейчас вообще как маяк для кораблей в море! Ты глуп, демон! Как могли поставить такого над нами?

— Знай свое место! — Уже не так уверенно обронил князь рогатых, как называл его Хранитель души Люции. Демон поднял двуручный молот в жилистых руках. — Ты заплатишься за свое предательство.

— Мои девочки поумирали за твою глупость, отвлекая регулярные войска. Слишком много бессмысленных смертей для одних суток, рогатая тварь.

— Твой Хранитель будет недоволен тобой. — Оскалился князь. Четыре рога объяло огнем. Молот, выкованный в антими́ре, раскалился алым, алой стала кожа князя. Тряпки, надетые на тело, выжгло огнем. Он больше не мог с ними мириться в гневе своем.

Люция с двойственными чувствами спрыгнула с коня. Совсем вовремя. Один удар молота перебил лошади хребет и предсмертные звуки агонии животного пронеслись по лесу.

Пути назад нет.

Люция видела достаточно. И больше не могла мириться с существующим положением вещей. Семь учениц отдали жизни ни за что. И вера в своего пожилого Хранителя давнс

остыла. Слишком много ошибок. Он часто пьет, чтобы без страха общаться с демонами. Замутненное сознание не видит, куда завела дорога жизни их тандем. Все, кто шли за ними из людей, пали этой ночью. Вокруг лишь демоны. И главой над ними — князь Велияр. Четырехрогий, хвостатый демон более двух метров роста. Тварь, открыто истребляющая людей при первом случае без всякой причины, опротивела ведьме-воительнице.

Люция отскочила от возобновившейся атаки. Молот почти снес вяз, проломив могучую сердцевину дерева. Ствол с широкой кроной, ломая ближайшие деревья, с треском обрушился на землю. Листья попадали на голову демона и тут же сгорали в огне его гнева.

Посмотрев на восходящее солнце, Люция сама бросилась в атаку. Отступать было поздно. Клинки вспороли живот от паха до роговой брони на груди демона. Единственное уязвимое место, которое обычно закрывали длинные руки. Но сейчас руки обхватили молот и не успели защитить живот.

Люция смотрела как в глазах демона полыхнуло черное пламя. Он хотел что-то сказать, но не успел. Это внутреннее пламя мгновенно охватило его всего, испепеляя до горстки пыли. А когда воительница склонилась, чтобы зачерпнуть ее в ладонь, рассвет сквозь кроны деревьев стал неожиданно ярче.

Крылатое существо ослепило ее, сойдя с неба на полянку. Под этим бесконечным светом, пронзающим ее насквозь, она могла только склониться, пасть на колени и молить о пощаде.

— Кто ты? — Спросила Люция.

— Алрониил. Архангел. Свет, который испепелит тебя за все твои грехи.

— Я... готова.

— Опусть голову, иначе ослепнешь.

Люция предпочла смотреть, ни на миг не опуская головы. Радужная оболочка глаз выгорела. Глаза стали полностью белыми. Она ослепла, как и сказал небесный посланник.

— Твоя гордыня похоронит тебя раньше, чем наш свет.

— Дело не в гордыне, архангел. Я просто хочу сгореть в вашем свете. Утонуть в нем и раствориться. Я хочу стать этим светом и преданном служить ему, пропустив его через себя и распространяя вокруг.

— Ты хочешь стать ангелом?

— Мне все равно, как это называется. Я хочу стать светом.

— Зачем слепой свет?

— Глаза слепы. Душа зряча. Я готова искупить грехи, Алрониил. Прими же мою жертву. Небесный посланник коснулся ее, и она прозрела.

* * *

Настоящее время.

Собаки лаяли яростно, до хрипоты. С клыков капала желтоватая слюна. Натянутая ржавая цепь звенела. Поводки на мощных шеях грозили порваться и отпустить защитников дома на охоту. Для незваного гостя эта охота могла быть последней в жизни.

Нечего являться ко двору после заката, когда в небе уже горят первые звезды.

Инквизитор прикурил сигарету и сладостно затянулся. Нюх сегодня был ему ни к чему,

можно позволить себе и забыть о запретах.оборотень, чуя опасность, не уйдет далеко от дома. Да и жену не бросит один на один с неизвестным. Ведьма ему дороже жизни. Не бросит. Да и ведьма не из молодых и слабых, опытная. Почуяла присутствие еще до того, как Фагор подошел к калитке, и залаяли собаки.

Инквизитор так и не сделал ни одного затяга, но сигарета, вспыхнув в руке, рассыпалась на ладони горсткой пепла. Станный для постороннего взгляда человек растер пепел по пальцам и выдохнул образовавшуюся массу за калитку. Облачко пепла выросло в размерах и стало темным, как грозовая туча. "Туча" увеличилась в размерах и поплыла к собакам. Доберман и ротвейлер, поджав хвосты и завизжав, как мелкие беспомощные щенки, попрятались в конурах, продолжая жалко скулить уже оттуда.

Инквизитор протянул руку через калитку, сбросил крючок и вошел на частную территорию. Здесь, по данным инквизиции, уже не первый год жил оборотень, называющий себя Каном. Когда то он был Николаем, что привычнее уху людей. Но оборотни не люди.

Нормальные люди в небольшом поселке городского типа просто не могли понять, куда пропадают коровы, исчезают собаки, и почему лошади сторонятся леса. Грибников и охотников в деревне не осталось — сгинула охота ходить в лес. Люди хоть и не ощущают зла леса, но видят неясные тени, испытывают необъяснимый страх, от которого на пустом месте мурашки по коже или ступор. Люди и к речке ходить стали реже, разве что большой компанией. А всему виной эти двое, которые спелись вместе и им вроде как списали прошлые заслуги. Инквизиция терпела Кана только из-за заступничества демонов. Кому-то пес определенно лизал пятки... Или копытца, что ближе к истине. Но Фагор никому ничего прощать не собирался. Довольно терпеть правила, от которых гибнут люди.

Загремел засов на крыльце. На веранду вышла суровая, рыжая, давно уже не молодая Инесса. Карие глаза блестели как у кошки. В одной руке ведьма теребила плетеную вереском куклу, в другой держала несколько игл.

— Прокляну! — крикнула воинственно ведьма. — Уходи, инквизитор!

Фагор недобро ухмыльнулся. В тот же момент кукла в руках Инессы вспыхнула, словно политая бензином. Как если бы кто-то бросил на нее горящую спичку. Ведьма вскрикнула и откинула горящий факел. Обожгло пальцы. На них моментально вздулись волдыри. Местами кожа лопнула, повиснув клочками.

— Что тебе надо? Убирайся! Мы тихо живем!

— Ложь. — Бросил сухо инквизитор и потянулся за клинком под полой плаща. — На тебе убитая! И не одна, как вижу. Ты за все ответишь! Вы все за все ответите, твари бездушные!

— Как ты нашел нас?

— Сын подсказал.

— А не боишься сына потерять? — усмехнулась ведьма. — А то слухи собираешь, а за своей семьей не следишь.

Фагор недобро усмехнулся.

— За собой бы следила. Чую, недолго тебе осталось, ведьма. Оступилась раз, оступилась два, а потом взяла да упала.

— Ты потерял кого-то? Вижу болит твоя душа. Оттого ошибок много наделаешь. Уходи, пока не поздно!

— Мои потеря уже не твое дело, смертница!

— Одумайся, слепец!

— Я не слеп!!!

Сбоку послышался хруст веток. Черное мелькнуло на периферии. В следующий миг ограда палисадника была сломана. Громадный пес сбил с ног. Чудовищного размера собака с пылающими красным глазами и мощными лапами сначала припечатала о соседнюю ограду, а когда та устояла, зверь повалил инквизитора на деревянный настил.

Фагор треснулся головой о доски. В ушах зазвенело, мир на мгновение потерял очертания, поплыл, но быстро вернулся в изначальное положение. Легкое сотрясение ничто для инквизитора.

— Убей его! — закричала Инесса. У него есть нюхач! Покою он нам не даст!

— Р-р-р! — Зарычал Кан.

Оборотень попытался вцепиться зубами в шею инквизитора, но словно неведомая сила оплела ее, не давая вонзить зубы. Из-за майки вывалился серебряный крест на серебряной цепочке. Крест был вплетен в круг и не имел распятия. По ободку тонкой нитью тянулись руны. Оберег едва заметно засветился, шея ощутила тепло. Оно придало инквизитору сил. Фагор ухмыльнулся оборотню в рожу и сильным рывком скинул тушу, как будто та весила не больше десятка килограмм. Кан подлетел в воздух и приземлился на ограду палисадника. Большинство досок переломалось, но одна лишь надломилась, острием впиваясь под ребра оборотня.

Кан взвыл, обламывая доску. Лапы немного трансформировались в сторону человеческих, теряя когти и приобретая пальцы. Оборотень обхватил оставшийся кусок и рванул прочь из раны. Больше сделать не удалось. Полная трансформация без помощи Аргону оставалась для Кана недоступной.

По настилу заструилась кровь. Оборотень подскочил и получеловеческой-полусобачьей лапой рубанул перед собой, стараясь острыми когтями если не распороть Фагора, то хотя бы подранить.

Инквизитор подставил меч, сдерживая удар. Острие лезвия рассекло оборотню лапу. Кан взвыл. Инесса бросилась к нему на помощь, но оборотень одним прыжком оказался у крыльца и откинул ведьму в дом. Сам повернулся к противнику, воинственно обнажая клыки.

Последняя линия обороны. Назад пути нет!

Притихли дрожащие в конурах псы, ощущая гнев и страх хозяина.

Фагор достал второй малый клинок, ожидая атаки. Но окровавленный оборотень нападать не спешил. Он чуть присел, зажимая лапой рану на животе, а раненую руку засунул под локоть здоровой.

— Перекидывайся! — велел инквизитор. — Или прикончу тебя монстром. В твоей истинной сути, не человеческой.

Глаза оборотня сверкали в темноте. Он смотрел, не мигая, глубоко дышал.

В то же время Инесса в доме собирала в ладони кровь с обожженных пальцев, и когда набрались полные ладошки, плеснула на порог.

— Аргону! К тебе зываю!

Боль, до того пребывающая лишь в руках, разлилась по телу ведьмы. В груди будто образовался лед, кольцо холода сжало тело тисками. Так организм отреагировал на сильную потерю энергии.

Портал образовался не сразу. Красное марево лениво поплыло от пола по косякам, пока не обволокло весь порог до потолка. За эти долгие секунды инквизитор уже проткнул малым

клинком здоровое плечо Кана и тело оборотня затрясло, не в силах ни начать процесс трансформации, ни исцелить рану.

Саркон вышел из портала в сторону дома, застряв на пороге между улицей и домом. Переход, неудачно поставленный меж двумя точками входа-выхода на защитной линии дома, зажал демона в тиски.

— Опустит круг! — прохрипел сдавленный демон.

— Кто ты? — приблизилась ведьма, рассматривая призванного. — Я звала Аргону!

Инесса и сама давно позабыла, что дом защищен обрядом и очерчен кругом, сдерживающий нежить и нечисть. Собственная жертвенная кровь многократно усилила барьер, поднимая до предела защитные свойства.

— Умиравший под неправильным призывом демон. Саркон я! Аргону пал. Я его брат. Должник. Опустит, — задыхаясь в межпортале, просипел демон.

— Ты поможешь нам?

— Да, — уже без воздуха прошлепал одними губами Сар.

— Входи! Входи! Входи! — трижды повторила ведьма, и демон ввалился в дом, рухнув на пол.

Некоторое время демон приходил в себя, силясь отдышаться. Безвоздушное пространство межпортале и так порядочно вытянуло силы, еще этот барьер забрал последнее. Вдобавок — долгая ночная смена. Непривычно одиночная.

Инесса подбежала, подхватила под руку, стараясь поднять. С таким же успехом ребенок мог стараться поднять штангу тяжеловеса, изготовившегося к установлению мирового рекорда.

— Вставай! Инквизитор с ума сошел! Он убьет Кана!

— Уйди, — вздохнул демон и резко поднялся. Отдышавшись и более-менее придя в себя, Саркон приготовился к разборке с инквизитором.

Фагор занес меч над головой, изготовившись разрубить обессилевшего оборотня пополам.

— Ты переходишь границу, — показался в дверном проеме демон. — Ты не в праве его трогать!

Фагор хмыкнул и от души пнул на половину трансформировавшегося оборотня в челюсть. Кан отлетел в сторону сада, переломав куст смородины, затих. Инесса закричала, но когда попыталась выйти за круг, демон пихнул обратно, обронив:

— Стой там. Инквизитор спятил. Обоих вас прикончит.

Улыбка Фагора растянулась, усмехнулся:

— Мне не нужна эта шваль, я ждал твоего брата. Но и ты сойдешь. Иди сюда!

Фагор скинул пальто и поднял второй малый клинок. Оружие, как и цепочка с крестом, засветилось бледно-синим.

Саркон скинул плащ и неспешно натянул черные перчатки. Пальцы загорелись огнем, пламя поползло по ладоням, кистям, обьяло руки. Пылая факелом в ночи демон приготовился к бою.

— К вашим услугам, инквизитор. Мне повернуться спиной, чтобы вам было удобнее повергнуть меня?

— Можешь еще и наклониться, — хмыкнул Фагор.

Оба сблизились на шаг и сорвались в движение. Синие и огненные всполохи поплыли вслед за хозяевами.словно яркий взрыв ослепил Инессу. Вспышка застыла перед глазами

ярким бликом. Не видно ничего. Только опустившаяся тишина со всех сторон.

Когда глаза привыкли к темноте, ведьма не увидела ни демона, ни инквизитора. От Кана тоже осталась лишь свежая кровь на поломанных кустах.

Все трое исчезли.

Грустно, по-волчьи, завывали выползшие из конуры собаки. То ли несвойственный собакам Кана вой, то ли осенний холод, но тело Инессы одело мурашками, сковало холодом. Голова закружилась и ведьма упала на колени, отдаваясь боли и слезам. Рука в крови почернела. Приглядевшись, ведьма увидела частицы пепла, который распылил над двором инквизитор.

Глаза ведьмы расширились. Она поняла, что он достал ее.

— Вот и докатилось возмездие, — прошептала Инэсса и прощальный, обреченный крик ведьмы разнесся по деревне.

Печально завывали две осиротевшие собаки во дворе.

* * *

Несколько месяцев назад

Ветви черемухи бились в закрытое окно, напоминая, что за окном свежий воздух и яркое солнце. А здесь, по другую сторону стекла, тяжелый взгляд из-под седых бровей крепко-накрепко держал Юлию в руках ведьмы.

Пронзительные глаза бабки Инэссы сверлили насквозь. Клиентка не смела даже моргнуть. Мысли, и те словно оцепенели, оставив в пустоте. Она ощущала себя расслабленной, словно хлебнула хорошего вина, но странное чувство внутри никак не желало покидать. Оно шептало: "Уходи, Юля. Не надо!" Но девушка старалась загнать чувство поглубже, спрятать. Она приехала за сотни километров не за тем, чтобы отступить. Отличавшаяся решительностью с раннего детства, Юлия сделала выбор и не собиралась идти на попятную.

Давно не молодая женщина напротив клиентки чмокала губами, ни на миг не отводя тяжелого взгляда. Хмурилась. Лицо морщилось, нижняя губа безжалостно жевалась. Ведьма в раздумьях последний раз спросила бесцветным голосом:

— Уверена, милочка? Грех ведь на душу берешь... И я с тобой.

Юлия не смогла сказать ни слова, в ответ только кивнула. Горло пересохло. Едва не закашлялась. Заставила себя собраться с мыслями и кивнула более степенно, уверенно, словно со знанием дела. Надо было хоть как-то показать свое согласие, а то ведьма-колдунья укажет на дверь и сказать будет нечего. Придется уйти с пустыми руками, оставив мужа сопернице без боя.

— Он придет к тебе не по доброй воле. А от неволи, как известно, добра не жди. Беду накликаешь. Человек, когда несвободен, на любое способен, — Ведьма приблизилась, прошептав на самое ухо. — Зверем становится... а то и болеет.

Юлия сглотнула. Но горло настолько пересохло, что это простое действие принесло боль.

— Еще раз спрашиваю, ты уверена? — Переспросила строгая женщина. Показался нижний клык. При разговоре он не был заметен, но сейчас Юля едва не вздрогнула.

Ругая саму себя, клиента сорвалась на крик:

— Плевать! Лишь бы Алексей Иванович стал моим. А так все острые углы сглажу.

Жизнь наладится, заживем как люди... Только не ей! Жена его шлюха, каких свет не видел! Она его не достойна!

— Дело твое... — протянула колдунья и тихонько добавила. — Все легкой жизни ищите? Да не бывает в жизни пряников, коли сама не испечешь. Ни болезни, ни горе вас не страшит, коли все и сразу заполучить хотите.

Колдунья отвела тяжелый взгляд, медленно встала из-за стола и ушла в другую комнату. Оттуда послышалась возня, шум посуды. Запахло кислым. Даже немного закружилась голова. Но Юлия лишь облегченно вздохнула. Хоть какой-то перерыв. А то прямо бежать хочется. Бежать без оглядки из этого жуткого домика на окраине села. И зачем сюда из райцентра приехала? Там, что ли, бабок-шептуний нет? В газетных объявлениях их пруд пруди. Выбирай, какая поближе. Так нет же, потянуло подальше. Чем дальше, тем вроде бы лучше.

— Ну вот, милочка, — бабка Инэсса выросла перед глазами и протянула маленький пузырек. — Хочешь, подсыпь в еду на работе, а хочешь — на фотографию посыпь. Только, чур, чтобы фотография одиночная была. А то, не дай бог... И смотри, чем больше сыпешь, тем сильнее приворот. Не переборщи, а то беда будет. Заболеет страшной болезнью, а то и с ума сойдет.

Юлия схватила пузырек, как манну небесную. Не считая, протянула крупные купюры. Зарабатывала она хорошо. В этом от Алексея Ивановича толк как от начальника был не малый. Но то, что на соблазнение не шел — этого она ему простить не могла.

Подскочив, Юля поблагодарила старушку и поспешила к дверям. Скорее! Скорее покинуть это место. Лишь бы больше не отвечать на вопросы бабки и не видеть ее глаз. Они зрят насквозь и хотят отговорить от задуманного.

— Помни! Грех на душу берешь, — догнали ее слова ведьмы уже на пороге, но Юлия лишь ускорила шаг, практически убегая от старого, ветхого дома.

Центральная улица... дорога, вдоль которой выросла и сама деревня... рейсовый автобус и путь домой. Все как в тумане. Дорога пролетела незаметно. Само время промелькнуло словно на перемотке. Пара часов тряски и вот он автовокзал. Такси... Домой прилетела как на крыльях. Не разуваясь, прошла в спальню, достала из-под кровати распечатанные фотографии Алексея Ивановича, скачанные с социальных сетей.

Там на заплаканных ее снимках на нее глядит он. Любящий и свой. Родной и любимый. Только почему-то с другой женщиной, с другим ребенком.

— Алекс, ты будешь моим. Моим навсегда! — пробормотала она, как заклятье.

Юлия не стала дожидаться, когда вновь увидит шефа на работе. Печь ему пирог и добавлять зелье туда, потом угощая его одного — это может показаться странным. А ждать его дня рождения, чтобы подарить весь пирог ему сил нет. На полгода ее не хватит. Сейчас! Все должно быть здесь и сейчас! Иначе от жгучей любви и пылающей ревности с ума сойдет.

Из альбома на свет появилась качественная цветная фотография, где возлюбленный стоял на фоне морского заката. Один, как и просила бабка.

— Ты будешь со мной? Будешь!

Плача, ногтем поддернула крышечку бутылка. Он был вроде тех, в которых продают валерьянку. Крышечка, не ломая ногтя, откупорилась легко, улетев прочь под кровать. Тянуться за ней Юлия не стала. Торопливые пальцы уже сыпали черный порошок на фотографию. Все без остатка. Чтобы раз и навсегда, чтобы без обманов, чтобы надежно...

— Он будет моим... Только моим... Навсегда мой... — шептали губы словно в

оправдании дурному поступку.

Слезы брызнули из глаз. Разрыдалась всласть. Переход к смеху был резким. Плач сменился неестественным хохотом. Себя не сдерживала. Сегодня можно. В пустой квартире никого никогда нет, кроме нее... но это ненадолго.

— Все, Алекс, ты будешь моим. Навсегда моим, — прошептала она и улыбнулась. Естественно, по-человечески. Наверное, впервые за долгие месяцы разлуки.

Глаза сонно прикрылись. Юля взобралась на кровать и просто отключилась.

Прошло несколько месяцев. Ничего не изменилось. Юлька прокляла старую бабку за обман и думать о ней забыла, как в одну из ночей звонок мобильного телефона в сумочке заставил открыть глаза. Была уже глубокая ночь. Звонил смартфон настойчиво и не собирался отключаться. Что-то срочное.

— Алло.

— Юля, привет. Ты слышала новость?

Звонила Роксана, давняя и, наверное, единственная оставшаяся подруга, а по совместительству коллега по работе, которая знала про ее любовь все.

— Какого плана новость? Вот у меня новость! Твоя перед ней — чепуха! — едва не взвизгнула девушка, вспомнив все, что проделала наемни.

— Юля, — прервала Роксана. — Ты должна это знать... Алексей Иванович погиб в автокатастрофе... Завтра нерабочий день. Одень черное.

Мир взорвался.

Подбородок затрясся с немим вопросом: "Как?"

— Юлька, маленькая моя, ты только держись там. Его вместе с таксистом под грузовик закинуло. Всмятку. Заместитель сказал, что умер мгновенно.

Юлия сползла с кровати, выронив трубку.

— Юля? Юля?! Ты слышишь? Эй, не бросай трубку... Он же не обращал на тебя внимания... Так ему и надо!

Девушка молча отключила прием. Голова отчаянно кружилась, и так хотелось упасть в спасительное беспамятство. Только кто заметит? Одна в пустой квартире. Одна по жизни.

Телефон зазвонил снова. Сил поднять трубку не осталось, они улетели куда-то вместе с именем возлюбленного. Смартфон обиженно отключился, позволяя Юлии остаться наедине с собственными мыслями. Она почти подумала, что потеряла сознание, но оно никак не собиралось уходить. Жестокий мир не собирался отпускать ее с прикроватного коврика в мир грез. Пришлось перевернуться на спину и просто уставиться в потолок.

Глупо, бессмысленно, больно...

Сколько прошло времени, сказать не могла. Мир для Юлии остановился. Лишь затекший затылок нуждался в смене положения тела, да желудок требовал жидкости. Но зачем это все, когда мир мертв? И она мертва вместе с ним.

— Эх, Алекс, — протянули губы.

— Юлька... — раздался отдаленный, до боли знакомый голос.

Женщина моргнула, дернула головой.

— Ну вот, уже и бредни начинаются...

— Юля-я-я-я, — протянул голос где-то ближе, словно из другой комнаты.

Сердце тревожно забилося и под ложечкой засосало. Краска покинула лицо.

— Юля! Я здесь... — раздалось за спиной.

Юлия закричала, резко повернулась. Но за спиной лишь коврик, только сильно

ударилась головой о край кровати. По лбу потекла теплая струйка. Тяжелые капли разбились о пол. Непривычно багровые на фоне светлого пола, вызывающие тошноту.

— Юля! Ты хотела меня? Я здесь! — издевался голос из ниоткуда. Он словно звучал в голове. — Мы теперь всегда будем рядом!

Девушка вскочила, выбежала на кухню, схватила с полки кухонный тесак для рубки мяса и неумело замахала перед собой. Глаза залепило потоками крови с разбитого лба, погрузив и без того мрачный мир перед рассветом в розовый цвет.

— Не подходи! Слышишь? Не смей!

Странный смех прокатился по кухне, раздаваясь отовсюду:

— В чем дело? Ты боишься? Не бойся. Мы всегда будем рядом! Ты ведь этого хотела? Я тебя теперь не покину! Ты меня привязала к себе, тупая ты тварь! Ты со свету сжила! Я тебе это все припомню! Прямо сейчас за все ответишь!

— Нет!!! — Юлия побежала в коридор, закрыв глаза и выставив тесак перед собой, словно прорывалась сквозь толпу врагов. Неустойчивая, скользкая подошва обуви скользнула, и руки рефлексивно выбросились вперед, защищая голову.

Тесак провернулся в нетвердой ладони, полоснул по коже и женщина покатила по полу, прижимая руки к горлу... и оставляя за собой кровавый след.

— Вот видишь, Юля. Я же говорил. Мы всегда будем вместе. Ты ведь этого хотела? — раздалось в голове. — Иди же в мои объятия. Я покажу тебе какой ад может устроить человек, которого разлучили с собственным сыном.

— НЕЕЕТ!

Кровь быстро переполнила горло, легкие не получали необходимого воздуха. Юлия умирала, захлебываясь. Алексей Иванович стоял перед глазами и улыбался.

— Грех ведь на душу берешь, — эхом раздалось в голове последнее предложение ведьмы.

* * *

Много лет назад

Сумерки напозлали неспешно. Солнце спряталось за серой пеленой облаков, не собираясь показываться до следующего дня. Воздух пропитался сыростью, дышать приходилось почти что паром, легкие то и дело хрипели от конденсата, словно вокруг стоял сплошной туман. Духота и слабость проникали в каждую клеточку мощного звериного тела. Оно то и дело настойчиво требовало жидкости. Или лучше кровавого мяса, которое вернее прибавит сил. И отдыха. Завалиться на пару дней в сырой землянке на любимом камне и хорошенько проспать — самое то.

Николай шагал по лесу, как всегда, молча. Белые, как первый снег, зубы были крепко стиснуты. Губы сжаты в плотную линию. Лишь резцы немного торчали из-под верхней губы, почти как у волка.

Но новый хозяин леса не был волком. Он был человеком. До той поры, пока его не стали бояться даже волки.

Слух уловил дальний приглушенный шум борьбы. На периферии зрения мелькнула смазанная картина возни в кустах. Стоило повернуться и приглядеться сквозь листву, как узрел кровавую битву Бурого медведя с диким кабаном. Бились на смерть — медведь

оголодал по весне, а кабан защищал потомство. Никто не отступит.

Медведь когтистой лапой подранил кабана, тот ярился, стараясь подцепить на клыки или пнуть копытом. Но больше рычал, фыркал, истекая кровью и теряя силы с каждым мгновением. А косолапый близко не подходил, ждал момента, когда добыча совсем ослабеет, чтобы вторым мощным ударом довершить битву и вдоволь полакомится еще живым теплым мясом.

Зима была лютой, долгой. Звери проснулись отощавшими, готовыми драться с кем угодно за любую пищу, чтобы набраться сил. Слабые долго не живут.

Хозяин леса выхватил из-за пояса широкий охотничий нож, затаился за деревом, ожидая развязки — он за зиму потерял сил не меньше. Тоже надо восстанавливать.

Медведь, тем временем, молниеносно метнулся к кабанчику — те, кто думают, что медведь неповоротлив и неуклюж, нередко оказываются мертвы. Николаю это с детства привил отец, который сам всю жизнь прожил в тайге.

Косолапый быстро настиг жертву и мощной пятерней со смертоносными когтями легко разорвал толстую кожу до кости. Следующим ударом медведь буквально вдавил вепря в землю. На спине кабана остались глубокие раны, жилы и кости торчали наружу. Кабан захрипел, попытался отползти, оставляя на земле кровавую полосу, но лишь больше разъярил медведя. Запах внутренностей и крови пропитал окрестности, вызвав неподдельный интерес хищников со всей округе. Но как только звери чуяли рядом с добычей запах медведя, спешили прочь, поджав хвосты. С мохнатым хозяином леса мало кто брался сражаться. Но Николай имел свое мнение насчет первенства в тайге.

Нож послушно лег в ладонь. Бывший человек, уже не таясь, вышел на полянку, где происходила битва. Вышел, чтобы принять полноценное участие. Медведь лениво повернулся: "Кто там такой смелый?". Пасть угрожающе оскалилась, тяжелые желтые капли упали с клыков, и оглушающий рык прокатился по поляне. Трехсоткилограммовая туша поднялась вертикально, раскинув передние лапы. Защищал добычу.

Лесной человек недобро усмехнулся, расправляя плечи. Глаза налились кровью, свирепел, разгоняя кровь по жилам быстрее, заставляя сердце биться в состоянии "охотника".

— Ты охотился на моей территории! — Голос истинного хозяина леса прокатился по поляне густой и мощный, полный уверенности и скрытой силы. Голос повелителя. Не подлого охотника с двуствольным ружьем и запасом патронов, а равного по силе медведю... Зверя!

Медведь замахал перед собой передними лапами с когтями с палец человека. С оскаленной пасти продолжала капать слюна. Уже приготовился есть, а тут такая досада... Но ничего, он голодный, может съесть и этого двуногого. Он ведь грозиться отобрать добычу. Закон тайги суров: кто пытается лишить добычи — сам становится добычей. Двуногого на поляну не звали. Сам пришел.

Мясо лишним не будет.

Глаза зверчеловека блеснули, нижняя челюсть выдвинулась, обнажая зубы. Они если и поменьше медвежьих, то никак не уступают по остроте. То, что раньше было резцами, стало клыками. Бывший человек медленно пошел навстречу медведю, раздвигая массивные, как скалы, плечи. Руки напряглись, под кожей обрисовались бугры, переместились к спине, под старую одежду, что когда-то была шкурой волку-одиночке, спустились к ногам.

Истинный Хозяин леса, с шестнадцати лет породнившийся с тайгой, приготовился к

битве. Оба сошлись посредине поляны, оба под две сажени ростом, с угрожающе взлохмаченной бурой и русой шерстью. И если бы рядом был какой-нибудь посторонний наблюдатель, то он вряд ли определил бы, кто из зверей зарос больше: медведь или лесной человек.

Медведь не напал сразу, выжидал. Хозяин убрал нож в грубые ножны за пояс. Мохнатый в его глазах предлагал сначала помериться силами — стоял на задних лапах, раскинув передние, так же, как человек. Что-что, а повадки звериные Кан давно изучил, знал все на зубок.

Тяжелые длани обоих легли на плечи друг другу одновременно. Оба напряглись. Ноги словно вросли в землю. Мать-земля и лес давали силы обоим. Лицо бывшего человека напряглось, скулы заострились, белки покрылись красными сетями. Глаза запылали гневом, и белки почти превратились в сплошной кровоподтек — лапы медведя сдавили, словно в тисках.

Медведь, не в силах опрокинуть двуного сразу, попытался куснуть за ухо. Зубы клацнули в каком-то сантиметре. Но лохматый чудик успел отдернуть голову. Горячая пахучая слюна медведя закапала на длинные густые лохмы лесного человека, что вместе с бородой давно сплелись в одно целое. Вряд ли можно было сказать, где одно переходит в другое. Бывший человек зарычал, совсем как зверь, подсек ногу медведя и резко толкнул назад и чуть в бок. Косолапый повалился на спину, странный человек придавил сверху, уступая в весе не намного. В руке безумца блеснул острый нож — поборол честно, теперь можно! — и вонзился в горло медведя.

Медведь взвыл, булькая кровью. Огромная пятерня ударила по плечу человека. Зверочеловек отлетел, перекувыркнулся, но тут же подскочил. Готов был снова броситься в бой, хоть и дышал тяжело, а в глазах плавали черные мухи от усталости.

Медведь катался по земле, пытаясь подцепить острую железку, но этот зазубренный кусок металла выпадать не спешил, перекрыл кислород. В тщетных попытках глотнуть воздуха зверь лишь заливал всю поляну густой багровой кровью, пока не свалился без сил. Вскоре зверь затих.

Победный возглас нового хозяина тайги прокатился по лесу, вспугнув птиц в кустах. Заставил тревожно прислушаться хищников рангом поменьше. Размеренно, как и подобает Хозяину, зверочеловек подошел к поверженной добыче, пнул для проверки, но мохнатый зверь больше не дергался.

Одним рывком Николай извлек из горла нож, медленно облизал тягучие капли с острия и со всей силы вонзил кусок заточенной стали в грудь туши. Чуть выше области сердца. Оно еще стучит. В нем вся сила медведя.

Через минуту стараний Истинный Хозяин леса уже вонзался зубами в сырое, теплое, еще трепещущее сердце. По лицу стекали красные дорожки, капали с пальцев, но зверочеловек не обращал внимания. Только вспоминал, как десятки лет назад еще жарил мясо, печень и сердце на огне, пользовался спичками, солью.

Как давно это было?

Сначала кончилась соль, потом спички, а к людям возвращаться не хотелось. Не хотелось даже на короткий миг. Просто в один момент осознал, что ничего от людей больше ему не требуется. Раньше охотился с ружьем, потом с луком, как предки. А когда осознал, что в беге не уступает зверю, оставил лишь нож. Раньше боролся со зверьем рогатинами, потом первый раз схлестнулся с медведем врукопашную и... победил. Как и сегодня.

Единственное, что оставил от прошлого, — это кусок заточенной стали и умение шить одежду. Ногтями потрошить зверей неудобно, а острое железо подходит для этого лучше всего.

После сердца настала очередь печени. Хозяин вонзился зубами в сочную нежную мякоть. Только после этой небольшой трапезы притупился голод, и он немного осоловелым взглядом обвел поляну. Тушу медведя пришлось подтащить к дереву, прикопать. Сейчас есть не хочется, да и медвежье мясо пока слишком сладкое, а вот через пару дней устроит себе праздник, наестся про запас, будет копить жир, отъедаться. Хоть и протухнет немного. Не чистое оно. Но в том и весь смысл для зверочеловека.

Тушку кабанчика Николай без видимых усилий подхватил на плечо и размеренным шагом поспешил вдоль зарослей кустарника к себе домой — в зимнюю берлогу. Зимовку бывший человек соорудил в первые годы добровольного отшельничества в лесной глуши. Сюда ушел от людских забот, когда отошел к предкам последний близкий человек — мать. Первое время пытался оставаться среди людей, недаром слыл лучшим охотником среди всех ближайших весей, но не мог убивать ради продажи, только ради прокорма. Когда охотился в лесу, поймал себя на том, что не может убивать не в равных условиях. Когда же стал охотиться голыми руками, люди начали коситься... Пришлось уйти.

Первые пять лет еще чувствовал себя человеком, мог вернуться, если бы захотел, но причины не видел. Лес с каждым днем открывал новые тайны, давал силы, да такие, что не всякий зверь мог оспорить его право жизни в лесу. А за следующие пять лет понял, что уже и не человек вроде, да и имя потонуло в трясине памяти, как лишняя загвоздка. Лес принял его как родного, как первых людей, что жили без отрыва от природы. Силы росли с каждым днем. Хозяин леса понимал, что становится зверем, но ничего менять не собирался. Никакой больше зверь не был в силах противостоять ему в новом облики.

Людей Николай стал сторониться, избегать, забираясь все дальше в глушь тайги. В один из дней перед ним в глуши лесной возникло странное существо. Николай сразу понял, что рогатый человек и не человек вовсе. Красная кожа его была неестественно загорелой, глаза горели чернотой. Он представился Аргону и предложил до конца породниться с лесом. Николай был не против. Годы брали свое и он не мог постоянно быть умней волчьей стаи или бегать быстрее лося.

Дух леса или сам демон протянул ему флягу и сказал:

— Испив это, станешь зверем. Равным тебе не будет ни в лесу, ни за его пределами. Годы твои отступят.

Николай принял флягу, понюхал дурно пахнущее зелье и сморщился.

— Меда не предлагаю, — протянул Аргону. — Но уже с первым глотком сменишь облик и имя.

— Имя?

Демон кивнул и исчез. Николай повертел в руках флягу, прислушался к звукам леса и одним залпом осушил ее всю. Затем упал без сил. Очнулся с косматой головой и долго смотрел на лапы, которые стали вместо рук. Он почувствовал тысячи оттенков запаха. Ветер принес то, что не могло рассказать зрение за километры вокруг. Вдруг осознал, что способен понимать язык зверей и птиц. Вскоре не сильно удивился, что способен не только понять, но и ответить... так, чтобы поняли.

Бывший человек принял законы леса, став самым лютым зверем. Его охотничьих угодий десятилетиями избегали любые хищники от волков до тигров. Лишь единичные смельчаки,

толкаемые голодом, вроде медведя, забредали в район его обитания. Но обратно не возвращались. Ведь Хозяин леса никому не прощал ошибок.

Тушка кабанчика заняла место на широком камне у землянки. Хозяин собирался было начать трапезу, как вдруг обостренный слух уловил вдалеке отзвуки выстрелов. Верхняя губа непроизвольно задралась, обнажая клык. Хищная ухмылка стала оскалом.

Люди забрели на его тропы! Богат сегодня день на улов.

Он давно не считал себя человеком. Лес рассказал ему, что люди давно отринули природу. Но не ушли далеко от нее, а стали вредить тайге изо всех сил. Хозяин и сам видел, как руки людей уничтожали молодые деревья под корень, как живые реки становились мертвыми лужами, как загрязнялся воздух, как беднел и обливался слезами сам лес. Духи тайги молили людей не вредить природе, но человек брал все лучшее и уходил, ничего не оставляя взамен. Человек не оставлял даже времени, чтобы лес сам смог исцелить раны. И лес попросил защиты. У него, бывшего человека, но ныне прозревшего.

И Хозяин леса по собственной воле стал пресекать вторжение людей на подвластные ему территории. Пресекать без предупреждений. И чем больше Хозяин защищал, тем больше лес давал ему сил.

Тушу кабана пришлось бросить на камень, не освежевав. Защитник резво, по-звериному, выскочил из землянки. Застыл перед входом, прислушиваясь и стараясь ощутить чужеродный запах. Духи леса дремали и ничего путного подсказать не могли. Сам лес только просыпался от зимней спячки и был лишком слаб, чтобы спугнуть непрошенных гостей.

Долго ждать новых звуков не пришлось. Километрах в десяти от Защитника снова послышался выстрел. Старые уловки с лесным эхом давно не проходили. Слух не подводил. Зверочеловек мог четко определять точное направление и расстояние до источника шума, будь то грызущая орешки белка в дупле или схватка оленей у шумной горной реки.

Николай помчался к цели быстрее любого из лесных жителей, казалось, ноги несут его над травяным ковром, как ветер — пылинку. Человек умнее животного. Животное сильнее человека. А зверочеловек был и тем, и другим! Меняя облик по своему желанию.

Ощущение присутствия пятерых охотников пришло раньше, чем острый взор увидел их сквозь ветки кустарника. Обоняние помогало воспринимать мир иногда даже лучше, чем зрение. Ведь новое зрение давало картинку лишь на двести шестьдесят градусов, а новое обоняние рисовало всю картину окружающего мира целиком.

Охотники ворвались в лес за добычей. Но лес никого не звал.

Чужаки.

"Хозяин", — послышался слабый шепот тайги.

"Слышу", — ответил зверочеловек и приблизился к заступившим черту.

В тот день Николай впервые убил людей и окончательно перестал быть человеком. Аргону явился к подопечному незамедлительно.

— Теперь ты полностью сменил имя, оборотень. Отныне ты Кан. И служишь нашей семье.

— Я не собираюсь никому служить, — обронил верфольф.

Аргону ухмыльнулся и Кана скрутила судорога от боли.

— Станешь. Ты испил нашей крови.

— Ты обманул меня!

— Ты сам хотел силы. Никто не дает силу просто так. Хватит дурить, Кан! Вставай!

Довольно прохладиться в лесу. Есть немало интересных дел среди людей.

Наше время

Шеф сидел на мягком стуле в персональном кабинете. Прямо напротив входа. Взгляд блуждал под потолком. Строгий костюм, галстук, дорогие туфли. Привычный бизнес-стиль. Застегнута даже последняя пуговица. Лишь беспроводные наушники на ушах совсем не для телефона. Слышался не голос партнеров по бизнесу, а тяжелые гитарные рифы. Жека не слишком разбирался, предпочитая более спокойную музыку.

Босс чуть повернулся, на несколько секунд остановившись взглядом на подчиненном — волосы взлохмачены, небрит, разве что смотрится свежо, улыбка до ушей и глаза светятся. Сделав для себя несколько выводов, начальник хмыкнул и, убрав один наушник, рявкнул:

— А, Мирянов? Катись туда, откуда пришел! Ты уволен!

Евгений ожидал выговора, тройной нагрузки, понижения зарплаты... но чтобы сразу увольнять? За что, за три взятых отгула впервые за долгие годы каторжной работы? Перебор!

Мирянов, вместо того, чтобы привычно склонить голову и тихо выйти вон, как делал всегда после нелегкой беседы с шефом, прошел к столу и бесцеремонно плюхнулся на стул. Это был обычный жесткий стул без колесиков, такой, чтобы каждый сидящий в нем ощущал неудобство и превосходство начальства. Кресло шефа было выше. Босс возвышался на полголовы над подчиненными, сам будучи по жизни человеком небольшого роста. Принцип доминирования начальства над подчиненными работал везде.

Евгений требовательно забарабанил пальцами по столу. Шеф нехотя стянул второй наушник, набрал в грудь побольше воздуха для новой тирады. Но, встретив решимость в лице моментального ставшего бывшим сотрудником, сразу орать не стал, а прошипел сквозь зубы:

— Ну, чего тебе, Мирянов?

— Евгений Александрович Мирянов, — почему-то поправил Жека. Надоела постоянная фамильярность начальника. Еще хмурая погода давила на голову и приключения последних ночей говорили, что в жизни пора что-то менять. Кардинально.

"Почему Сергей не позволил себе этих изменений? Почему умер из-за этого тирана в кресле?! Босс сидит здесь в теплом, хорошо освещенном кабинете. Спокоен и сдержан. Смотрит сквозь стеклянную стену на город свысока и понятия не имеет, что за пазухой у Жеки меч ангела, а по городу гуляют такие существа, которых и людьми-то назвать сложно. Совсем не всевидящий! Не всемогущий! Напыщенное ничтожество с раздутым самомнением, ничего не знающее о мире за пределами кабинета, за пределами компании. Так почему, Сергей, ты жизнь свою оценил ниже амбиций этого существа?" — мелькнуло в голове.

— Чего?! — повысил голос шеф в ответ на высказывание бывшего подчиненного.

— **ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ МИРЯНОВ!!!** — рявкнул взбешенный Жека.

Гнев на несправедливость, копившийся несколько лет, выплеснулся наружу. Шесть из восьми лампочек над головой взорвались, осколки посыпались на стол и на голову босса.

На полминуты кабинет погрузился в тишину. Не слышно было даже дыхания, словно его перехватило сразу у обоих. Шок.

Странное состояние прервал лишь старый мобильный Мирянова, запиликавший под

пальто.

— Да? — ответил Евгений, с улыбкой наблюдая за побледневшим шефом, который хватал ртом воздух.

— Привет, дракоша, — донесся голос Карины. Вампиресса была навеселе, голос звенел. — Я встретила Макса. Ну, ведьмак который. Он может с тобой поговорить. Хочешь подъехать сегодня? Я тоже там буду.

— Конечно.

— Записывай адрес.

— На память не жалуясь. Я запомню.

Карина продиктовала адрес. На душе вдруг стало легко и уютно, тело переполнило энергией, остро захотелось мгновенных действий. Евгений подскочил со стула, резво обогнул стол и, встав позади начальника, опустил руки на плечи. Вроде легко и подружески, но сидящий в кресле как удар ощутил. По костям словно волна боли прошла, а кожу обожгло.

Шеф взвыл.

— Я уйду, товарищ экзекутор, — Жека склонился к самому уху начальника и громко, отчетливо прошептал. — Но ты мне заплатишь. ЗА ВСЁ! За каждый сверхурочный час, что я на тебя ишачил эти семь лет! И семье Сергея ты похороны тоже оплатишь! Он на тебя пахал без отпусков! Из-за тебя он сгорел на работе!

Последние две лампочки взорвались, разбрасывая осколки по столу. Шеф ощутил холодок в груди. Руки вдруг заledenели, и плечи невольно передернуло. Неприятная волна прошла по телу, и сердце дико затрепетало. И тут шеф поступил единственно верно: дрожащими руками взял свой пижонский "Паркер" с золотым пером и чековую книжку.

— О, нет. Наличными, шеф. Наличными, — твердо добавил Евгений, припоминая, что с мечом в банк не попасть. Сложно будет объяснить охране, что топорщится под плащом. Конфискация в лучшем случае. Лишние проблемы ни к чему.

— В бухгалтерию. Там все... выдадут, — выдал из себя бывший начальник. — Я распоряжусь.

— И мне не придется возвращаться? Никаких проблем не будет? Если надеешься на охрану, то зря. Они тоже люди.

— Не придется. Не будет. — Как во сне повторил босс. Все что угодно, лишь бы этот обновленный Мирянов ушел. В размеренной жизни, в которую ворвался этот человек, стало вдруг гадко и неуютно. Как будто кто-то кинул камень в болото и пошла волна ряби, а с ней странный запах, который не должен был возникнуть, если бы никто не тревожил покой болота.

Через десять минут Евгений Мирянов вышел из здания компании с сияющей улыбкой. Судя по пачке банкнот, которая уверенно щупала во внутреннем кармане рука, до весны о работе можно было не думать.

Такси домчало до адресата менее чем за час. Стоя у подъезда ведьмака, Жека понятия не имел, чего ожидать от незнакомца, но решительно набрал номер квартиры. Ответила Карина. Уже на месте. Что ж, хоть знакомое лицо поддержит...

— Успокойся, дракон, — бросил с порога вместо приветствия открывший дверь парень. — Просто расслабься. Здесь врагов нет. Не выставляй шипы.

— Да я вроде... спокоен, — слегка растерялся Жека, переступая порог.

— На голову тогда не дави, — скривил губы ведьмак, взявшись за виски. — И так

обновленная Карина полна сюрпризов. Ты еще тут.

— Это не я... это... вне зависимости от меня, — сбивчиво продолжил дракон.

— Контролируй, — стоял на своем ведьмак, теряя терпение.

— Как?

— Не знаю. У нас разные виды деятельности. Сам все поймешь... со временем. Не инквизицию только не нарвись до того, как начнешь все понимать. Одно дело попасться осознанно, совсем другое — по дурацости, по неопытности.

— О, инквизиторы... Видел одного. Интересные ощущения, — припомнил в раздумьях Евгений.

Ведьмак изменился в лице, кожа на лице побледнела.

— Уже нарвался?

Карина появилась за плечами хмурого ведьмака, обхватила того за шею.

— Ну что ты его терроризируешь с порога? А чаем напоить прежде? Ты бы в первый день своей инициации увидел демоноборца, месяц бы отходил. Так что знакомьтесь и в зал к столику, а я пока бутербродов к чаю сделаю. Кстати, повстречались мы не с кем-нибудь, а с твоим отцом. Так себе встреча, скажу я тебе, Максимушка.

Казалось, брови парня улетят под потолок.

— Он в порядке?

— Более-менее. Дерганый какой-то, — ответил Мирянов.

Ведьмак тяжело выдохнул и протянул руку:

— Что ж, рад знакомству. Я — Максим.

Евгений ощутил крепкое рукопожатие. Помимо силы в нем было что-то еще. По ладони прошло ощущение щекотки. Словно кто-то нежно водил пальцем по чувствительной коже.

— Жека, — буркнул дракон.

— Что ж ты, Жека, с Кариной-то сделал? Я ее узнать не могу. Изменилась вся. Как другой человек. — Укорил ведьмак, одаря понимающей усмешкой.

— Да как-то само вышло, — признался Евгений. — Может из-за моей странной энергии.

— Я все слышу! — Донеслось из кухни. — Нечего там на меня наговаривать! Я хорошая!

— А ты не слушай! — крикнул через плечо Макс. — Пойдем в зал, поговорить надо. Понимаешь, у меня вообще странная семья: мать эльфийка, отец инквизитор, сестра полуэльфийка. И все куда-то запропастились. Не могу никого найти. Хоть хомяка заводи.

— Они с малым сроком годности, — вставил дракон.

— Твой жил бы лет десять, — с ходу оценил объем энергии дракона ведьмак.

Рассевшись за чайным столиком, разговор продолжился.

— Понимаешь... с Кариной что-то не так.

— Совсем не так? — Осторожно спросил Жека, понятия не имея, какая она была раньше.

— Совсем, — согласился Макс. — Она от меня полностью закрылась. С чего началось?

— С Протоатома? — Попытался пошутить Жека.

— Не умничай, — отдернул ведьмак. — С отца все началось. Месяц назад он потерял близкого друга. С тех пор он сам не свой.

— Друга?

— Хорошего друга... сослуживца.

— Что же случилось?

— Инквизитор обратился в демона. Отцу пришлось добить обращенную оболочку. Невероятно сильную. Из инквизиторов такие демоны получаются, что рота инквизиторов не справляется. Приходится использовать артефакты из спецхранилища.

— А что значит добить оболочку?

— Уничтожить то, что осталось от тела, когда оно лишилось души.

Карина, сияя как новогодняя елка, принесла поднос с едой. За бутербродами с чаем разговор пошел проще. Жека, слово за словом, выуживал из Макса всю доступную ему информацию о людях-драконах, инквизиции, вампирах, современных ведьмах и многом другом. Ведьмак в перерывах между потоком вопросов для порядка уточнял об артефакте ангела, не переставая разглядывать сияющий меч, который лежал на коленях Евгения. Нечасто такое увидишь. А касаться его и вовсе не хотелось.

Вопросов было приблизительно один к десяти в пользу дракона. Ведьмак таял под их мощным напором. Под шуточки и поправки Карины выдавал все, о чем бы ни спросил инициированный. Рад бы и сам рассказать, да одним из законов равновесия предусмотрено лишь отвечать на заданные вопросы. Нет вопроса — нет ответа. Но вопросы продолжались, а сил на вразумительные ответы было все меньше и меньше... Любознательный дракон и не понимал, что некоторые ответы приходится брать из тонкого мира. Это обогащало так же и самого Максима.

Часы летели незаметно. В какой-то момент ведьмак ощутил неприятное давление на голову.

— Так, тихо всем.

В дверь позвонили.

Искоса глянув на дракона — к его неуправляемым всплескам энергии постепенно привык — отметил, что давление создает не гость. За дверью стояли гости незваные. Они знали о присутствии в квартире странной для людей компании.

— Не открывай, — встрепелась Карина.

— Должен, — вздохнул ведьмак. — Я как бы под наблюдением.

— Пусть в следующий раз придут.

— Ты разве что-то натворила?

— Нет, я примерная, дальше прямо некуда. Но эти найдут, за что зацепиться... Они всегда находят.

Жека посмотрел по очереди на обоих, подметил:

— А в чем, собственно, дело? Мне спрятать меч? Или так сойдет?

— От них бесполезно, — ответил ведьмак — Ощущают все мощное в районе квартала. Ты не исключение. Так что придется открывать. А железяку при себе держи. И не отдавай ни за что, — Макс поднялся и исчез в коридоре. Послышались звуки возни с входной дверью.

Карина примостилась рядом с Жекой, обхватила за руку. Меч пришлось острием упереть в ковер, руки дракона на всякий случай остались на рукояти.

Трое в просторных плащах появились в зале, не разуваясь. Глаза цепкие, глубокие. Жека будто удар хлыстом ощутил. Гости сразу оценили обстановку, мгновенно выявив для себя в комнате основные детали и источники ощущаемых сил.

Новым бесцеремонным гостям в спину долетели слова Макса:

— Я не буду заставлять вас мыть полы, если скажете, где Иришка. Про отца и мать

вообще молчу. Или тоже знаете? Тогда расклад другой — вам не придется на обратном пути выносить мусор. А то на кухне целых три пакета накопилось.

Средний инквизитор, пропустив сказанное мимо ушей, скупно обронил, мельком глянув на девушку:

— Брысь. Разговор не для твоих ушей.

— Ой-ой-ой, какие мы все манерные, — хмыкнула Карина и медленно, грациозно поднялась с дивана.

— Стой. — Обронил инквизитор, приблизившись к девушке. — Ты... закрыта. — Человек достал медальон на шее из-под рубахи. Тот ярко светился. — Демон!

Евгений и сам не понял, как быстро Карина схватила его руку с мечом. В девушке оказалось столько силы. Клинок просто в один момент подлетел от пола и вонзился в грудь среднего инквизитора. Двое других отреагировали мгновенно — один инквизитор пнул Евгения в грудь так, что тот отлетел к окну, сорвав гардину со шторами и переломив деревянный подоконник, а другой вонзил пару серебряных мечей в грудь Карины.

По подбородку девушки потекли две алые струйки. Но она лишь улыбнулась. Глаза полыхнули черным светом и свет исчез. Покинутое тело свалилось на палас, заливая его кровью.

— Карина! — Ведьмак бросился к заколотой подруге.

— Какая к черту Карина?! — Рывкнул тот инквизитор, который приговорил Икзара к изгнанию с тела. — Ты, ведьмак, совсем ослеп? Демона от подруги отличить не можешь?!

— Я... понимал, что что-то не то. Она закрылась.

Евгений, по сути сломав подоконник спиной, с кряхтеньем приходил в себя. Инквизитор, который приложил его одним ударом, извлек меч из груди напарника и поднес к глазам человека.

— Где ты взял меч ангела?

Евгений ощутил на себе пристальное внимание всех троих уцелевших в комнате. На себе и мече. Рассматривание себя он бы еще простил, но меч!

— Ангел обронила.

— Обронила? Это была девушка?

— Да.

Двое инквизиторов переглянулись.

— Люция. Ведьма-воительница. Группа АиД. — Сказал один. — Она одна в городе с ярко выраженными женскими формами.

— По слухам, Аргону закололи подобным мечом. — Добавил второй. — Думаешь, совпадение?

— Учитывая, как ловко демон играла рукой дракона, не думаю.

— Пойдите. Люция? Ангела звали Люция? — Евгений с кряхтеньем поднялся. — Я должен найти ее!

— Ты на ногах еле держишься, — остепенил один из инквизиторов. Второй все больше смотрел на притихшего ведьмака, склонившегося над телом бывшей подруги.

— Я в порядке, — обронил Евгений. Представив образ защитного шара и погрузившись в него, дракон нарастил его вокруг себя, полностью изолировавшись от энергетических покушений. Получилась не полная сфера. Она по ощущения не давала стопроцентной защиты, но и связи тела с землей и космосом не прерывала. Человек ощутил, как быстро восстанавливает свои силы.

Старший в группе инквизитор, тот, что пнул Мирянова в грудь, хмыкнув, произнес басовитым голосом:

— Умнеешь, дракон-оруженосец. И чей? Самого ангела! Такого на моей памяти еще не случилось. Да и от братьев ни о чем подобном не слышал. Но зачем тебе Люция?

— Вернуть меч. — Тут же соврал Мирянов. Рассказывать о своих чувствах первым встречным он не собирался.

Макс схватился за голову, застонав:

— Ох и надоели же вы мне все! Убирайтесь!

Второй инквизитор склонился над ведьмаком, покачал головой.

— Из-за того, что ты не увидел демона, слабак, ты и потерял подругу, а мы товарища. А теперь мы никуда не уйдем. Надо избавиться от тел, найти твоего спятившего отца и допросить ангела. Ты пойдешь с нами как свидетель.

— Либо так, либо у инквизиции будут к тебе претензии, — добавил старший в группе.

Максим с ненавистью посмотрел на обоих, перевел взгляд на растерянного дракона. Тот не знал, что делать, но изо всех сил хотелось уцепиться за возможность найти своего ангела и рассказать ей обо всех вспыхнувших чувствах.

— Рекомый Максимом, — обратился меж тем к ведьмаку старший инквизитор. — Орден намерен предложить тебе временно занять место отца. Работы много и пока окончательно не решится вопрос с Фагором, ты будешь отчасти выполнять его функции.

— Где сестренка? — Макс аж привстал, подходя к говорившему вплотную, лицо побагровело, зубы были стиснуты. Намерения его явно читались на лице, а вот сил для осуществления было мало.

— Рекомая Ириной у нас. Так постановил орден. — Ответил инквизитор, выдержав уничтожающий взгляд ведьмака.

— Нет, — ответил Максим.

— Отказ от работы не принимается, — добавил инквизитор. И ведьмак, всегда считавший, что не восприимчив к магии, обмяк.

Старший инквизитор подхватил ведьмака на плечо, вышел в коридор. Тот, который остался, чутко посмотрел на дракона и сухо обронил:

— Я служу 20 лет. Поверь мне, я знаю, как убивать драконов. Так что у тебя есть выбор. Помочь нам и найти своего ангела или броситься на меня с мечом и отправиться к демонам в гости.

Вначале Евгений хотел спросить неожиданного собеседника о типах драконов, с которыми он встречался. Но посмотрев на заколотую девушку, которой вместо обряда экзорцизма досталась смерть, неожиданно для самого себя сказал:

— Этот инквизитор служил столько же? Хватило одного удара.

Инквизитор необычайно резко для человека приблизился, схватив за шиворот и резко тряхнул. Меч с ножнами звякнул о линолеум.

— Слушай меня, сосунок. Заворачиваешь тело девушку в ковер и несешь к машине у подъезда. Я точно так же делаю с товарищем. Взглядом со встречными людьми не встречайся. Не запомнят. А насчет дерзости и непослушания поговорим после... если доживешь, конечно.

Инквизитор швырнул Мирянов на пол, как лист смахнул с руки. И Евгений понял, что внешность инквизиторов обманчива. Жека подскочил, подхватив меч и забормотал:

— Я понял все. Со мной проблем не будет.

— Умница, — холодно отрезал палач Карины и подняв без видимых усилий товарища, понес в соседнюю комнату.

Дракон остался один на один с мертвой девушкой. Глядя на остывающее тело и пару дырок в груди, которые остались от ножей, он никак не мог понять, что чувствует. Все ощущения словно высосали пылесосом. А мир вокруг был как будто в дымке. Только от удара ли это о подоконник случилось или при присутствии инквизиторов всегда так, Евгений предпочел не думать.

Он не первый раз видел мертвое тело. Случалось присутствовать на похоронах и служить в армии водителем, при случае таская гробы с грузом двести, но вот заворачивать тело в ковер еще не приходилось.

— А что с Максимом будет?

— К нему у инквизиции претензий нет. Как и к спокойным драконам, — донеслось с комнаты. Инквизитор показался в коридоре с товарищем через плечо, уже завернутым в покрывало. — Драконы мало восприимчивы к слабой магии, но в арсенале ордена и на ваши души средств хватает. Не глупи и с твоим другом все будет в порядке. А для тебя есть другая работа. Инквизиция намерена предложить тебе сыграть и свою роль. У тебя есть время на один вопрос, у меня есть время на один ответ. В твоём случае это не обязательство. Я не обязан отвечать, но предоставляю тебе поблажку.

— Я увижу ангела? — только и спросил Жека.

— Не исключено, — спокойно ответил старший инквизитор.

— Тогда я согласен поработать драконом на благо ордена, — твердо решил Евгений.

— Мудрое решение, — ответил инквизитор. — Возможно, оно сохранит тебе жизнь.

— Очень на это надеюсь, — ухмыльнулся Мирянов, надеясь тем самым сблизиться с инквизитором хоть на полпальца. Или это неудачная идея? Закатав тело в ковер, человек поднял его на плечо как инквизиторы и попытался идти. Без видимых усилий все же не получалось.

— Я точно белый дракон? — На всякий случай спросил Жека.

— Я говорил лишь об одном вопросе. — Напомнил инквизитор.

— Я отработаю. Обещаю.

Инквизитор уже а лестничной площадке бросил через плечо:

— Никогда не делай 4 вещи, инициированный: не слушай нечисть и нежить, не спорь с представителями баланса, не надейся на людей и не давай обещаний инквизиции.

Жека кивнул. Похоже, за последние сутки он нарушил все эти неписанные правила. Но это лишь для того, чтобы найти своего любимого ангела!

* * *

Надмирье

— Мы разочарованы в тебе, Люция, — Алрониил нависал над ангелом нерушимой скалой. Расправив могучие проявленные крылья, архангел довлел над нижестоящей, позволяя в полной мере подопечной ощущать свою ничтожную по сравнению с ним силу.

Небесный куратор-доминатор не приглушал своего света. Свет иного мира с непривычки слепил. Слишком много времени ангел проводила в одном из физических миров людей и отвыкла от него. Вызов "на ковер" без адаптационного периода, когда не дано время

на очищение, был весьма болезнен для нее. Информационная грязь, собранная в физическом мире, ощущалась на всем живом существе ангела. Из отдаленных аналогов этому ощущению для человека можно было бы привести разве что нестерпимый зуд кожи.

— Я поступила так, как посчитала нужным, — выдавила из себя Люция.

Скрывать мысли все равно было бессмысленно. Для покровителя она была как на ладони. Ничего не утаить. И она не из того типа ангелов, которые слепо следовали указаниям свыше, как сотворенные. Она была самостоятельна настолько, насколько дозволено было тем, кто родился человеком.

— Если каждый ангел начнет действовать, как ему вздумается, баланс сил пошатнется и рухнет. Ты была не вправе вмешиваться в дела этих людей, — на предпоследнем слове архангел сделал ударение.

— Стихийник вспыхнул любовью. Я не могла игнорировать этот свет.

— Где твой второй меч, своевольница? — спокойно поинтересовался покровитель, отбивая любое желание к дальнейшему сопротивлению.

— Я... я не знаю. Из памяти вырван этот кусок, — бунтарский дух мигом ослабел, крыть было нечем. Оружие и впрямь просто исчезло. А оружие такого уровня просто так пропасть не могло. Оно уже наверняка наследило в Энрофе.

Давление света усилилось. Зуд стал таким, что захотелось снять кожу.

— Ты попала под влияние демона?! — полуутвердительно-полувопросительно обрушил на голову архангел.

От слов куратора нематериальное тело вздрогнуло. Волна искажения на миг разрушила контуры ангела. Люция на миг ощутила, что значит раствориться. Снова архангел показал, что может разрушить ее в один момент.

— Я? Нет.

— Твоим мечом был убит брат Саркона. Аргону.

— Моим? Но как же так? — Неуверенно ответила ангел.

— Нами принято решение о запрещении вашей совместной работы. Отныне и навсегда! — добил Алрониил. — Вы слишком влияете друг на друга.

Эти слова причинили вполне понятную, знакомую физическую боль. Разве что совсем несвойственную этому высшему миру. Последнее слово застыло в сознании, воспроизводимое им снова и снова.

— Саркон ни при чем! — сделала попытку отбиться ангел. — Это я потеряла меч!

— Ты доверилась демону, и пошла чередой ошибок! Ты не ангел нареченного Вячеславом! Стихийник должен был поплатиться за ошибки прошлого! — продолжал добивать архангел, непременно усиливая давление.

Сражаясь с собой, Люция подбирала слова. В сознании все путалось, мысли смешивались, нужный энергетический настрой никак не появлялся. Не за что было зацепиться. Не было опорной точки, на которую она могла рассчитывать. Такое уже было когда-то, сотни лет назад, когда тоже перестала разбираться в ситуации и решила... измениться, услышав зов Глубинного Я.

— Тебе держать ответ за свои действия!

Медленно, тщательно подбирая слова, ангел заговорила:

— Люди всегда совершали ошибки. Это не в их первоначальной сути, но таковы условия обитания их мира. Они даже миф о первородном грехе придумали, оправдывая свой мир. Но как мы можем называться хранителями, если не смеем давать им шансов?

Алрониил молчал недолго. Вновь меткая фраза пронзила насквозь:

— Ты называешься хранителем, но меч твой сверкает чаще крыльев. Драки преследуют тебя! Разве это суть ангела? Ты атакуешь, а не защищаешь! Поэтому меч твой без сомнения сразил демона, который соблюдал все условия Договора.

— Я не причем! — вспыхнула Люция слабым отблеском света. Скорее, огненного, нежели ангельского, и это не укрылось от глаз архангела.

— Раз ты любишь решать дела в битве, то... зачем тебе крылья? Я забираю твои крылья до тех пор, пока не переосмыслишь свое поведение. В тебе пылает огонь демона. Соседство с напарником сказывается. Мы ошиблись, позволив вам быть вместе так долго.

— Но какой я ангел без крыльев? — убито проговорила Люция. Вместо повышения, на которое так надеялась, заработала наказание. Инициатива наказуема не только в мире людей.

— Серый... — начал неспешно куратор. — Отныне ты серый ангел. Ты не сможешь остаться в этом мире. Тебе придется поселиться в человеке. Найди подходящее тело, душа в котором вопит о помощи. Ты поселишься там с разрешения хозяина.

Люция усмехнулась и буркнула, больше ни на что особо не надеясь:

— Сотни лет служения перечеркнули несколько месяцев работы с демоном? В этом вся моя провинность? Мы плохо выполняли нужную обоим лагерям работу? Мы отказывались от работы? Мы проваливали задания?

— Довольно! До этого я сомневался, но теперь ясно вижу... Люция! Ты заблудилась в понимании служения! Тебе надо время, чтобы разобраться. Проведи его с пользой и гордыня твоя умерится!

— Возможно, и заблудилась. Но я не жалею о свершенном! Мы все делали правильно! Я тоже все делала правильно! Мне не о чем жалеть!

— Ты говоришь словами Падшего! — от архангела повеяло неприкрытой тоской в словах.

— Легко ронять. Но вот помочь подняться... — Люция подняла взор и нашла в себе силы заглянуть в глаза куратора. — Алрониил, почему ты не даешь мне подняться?

В следующий момент сияющий мир перестал удерживать ее, и Люция ощутила падение. Право свободного выбора тела ушло вместе с последними роковыми словами.

* * *

Антимир

— Как ты посмел поднять руку на брата? И ради кого? Ради ангела! АНГЕЛА! Ты совсем разума лишился? — Зар, как исполняющий обязанности отца в его отсутствие, положил тяжелую руку на рог Саркона.

Одно движение кисти и младший брат лишится чести. Лишь то обстоятельство, что ломающего рывка не последовало сразу, говорило, что есть шанс оправдаться. Только ответы должны быть подходящими... Подходящими для всей семьи.

— Она мой напарник, — просто ответил Саркон, уже не уверенный ни в чем. Он видел как пронзил меч спину его брата. — Стоит найти более подходящие доводы, чтобы у демона можно было отобрать рог. Икзар влез на нашу территорию и получил по заслугам.

— Только ли в этом дело? — громыхнул рядом тучный брат Моса. Рожденный в одно

время с Заром и Валкаром, он проиграл в поединке обоим, но после трагической гибели второго брата, сам стал вторым.

Моса оказался второй надеждой отца на престолонаследие. Официально... если бы не лишний вес, насчет которого шутили все демоны Антимира, у него мог быть шанс. А так из-за излишков жира он слишком боялся огня. Демон, боящийся огня был позором семьи. Потому Моса и не пытался обогнать Зара. Но к более низшим по положению братьям относился с презрением, как и подобает демонам.

— Она мой... симпатичный напарник, — твердо продолжил склонивший голову перед старшими в семье демон. — Низший не смеет брать то, что мое.

— И что ты творишь с этим напарником? — Хохотнул пылающий огнем Икзар. Самый младший из выводка шестерых наследников. После падения Валкара и убийства Аргону стал четвертым.

Быстрое продвижение по карьерной лестнице.

— Не твое дело, падаль, — вслух ответил Саркон, давая себе дополнительное время на размышление. Подумать бы про себя, закрывшись от всех, но старший велел открыться или откроет сам. Вскроет грубо и неприятно, как консервную банку кухонный нож. А там и не остывшие, странные чувства к ангелу всплывут.

— Чего ты не понял?! — вспыхнул Икзар. — Кто ради ангела готов пронзить мечом брата? Саркон! Кто выполняет задания в угоду Небу? Снова Саркон! Кто самое ничтожное существо в аду, которое не сумело прикрыть спину нашему брату? Тоже выходит Саркон? Аргону пал. А тебе дали одно единственное задание — убережь оборотня Кана. И что? Самому Зару пришлось вмешаться!

— Он прав, — подтвердил Зар. — Ты не смог спасти оборотня. Мне пришлось вмешаться и отбросить инквизитора. Он неадекватен, но орден пока не лишил его статуса. Нам припомнят этот случай при любом удобном моменте. Ты подставил семью под удар.

— Как бы я мог справиться с инквизитором?! — запротестовал обвиняемый. — Эти существа в Энрофе под силу разве что тебе, Зар.

Тактика восхваления старшего не прошла. Моса хмыкнул, давая понять, что задет. Зар тут же вцепился в слова.

— И где же был напарник, чтобы поддержать тебя в битве?

— Она... ушла, — сорвалось с губ Саркона прежде, чем понял, что любой ответ обернется против него. Оправдания для демона — уже позор, а если их еще можно оспорить, то позор вдвойне, втройне. Десятки гвоздей в крышку гроба, как сказали бы люди.

Зар все же отпустил рог, но тут же обхватил мощной дланью за шею и поднял на вытянутой руке. Саркон почти заставил себя не делать никаких попыток к сопротивлению. Против старшего брата это все равно бессмысленно, а дать повод — быть разбитым прежде, чем докажет правоту.

— Ничтожество! — хрипло произнес Зар, не дождавшись сопротивления. Швырнул на черную, обожженную землю безвольной тряпкой. Сила падения была дополнена *намерением* старшего демона. Саркон не смог сгруппироваться и рухнул тяжело, неуклюже. Нелепо и обидно для демона. Обвиняемый пылающими глазами исподлобья окинул взглядом всех братьев... но среди них не было Аргону. Защитить было некому.

— Мы все ослепли, когда на кладбище открылся портал, забравший жизнь нашего брата. Но Кан сказал, что почувствовал знакомый запах. Портал был открыт в мире Энрофа, но пахло серой.

— Саркон, — предостерегающим тоном начал Икзар. — Не делай последней ошибки.

— Доказать? — переспросил Сар. — Только ты из нашей семьи помимо меня бродишь по Энрофу! Ты, Икзар, был при странной смерти Валкара с некромантом рядом. Ты ненавидел Аргону за людские личины. Я уверен, только ты и никто иной поспособствовал смерти Аргону!

— Чего?! — голос младшего брата был полон негодования. — Я — что? Поспособствовал смерти нашего брата? Да ты видно умом тронулся! Ты ответишь за свои слова перед светом Сефирота, выродок!

— Это серьезное обвинение, Саркон, — спокойно добавил Моса. — Ты сможешь доказать его?

— Сейчас... нет, — убито произнес демон после тяжелых, бесконечно долгих секунд размышления.

— Пахнуть серой мог любой демон. Не только наша семья имеет доступ к Энрофу. — Спокойно добавил Зар и замолчал на несколько секунд. Самых длинных за всю прожитую жизнь Саркона.

Икзар оскалился. Брат допустил грубейшую, непоправимую ошибку. Даже не вызов на бой, правом на который обладал, он выдвинул обвинение без доказательств. И кому? Члену семьи!

— Лучше бы ты сам обломал себе рога. — Донеслось от Икзара.

— Довольно! — Голос старшего демона прокатился по просторам ада. — Близость с ангелом испортила тебя, Саркон. Икзар, властью данной мне отцом, я позволяю тебе самому сломать ему рога. Исполни наказание!

— С превеликим удовольствием! — Подскочил Икзар. — Не зря же отец подарил мне крылья.

Слишком быстрый переход от негодования к злорадству на лице Икзара был бы замечен любому существу. Но каждый из демонов имел свою причину уничтожить брата. Сколько за столетия накопилось претензий? Не счесть. Кому еще предъявлять, как не члену семьи, претендующему на твое место в иерархии? Так думал Зар, Моса и конечно же Икзар.

— Не-е-ет! — закричал Саркон, стараясь подняться. Пресс сил Зара придавил к земле могильной плитой. — Только не он!

— Пусть твое бесчестие будет для тебя уроком! — добавил голосом, не терпящим возражений, Зар. — Именем отца нашего!

— Я отрекаюсь от вас, братья! — закричал изо всех сил бывший напарник ангела. — **ОТРЕКАЮСЬ!!!**

Саркон невольно царапнул гранит, оставив след от когтей, но ничего уже не мог поделывать — вот и последний гвоздь. Теперь нет возврата. Произошло худшее из возможного.

Зар тихо произнес в сгустившейся тишине:

— Тогда теперь мы враги.

Икзар приблизился к поверженному брату и с величайшим злорадством один за другим обломал все три рога.

Так вместо одного рога Саркон потерял все знаки отличия и чести у семьи и антимира. Но не гнев, а дикая боль пронзила поверженного демона. Словно болела та самая несуществующая душа, которая дана людям. Незримая рука схватила за горло, словно Зар все еще сжимал когти на его шее и стало тяжело дышать.

— В следующую нашу встречу я убью тебя! — произнес напоследок Зар бывшему брату

и открыл портал.

Изгнанный демон почувствовал нечто очень похожее на смерть.

Энроф

Небо над городом снова затянуло свинцовыми тучами. Ветер стих и облака закрыли светило, показывая лишь его бледные слепящие контуры.

— М-да, осень в этом году холодная. Я и лета не видела. Бледная, как поганка. Так и не загорела, — щебетала под ухом высокого парня Ленка. Вдвоем с Мизраэлем рука под руку они и шагали по шумным улицам, продираясь сквозь потоки людей.

Ленка не знала его реального имени, как впрочем, и места, где он живет. Для нее он всегда был лишь безликим Мизраэлем с именем то ли в честь ангела, то ли демона. Она не очень-то разбиралась в этих мистических делах, раскидывая лишь изредка карты Таро, да гадая раз в год на суженого, как многие девчонки. Но он был красив — это главное. Любила до безумия! Вот что важно. И ведь было за что — длинные смуглые волосы, сильный, высокий, стройный, глаза с черными линзами. То ли для зрения, то ли для вида. Скорее, второе. Вдобавок, Мизраэль умел говорить те слова, которые она хотела услышать от своего парня. Знал, как угодить. Хороший психолог легко завоевал сердце девушки.

— Никакая ты не поганка. Ты моя снежная королева. Сверкаешь гранями бриллианта, а твои глаза светятся для меня, как два самых ярких солнца на свете, — привычно сказал Мизраэль, лишь для приличия — как показалось Ленке — смазано улыбнувшись...

Он появился в ее жизни совсем неожиданно. Лена, даже если бы захотела, не смогла бы вспомнить при каких обстоятельствах. Помнила лишь, что зашла в метро одна, а вышли они уже вдвоем.

Он возник словно ниоткуда, сразу захватив разум и влюбив в себя без памяти. Бледный шатен в строго черной кожаной одежде, солнцезащитных очках и со странным перевернутым крестом на шее. То ли египетский знак смерти, то ли сатанинское распятие. Ленка приняла это за обычный виток субкультуры. Ничего странного, ведь она очень надеялась отвадить его от подобных увлечений.

Искренне надеялась.

Он засыпал комплиментами, дарил дорогие черные розы и позволял изливать проблемную душу подростка ему, человеку опытному, много повидавшему. Не даром же он старше на целых пять лет. Хотя, где работает после института, не говорил. Ловко уводил разговор в сторону.

Ленка, как и любая девушка-тинейджер, находилась в поиске собственного жизненного пути. Миллионы фрагментов огромной мозаики мироздания терзали развивающийся разум вопросами. Возможно, не совсем стандартными для ее сверстников: жизнь, смерть, карма, Творец, Бог, боги, силы, магия, развитие и деградация, ступени силы и поиски учителя. Искренне хотелось найти человека, который мог бы объяснить хоть что-то из "тайной стороны жизни". Наверное, именно за такого учителя она и приняла Мизраэля. Из потока слов о демонах, четырех темных духах, падших ангелах и древних заклинаниях она пыталась выбрать те крупинки, которые действительно были ей интересны. Старалась разобраться в самой себе, пропуская мимо ушей все более явные намеки на то, что Мизраэль — сатанист.

— Ты действительно любишь солнце? — вывел из размышления резкий вопрос Мизраэля.

Ленка приподняла голову, разглядывая унылые серые тучи, уверенно кивнула:

— Да, я дите света.

На секунду показалось, что по лицу Мизраэля прошла судорога, но людская волна, вышедшая из метро, отвлекла внимание, Лена заставила себя забыть об увиденном.

— А я люблю именно такую погоду, — через силу ответил Мизраэль.

В подтверждение его слов тучи словно еще больше сгустились, почернели, грозя городу неизбежной молнией и проливным дождем. Зябкий ветер пронзил насквозь, заставив прижаться к спутнику поближе.

Мизраэль украдкой усмехнулся, уверенной походкой ведя ее через турникеты. Мгновения спустя они ехали в электричке.

В виски Елены застучало. Давление упало. Абитуриентку словно придавило плитой. Состояние организма неуклонно вело к обмороку, перед глазами поплыли белые мухи, которые совсем скоро станут черными, пока эта чернота не затмит все сознание целиком.

Так всегда происходило, когда она находилась с Мизраэлем более чем час...

— Выходим. Наша остановка, — бросил он совсем зло, как будто каждое слово давалось с трудом...

Ленка почувствовала себя маленькой и никому ненужной. Ее собственное "я", словно стерли в порошок. Оно стало меньше горошины. Ноги передвигались нехотя, липкий, противный страх поднимался от ступней к бедрам, выше, колот в груди, сдавливал сердце. Да так, что стало трудно дышать.

Мизраэль вел ее по длинным улицам. Уже почти бежал, нетерпеливо подгоняя Ленку всякий раз, когда она спотыкалась или пыталась замедлить ход. Он уже не пробовал выглядеть добрым или говорить что-то ласковое, лишь изредка бормотал, словно не слыша себя:

— Они ждут... ждут... Ты должна... Ждут...

Ленка прекратила что-либо понимать. Она и себя-то не слышала, шла за ним по незнакомому району и понимала, что не сможет сказать "нет" или просто уйти. Она целиком и полностью в его власти. Он ее хозяин и господин. Она одна в этом огромном мире. Испуганный, безвольный и загипнотизированный зайчонок покорно брел в логово волка.

Улицы пустыли. Незнакомые окраины заводили во все большую глушь. Дорога из асфальтированной превратилась в грунтовую, затем в едва различимую тропу. Ленка вдруг осознала себя стоящей возле какого-то старого двухэтажного дома. Ветхого и серого. В голове прокрутились образы мамы, папы, братика.

"Но ведь он меня любит! — пролетела маленькая искорка надежды. — Значит, ничего плохого мне не сделает?.."

Протест души разбился на осколки.

Мизраэль отпер замки и завел в дом. Под потолком слабо горела мутная лампочка. Того, что она высветила, оказалось достаточно, чтобы Лену с ног до головы покрыл холодный пот, а зрачки расширились от ужаса. По всей комнате в беспорядке валялись черные и багрово-красные книги в старых переплетах. На полу красной краской — краской ли? — были нарисованы различные пентаграммы. Воск расплылся там, где когда-то стояли свечи. В центре комнаты расположилось нечто похожее на алтарь, только с ремнями для...

рук и ног! Обилие запахов било по обонянию, и душа всеми фибрами просила немедленно покинуть это тоскливое, обреченное место.

"Домой, домой, домой!" — стучало в голове, но она не могла даже открыть рта, чтобы что-то сказать.

Сердце забилося мощно и часто. Сильные руки Мизраэля, словно во сне сорвали куртку, растерзали топик. Слезы полились по щекам Ленки произвольно. Губы горячо зашептали о пощаде осипшим голосом.

Мизраэль лишь рассмеялся. Тяжелая пощечина прилетела от возлюбленного совершенно неожиданно, погрузив в какое-то состояние ступора — ни слез, ни мыслей, только тяжелый мерзкий страх, держащий в состоянии кошмара, от которого невозможно проснуться.

Цепкие руки схватили за волосы. Мизраэль оскалился странной улыбкой. Глаза фанатично вспыхнули. Так могут смотреть только одержимые.

Он речитативом забормотал имена демонов, делая ударения на каких-то особенных словах. Руки и ноги Лены привязал ремнями к алтарю. Самодельные узы больно впились в запястья и лодыжки. Слезы вновь полились по щекам. Парень одним махом сорвал юбку, затем, высунув язык, и нижнее белье.

Лене было уже все равно. Ее только что уничтожили изнутри. Странная любовь привела к гибели, так ничего и не объяснив. Ни ответов, ни понимания... ответы оказались не здесь.

Мизраэль, брызжа слюной и сверкая глазами, повторял раз за разом имена дьявола, демонов и злых духов. Лена отключилась, провалившись в спасительное забытие. Ужас и шок сделали свое дело. Но пробывла она в беспомощности совсем не долго. Очнувшись оттого, что сатанист тыкал ее в ребра рукояткой странного на вид ножа: черного, со звездами и чем-то вроде иероглифов вдоль рукояти. В его глазах уже не осталось прежнего человека, который говорил комплименты и помогал разобраться в жизни. Перед ней стоял фанатик, готовый на все.

— Очнись. Ты должна увидеть свою смерть. Сейчас ты попадешь к Владыке! Вопи Кричи! Ему нужна твоя боль, твой страх и твоя вера в него! Моли его!

Лена попыталась что-то ответить, но из горла послышался лишь натужный то ли хрип, то ли вой. Сердце сильно и больно кольнуло в груди.

Сатанист оскалился и перехватил нож для удара. Один удар... затем он закопает ее на заднем дворе. Как и семерых простушек-девчушек до нее.

— УМРИ!!! — заорал Мизраэль.

— Нет! — Выдавила из себя Ленка и зажмурилась...

Девушка не видела, как серая стальная полоска пролетела по комнате и воткнулась чуть ниже шеи мучителя. Лезвие угодило точно в цель. Стремительная фигура в два прыжка преодолела комнату и в молниеносном броске перехватила руку сатаниста. Палач с ножом в горле больше не боец, но на прощание может заколоть девчонку чисто по инерции.

Жилистая рука схватила Мизраэля за длинные волосы и швырнула на пол. Лена открыла глаза, вскрикнула. Уже словно во сне наблюдала, как незнакомец выдернул нож из шеи сатаниста и перерезал ей пути. В один момент откуда-то появилось серая мантия, которая укутала ее с ног до головы.

Незнакомец подхватил Елену на руки, и собрался было уходить, когда предсмертный вопрос догнал у дверей:

— Ты... тоже сатанист? — просипел Мизраэль едва слышно своему палачу.

Лена видела, как горящие глаза незнакомца вспыхнули внутренним светом. Он остановился, и не оборачиваясь, ответил:

— Я ведьмак. Просто с кадрами дефицит. Приходится выполнять грязную работу за отца.

— Охотник за... сатанистами? — Выдавил из себя Мизраэль.

Максим нехотя повернулся:

— Нелегальными. Понимаешь, одно дело действовать от имени кого-то, когда приносишь жертву во благо какого-то эгрегора, совсем другое — думать, что действуешь так. А на самом деле трудиться на себя, в свое удовольствие. Так вот, ты действовал только лишь в угоду собственным ощущениям. Так что можешь умирать спокойно, к демонам ты не имеешь никакого отношения. Там и объяснишь, почему ты третий нарушитель за две недели, охотящийся без лицензии. Отвечать за чертой перед своим новым хозяином будешь строго. Незнание не освобождает от ответственности.

Предсмертный вскрик Мизраэля был совсем тихий, но послышался Лене музыкой сердца.

Максим вышел из ритуальной комнаты, опуская девушку на ноги уже во дворе. Предстояло вернуться за остатками одежды. Возможно, хоть что-то уцелело. А то где ей новую искать? Не оставишь же одну больше, чем на минуту. И так еда от шеи удалось отцепить. В состоянии шока — и всего боится. И ее можно понять. Не каждый день возлюбленные на тот свет отправить пытаются.

— Ты куда? Не оставляй меня.

— Спокойно, спокойно. Я тут. Далеко не уйду.

Новая работа ведьмаку не то, чтобы нравилась, но были в двухнедельной беготне за отступниками от законов и свои плюсы. Спасение красивых девушек, например. В конце концов, если их не спасти, то никогда не увидит сестру Иришку. А за сестренку стоило побороться, побегать, попрыгать. Даже убивать научился. С гарантией, что инквизиция смоем кровь с рук. Как и в случае с ведьмами.

К инквизиторам претензий не было. Наводили всегда точно. Но вот вместо того, чтобы дать сестренку в напарницы — как ходили на ведьм прежде — молчаливые братья ордена использовали ее для каких-то своих дел. Возможно, как наживку для отца. Они никогда не объясняли своих поступков. И всю работу после целеуказания приходилось делать одному. Правда как — это уже было на совести ведьмака. Руки в этом плане были развязаны.

Макс вернулся из дома с одеждой, оставшейся по всей видимости от других жертв. Натянул на девушку майку, куртку и джинсы. Кроссовки оказались не по размеру. Ну да ничего, до электрички хватит. Проводит, а дальше пусть сама. По пути не ответит ни на один вопрос. На свои бы кто ответил.

Максим знал точно только одно: если ведьмаку разрешили быть инквизитором, значит, это кому-то нужно.

— Спасибо, — бросила на прощанье Ленка. — Что мне сделать, чтобы отблагодарить тебя?

Макс пожал плечами. Хорошие мысли всегда приходят позже.

— Спаси кого-нибудь тоже. А вместо того, чтобы искать себе учителей, попроси у неба ангела-хранителя. — И растворился в толпе.

Елена кивнула и прошептала:

— Уже прислали.

Люция раскинулась на кровати, ощущая, как легкие разъедает болезнь. Горы антибиотиков, которые в панике напринимала хозяйка тела, не спасали. Температура росла, силы таяли, и конец казался близок.

Урезанные до предела возможности ангела позволяли ощутить всю глубину скинутой на тело энергетической грязи, но пройтись по нитям и узнать адресата уже не получалось. Выходило, что в теле девушки Люцию заперли без надежды на спасение. И наведенное проклятье медленно, но верно подтачивало изнутри, высасывая силы человека словно пылесосом.

А вместе с человеком в этой физической тюрьме умирала и ангел.

Всего пара дней минула, как поселилась в теле, излечивая израненную сложной жизнью девичью душу. Но чьи-то злые помыслы уже обрушили на голову этой самой девушки незаслуженное наказание. Настолько незаслуженное, что оставалось только удивляться. Но пока закон равновесия — деяние-ответ — разберется, сколько пройдет времени? День? Неделя? Месяц? Год?

Люция не знала ответа. А силы заканчивались сейчас. Таяли от температуры. Организм человека понятия не имел, откуда на него посыпались все эти воспаления, усталость, боль... Следствие энергетического обезвоживания. Забитые черным намерением главные энергоцентры тела не в состоянии брать всю необходимую для жизни энергию только лишь из пищи. И Солнца, как назло, в городе мало. Осень — природа готовится к зиме, погружаясь в спячку. Не даст сил.

Люция устало вздохнула вместе с человеком. Ладно бы просто грязь в теле. Ее недолго почистить даже простому человеку. Но она беспрерывно сыплется новыми порциями. Мироздание слепо полагает, что обладатель тела проклят за самые жуткие дела и валит на голову одну проблему за другой, всячески стараясь изничтожить источник нестабильности. Ведь убийство — самый тяжкий грех. Всякий убийца безвинной души будет наказан. Это понимают даже те, кто пропагандирует лишение жизни ежедневно всеми доступными способами от средств массовой информации и "безобидных" развлечений до воинственных религиозных сект и конфессий. Лозунгов много: "убей или будешь убит", "убей ради... чего? Развлечения, свободы, выгоды, наживы. Навскидку.

В итоге лишь тяжелая расплата для бессмертной души.

Люция тяжело поднялась. Сил в теле оставалось немного, кружилась голова, и руки-ноги казались ватными.

— Ничего, Светик. Выдержим. Нам главное продержаться, а так кто-нибудь обратит внимание на несправедливость раньше, чем долго бредущий закон возмездия вашего мира.

Светлана в теле никак не отреагировала на поддержку ангела. Она уже два дня как полностью отдала владение телом ангельскому существу и никак не проявляла себя, не вступая даже в диалог. Просто забилась в дальний угол сознания, смирившись со всем. Давно привыкла, что жизнь к ней несправедлива. А раз так, то зачем и дальше продолжать бороться? Сломалась... Светлая полоса в лице поддержки ангела кончилась так же быстро, как и началась. Надежда на прекрасное испарилась раньше, чем она в нее поверила. Так подло — дать и сразу отнять.

Надежда на мир с мирозданием ломает быстрее постоянного ощущения борьбы.

— Выйдем на улицу, что ли, прогуляемся, — не сдавалась Люция, заставляя тело двигаться. Непослушные слабые руки так долго натягивали колготки, кофту, сапоги, плащ... На прическу и косметику, коим женщины этого мира уделяют пристальное внимание, сил не хватило.

Бледная и изможденная болезнью, награжденная изношенным телом, лишенная обоих мечей, ангел вышла на ветреную улицу.

Умирать надо в дороге. Смерть в пути — меньше, что могла себе позволить ангел. И надежда на лучшее упрямо теплилась где-то внутри самой души Люции.

* * *

Из трех существ в автомобиле дракону Евгению была милей всех пассажирка, сидящая рядом на заднем сиденье. Веселая, бодрая, озорная. Она словно сияла солнцем, которого большая нехватка в городе. Не чета немому водителю и инквизитору, который достался в компаньоны.

Ни имен, ни званий, ни понимания. Орден немногословен и полон тайн.

Мирянов присмотрелся в зеркало заднего виденья. Водитель на человека был похож лишь внешне. Так — робот себе и робот. Крутит втихомолку баранку. Правда, ведет автомобиль осторожно. Соблюдает все, до последнего, правила. Дважды проехали посты ДПС. Зубы инспекторов скрипят, но остановить не за что.

— Две недели меня заставили сидеть дома без объяснения причин. Разве что на кладбище на похороны друга отпустили. И то под конвоем. Но почему вы теперь выхватываете и везете неизвестно куда в такой спешке? — Спросил Евгений.

Инквизитор проигнорировал вопрос. Вполне в его духе.

— Ты хоть один сидел. Мне пришлось с братьями по ордену находиться. Разговаривал когда-нибудь со стеной? — Добавила Иришка.

— Где еще найти лучшего слушателя? — Невольно улыбнулся Жека. Сложно было поддерживать хмурое настроение, когда рядом находилась эта веснушчатая "батарея света".

— Просто сделай свое дело, дракон, — впервые за весь час поездки произнес инквизитор.

— Да чего сделать-то? — Буркнул Жека. — Выдайте информацию. А то едем куда-то сделать что-то, а что и не знаем.

— Там и узнаешь, — был ответ.

— Где — там?

— На месте.

Иришка хохотнула, вызвав новую улыбку. Голос не то, чтобы тонкий, но нежный, звенящий. В голове всплыл образ весеннего ручейка. Даже в груди потеплело.

— Да бесполезно. Один — искусственное существо — "кадавр" с программой, второй — верный исполнитель воли ордена. Это как банкомат упрашивать дать денег взаймы. Пока карточку не предъявишь — не ответит.

Жека по старой привычке погладил меч под полый плаща.

Иришка заметила бледный свет лезвия и моментально сама вспыхнула интересом.

— О, меч. Можно посмотреть?

— Смотри, — Мирянов, особо не раздумывая, достал меч и положил на колени. Только так, чтобы и край лезвия не касался пассажирки.

Глаза Иришки засияли изумрудами.

— А потрогать можно?

Жека почему-то готов был даже подарить меч, сделать все, что угодно, лишь бы ей было приятно. С улыбкой вспомнил слова ведьмака о магии очарования. Стопроцентно про нее. Укорил себя за поспешные желания и попытался более взвешенно относиться к собеседнице.

"Так это если меня полуэльфийка так легко на меч ангела разводит, то на что способна ее мать? Которая вроде как полноценная эльфийка. И банкомат уговорит денег дать?"

Разглядывая сгущающиеся тучи за окном, Евгений ответил:

— Лучше не надо. Ведьмак говорил, что этот артефакт не из нашего мира. Я-то вроде как оруженосец, а вот как он к тебе отнесется — большой вопрос. Его даже инквизиторы бояться касаться. Похоже, это единственное, чего они бояться, — последнее сказал с подковыркой, но от инквизитора в ответ ни эмоции.

Зато Иришка изменилась в лице.

— А какой это тебе ведьмак говорил?

— Макс, — ответил дракон.

Показалось, что сами ее веснушки встрепенулись.

— Ты видел Макса?

— Да. Если мы говорим о чернявом, хмуром парне лет двадцати пяти, — добавил Евгений.

— С родинкой на щеке?

— Ага!

— Ха, как тесен мир! — воскликнула Иришка. — Я его родная сестра.

— Так это ты — Ириша?

— Я.

— А я Жека. Меня почему-то чаще драконом в последнее время называют.

— Так бывает, когда ты дракон. Приятно познакомиться.

— Взаимно.

— Ну, хватит там! — неожиданно рявкнул инквизитор.

Переход от дружеского диалога к плети кричащих слов был так резок, словно их окунули в снег нагишом. По вискам ударило странной болью. Не могло же ни с того ни с сего подняться давление само? Не могло! Нужна причина. И она была на переднем сиденье.

— Чего молчать-то? Гармонию пространства нарушаем? — поддела Иришка, с обидой потирая виски.

— Вы же все равно молчите. С вас слова не вытянуть. Так что мы вместо радио, — добавил Жека, так же потирая виски. Меч держать перестал.

Инквизитор, не отстегивая ремня безопасности, повернулся насколько смог и более спокойным голосом продолжил, обращаясь к Иришке:

— Просто замолчите! Оба! Нити вероятностей читать мешаете своими энерго-всплесками! Светитесь, как прожекторы в темноте!

Под колеса машины выскочила кошка. Водитель резко затормозил, заметив мелькнувшую расплывчатую тень в самый последний момент... Мирянов грудью ощутил кресло, на собственном опыте постигая, как вышибает дух. Меч, до этого момента спокойно лежащий на руках, пронзил кресло, спину инквизитора, прошел тело насквозь и вылетел

через переднее стекло, разрезая все на своем пути. По окончании полета небесный артефакт воткнулся острием в асфальт на дороге и застыл, как меч короля Артура в древнем камне.

Пассажиров подбросило. Ирина, не слишком близко сидящая к своей двери, задела кресло плечом и по инерции вылетела вслед за мечом через выбитое стекло. Грудную клетку кадавра-водителя раздавило о рулевую колонку, пробив осколками ребер легкие и сердце... Мгновенная смерть.

Инквизитор отвлекся, теряя контроль над пространством, и авария в какие-то мгновения забрала две жизни из четырех.

Мгновения хватает, чтобы менять судьбы.

* * *

Вячеслав брел вдоль дороги, слегка покачиваясь. Мутило, накатывала слабость. Частокол деревьев, который отделял его от трассы, охранял пешеходную дорожку от автомобилей. Эта дорожка и завернула его от трассы и повела в аллею парка. Голова немилосердно кружилась, горло сушило, а тело было слабым от температуры. Она держалась уже несколько дней, не спадая. Слабые ноги едва переставлялись. Каждый шаг мог оказаться последним.

Стихийник остро ощущал, что последняя встреча с ангелом не прошла для него даром. Она спасла его, но похоже, враг достал немного раньше. Жизнь в теле стремительно таяла. Небольшие участки природы, разбросанные по разным районам мегаполиса и сейчас засыпающие на зиму, не могли восстановить силы. Соки в деревьях и земле замедляли свой ход. Требовалось длительное время, чтобы собрать необходимое количество энергии у засыпающей природы. А жизнь утекала сейчас.

Смерть ждать не будет. С ней нельзя договориться. Вскоре переход.

— Но еще рано! Еще так рано! Иришка же только повстречалась! ИРИЩА!!!

Ее имя звучало в мозгу громче всех мыслей вместе взятых.

— Нельзя так... Нельзя, — шептали обветренные губы. — Это неправильно. Мне ангел не позволил умереть. Как сам себе могу позволить я? Что я... против воли ангела пойду? Против воли Неба? Должно быть, у них на меня свои планы, раз позволили жить. Второй шанс, который я так просто упущу? Ни за что! Жизнь! Не утекай сквозь пальцы. Мне столько еще всего надо сделать. Я должен жить... должен!

Сотовый Иришки молчал вторую неделю. Горечь в сердце стихийника вполне соответствовала желанию покинуть мир. Но и жить надо было. Жить как прежде. Чем-то же раньше жил... Чем? Где те якоря, за которые можно цепляться, чтобы существовать? Нет? Не может быть... Неужели и впрямь просто существовал?

Слезы стояли в глазах мужчины, но по щекам бежать отказывались. Вячеслав застыл между "да" и "нет" в растерянности, не понимая, зачем вообще выбирать. Чем больше копался в мыслях, тем больше осознавал, что перестал понимать окружающий мир. Исчезла какая-то очень важная деталька, ключик. Отмычка от всех дверей. Теперь все вокруг казалось закрытым, эфемерным, несуществующим.

Как можно исчезнуть после той вспышки света, что между ними произошла? Это же была любовь. Любовь с первого взгляда! Взрыв чувств, ощущений, накал эмоций, от которого оба вспыхнули костром и... сгорели? Огонь душ был так всепоглощающ, что не

осталось и пепла?

Тогда и самому стоило превратиться в пепел! Это лучше, чем умирать долгие томительные часы в истощении. А какая смерть может быть более желанной для стихийника, чем удар молнией? Гнев богов — самое то. Та самая вспышка света, что, возможно, не оставит и пепла. Если убрать все заземление.

И все последние внутренние силы Вячеслав обратил к небу.

Последняя гроза в этом году будет с таким громом, что не один мужик перекрестится.

* * *

Несколько минут назад.

— Сейчас!!! — закричала Багира, просчитав нити вероятностей и выделив наиболее подходящий момент для Влияния. Тот самый золотой миг, когда можно повлиять на ход вещей, был подобран единственно верно. Затем эльфийка бросила на трассу под колеса кошку. Чуткий водитель вдарил по тормозам, послышался визг тормозов и резины по асфальту.

Инквизитор бросился под машину дальше по трассе, в последний момент на лету ловя тело дочери. Иришка прилетела в руки вместе с осколками лобового стекла. Часть их порезала плащ, часть прошлась по лицу, оставляя глубокие раны на щеке. Перед глазами инквизитора мелькнула летящая сверкающая сталь. Фагор воочию ощутил дыхание смерти на расстоянии нескольких сантиметров. Она миновала, улетев дальше на асфальт. Там грозный, смертоносный для него меч воткнулся острием в полотно дороги, хищно блеснув внутренним светом.

Инквизитор на лету подхватил тело дочери, амортизируя полет и гася скорость падения. Адаптированное для самых жутких битв с демонами тело инквизитора пригасило инерцию удара, но выбитого плеча дочери избежать не удалось. Эльфы чуткие, хрупкие создания. И от матери ей передалась эта хрупкость.

Подбежавшая Багира коснулась лба дочери, обхватила щеки, со слезами прижимая к себе.

— С ней все будет в порядке? — спросила мать, хотя прекрасно знала, что отец сделает все и даже больше, чтобы защитить дочь.

— Да, — сухо ответил инквизитор. — Плечо надо только вправить до того, как придет в себя.

— Вправим, — пообещала Багира. — А ты как?

— Я руку сломал... Она летела как пуля, локоть выбило, порвало пару связок. Забери ее. Держать неудобно, сползает.

Мать бережно забрала дочь на руки.

— Руку сломал? Ты последний раз что-то ломал еще в Японии. — Багира перехватила взгляд мужа. — Ты точно в порядке?

— Я не успел повлиять на физику мира для нас обоих. Дочь... важнее, — ответил инквизитор, вытаскивая осколок стекла из скулы. Обагрив пальцы кровью, Фагор принялся вправлять руку. Скривился. Самостоятельно не удалось.

Сил на нормальную регенерацию тканей не хватало. А сращивать кости неправильно не стоило — мороки потом не оберешься.

— Мне нужна помощь.

Глаза Багиры вновь расширились.

— Ты слабеешь?

— Похоже, Орден уже изгнал меня...

Жека в автомобиле закашлялся. Сплюнуть кровь с разбитых губ удалось не сразу. Попробовал вдохнуть поглубже, но в ребрах что-то отозвалось резкой колющей болью.

"Похоже, сломал парочку", — подумал он.

Сильно беспокоила шея. Дотянувшись до нее, Евгений ничего подозрительного не нащупал. Да и как могло быть иначе? Торчащие переломанные кости там достались бы на обозрение разве что патологоанатому или врачам "Скорой помощи". Сам бы уже не ощутил. С шеей особо не пошутишь. Ноги и руки болели от ушибов, но слушались. Это радовало.

"Значит, позвоночник цел", — сделал вывод Мирянов.

Рука потянулась к ручке двери, нащупала что-то мокрое. Приблизив ладонь к лицу, Жека увидел красное. Повернув голову, заметил, что кровь не своя — инквизиторская. Принадлежала тому, кто сидел на переднем сиденье.

"Надо же, — мелькнула невеселая мысль, — тоже красная".

В глазах тем временем помутилось, и Евгений ощутил рвотный позыв.

Сотрясение мозга после аварии никто не отменял. Тело согнуло судорогой. Преодолевая острую боль в ребрах, дракон потянул ручку двери и вывалился на асфальт.

Дикая боль, которая как показалась, заполонила все тело, и непроизвольная рвота измывались над ним целую минуту.

Бесконечно долгу, ужаснейшую в жизни минуту.

Прийти в себя заставил холодный дождь. Стискивая зубы, Мирянов растянулся на асфальте. Тяжелые капли потекли по исцарапанному лицу, губы защипало. Разбиты. Кровоточат. Но какая же это мелочь по сравнению с тем, что он выжил.

"Живой!", — стучало в голове. Только было не совсем понятно, рад он этому обстоятельству или нет. Боль сводила на нет все желание жить.

Смутно знакомое лицо с мелким осколком стекла в щеке заслонило собой небо. Евгения схватили за шиворот одной рукой, вторая висела вдоль тела инквизитора плетью. В покачивающемся нестабильном мире, который плавал и двоился, Евгений вспомнил, где видел этого человека. Готов был биться об заклад, что в прошлый раз инквизитор выглядел достойнее. Да и сам Жека стоял на ногах.

"Как быстро меняется жизнь", — успел подумать Евгений, вяло улыбнувшись.

— Так это тебя послали меня убить? — спросил Фагор. Глаза сурового мужика смотрели зло, словно он искренне ненавидел дракона. — Сил не хватит, недоросль!

— Убить? Зачем? — выплюнул Евгений слова вместе с кровью.

Инквизитор разжал пальцы... В шею остро кольнуло, когда Мирянов попытался ее напрячь. Голова стукнулась об асфальт без амортизации. В глазах мелькнул свет, и все потухло...

— Как всегда исполнитель ничего не знает, — хмыкнул Фагор, переводя взгляд с потерявшего сознание дракона на меч, сиявший белым светом посреди дороги.

Артефакты Ордена еще работали. Там, где шагал инквизитор — интерес людей минимален. Автомобили просто объезжали аварию стороной, люди обходили ДТП. А те редкие операторы, кто пытались заснять ее, обнаруживали, что телефоны разряжены, зависли или не работают.

Ослепило. Молния ударила в землю совсем недалеко, в районе парка. Ветвистая плеть ушла в землю. Фагор не успел удивиться, как что-то обрушилось на плечи и сбilo с ног.

* * *

— Борись, Светик, борись. Нам нельзя уходить. Я исчезну как сущность, а твоя душа за пленение ангела не найдет покоя. Долго будешь бродить меж мирами, пока разберутся, — как в бреду шептала Люция, заставляя себя шагать через парк.

Без того редкие прохожие исчезли вовсе. То ли непогода заставила попрятаться по укромным местам, то ли просто день был будний и все сидели по темным офисам.

По растрепанным, нечесаным волосам болеющей женщины, в теле которой бился за жизнь ангел, заструились первые капли дождя. Болезненное состояние Светланы никак не давало Люции понять, что вокруг происходит. Мир ангела сконцентрировался лишь на проблемах тела, как часто на них фокусируется человек, не замечая ничего вокруг.

Среди обезлюдевшего парка мелькнул силуэт кудрявого ребенка. Мальчик лет четырех-пяти махнул рукой, подзывая к себе. Люция не сразу заметила малыша, но он настойчиво махал ей рукой, пока она, наконец, не обратила внимание.

"Ребенок? Что он делает один посреди парка?" — подумала Люция и почти заставила ноги идти к малышу. Те стали ватными и слушались плохо. Казалось, ангел шла на одной силе воли.

Веселый кудрявый парнишка хихикнул. Рот до ушей. Не похоже, что испугался или потерялся, но рядом вокруг никого.

"Чей он? Где его родители? Погода-то совсем не для прогулок. Да и возраст не тот, не для самостоятельности", — подумала ангел и от досады, что не может видеть линии событий, прикусила губу.

Малец требовательно махал рукой, подзывая к себе, но едва Люция делала шаг к нему, отбегал на несколько шагов и вновь махал.

— Малыш, стой, — хрипела ангел, но мальчик делал вид, что не слышит. — Погоди, мне тяжело идти, — почти шептала ангел, но продолжала заставлять ноги передвигаться. И шаг за шагом шла к цели.

* * *

Чуткий к магии ведьмак ощущал над парком такое сгущение разнополярной магии, что из дома пришлось едва ли не бежать, чтобы поскорее узнать, что происходит. Максим едва успел захватить с собой нужный инструментарий. Чутье подсказывает — обязательно пригодится.

Интерес и временные обязательства инквизитора гнали в самую гущу событий. Более того, они манили, как пчелу мед. Ведьмак, сам лишенный способностей к колдовству, в последние несколько минут почти ощущал на губах вкус этой самой магии. И чем ближе приближался к водовороту событий, тем острее чувствовал цимус этого блюда. То ли над их небольшим районом города сферой интересов навис купол разных сил, то ли взял в свои руки власть хаос.

Во всем предстояло разобраться на месте. И немедленно, пока Орден не дал по шее за допущенную катастрофу... А она, судя по внутренним ощущениям, надвигалась.

Быть беде!

"Жалко, матери поблизости нет. Посмотрела бы, чьи там нити сплелись. Хоть знать, к чему быть готовым", — размышлял Максим на бегу.

Хохот, донесшийся от одной из скамеек в парке, невольно заставил сбавить темп. Странный человек, гогочущий в небо, едва ли не кричал:

— И ничего! Совсем ничего! Делай, что хочешь, заматай следы, и никто никогда тебя не найдет! Вот и все! Представь себе, что законы больше не действуют!

Его собеседник с небольшой собакой на поводке что-то едва слышно ответил, затем резко поднялся и зашагал прочь.

Первые ощущения не подводили: ни один из собеседников не являлся человеком.

Лучше подготовиться к битве.

* * *

Вячеслав приготовился направить молнию на себя, но в десятке шагов вдруг появилась и застыла в тревожном ожидании женщина. Определить сразу, в чем ее странность, он не мог, да и не хотел. Был занят своим делом — самоубийство процесс хлопотный. Но внутреннее отрицание отчетливо говорило, что есть в женщине то, что влечет и пугает. Загадка, изюминка, которую совсем не хочется пробовать на вкус. Только не сейчас! А потом и вовсе не до этого будет.

— Уйди, — пробормотал Вячеслав, из последних сил сдерживая намерение влияния. Природные каналы, подключенные к ветру, уже набирали мощь. Ветер не мог дать сил на излечение от проклятья, но для изменения погоды подходил как нельзя кстати.

Разность потенциалов, накапливаемая в небе, искала выход. Оставалось только дать направление. Вот его Вячеслав и сдерживал до последнего, не желая отвлекаться на незнакомку. Промазать не хотелось.

— Вчера мне спасли жизнь. Сегодня я должна отдать долг. — Ответила девушка. — Ты не должен умирать. Так мне сказал мой ангел-хранитель. Я спасу тебя. Или меня зовут не Елена.

— Ангел? — Едва слышно прошептал Вячеслав, с холодком в груди ощущая, что перестает контролировать вызванное действие.

Небо разрезало ветвистой молнией.

Еще несколькими минутами ранее

— Ты можешь хоть минуту помолчать? Или тебе не дорога твоя никчемная жизнь, шелудивая ты дворняга?

— Да брось, Сар, — ответил Кан. — Я единственный, кто у тебя остался. Ведьму мою в руки инквизиторы прибрали. Аргону пал от рук неизвестных. Семью твою не посмею тревожить. Так что ты — моя последняя зацепка за реальность. А я твоя.

— Они мне больше не семья, — пожал плечами Саркон. — Ни один клан не оставит демона в теле человека навсегда.

— Как скажешь, здоровяк. Но боюсь даже сейчас тебя так просто в покое не оставят.

Человек, тело которого досталось низвергнутому демону, с вызовом посмотрел на собаку. Глаза сверкнули огнем. Ведь нельзя забрать всю суть. Но очи уже не полыхали огнем Преисподней, просто гнев.

— И не смей меня больше называть сокращенно! Так меня могло называть только одно существо. И это не ты даже в самых сокровенных своих мечтах! Понял?!

— Скучаешь по ней? — тоном джентльмена, неспешно попивающего кофе, спросил Кан. Если раньше как оборотень он надевал личину огромного полуволка-полусобаки крупной породы, то теперь Энроф мог предложить ему лишь тело небольшого почти ручного пса некрупной породы — Джек Рассел-Терьера. — А зачем тогда прогнал?

— Вспылил. — Осекся демон.

— Обвинив брата в убийстве брата, тоже вспылил?

— Экзар... он вечная заноза в заднице. Понимаешь? Все проблемы в семье всегда из-за него. — Саркон вновь сел на скамейку, обхватив ладонями лицо. Мягкие пальцы с не менее мягкими ногтями бесили, но ничего не мог поделаться. — Это он. Больше никому. Скользкий выродок всех перехитрил. За это папашка его и отметил крыльями.

— Зачем Асмодею низводить своих детей? — Забегал вокруг скамейке Кан, погнавшись за воробьем. Молодое тело брало свое.

— Чтобы не метили на его место. — Сухо обронил низвергнутый демон и поправил спортивную кепку на лбу, с двойственным ощущением потирая то место, где когда-то были рога. — Может, мне в приют для животных тебя сдать? У людей есть такие.

— Лучше видеоролик сними. Заработаю кучу денег. Буду знаменитым. Куплю нам дом.

Саркон посмотрел уничтожающим взглядом.

— Все, все, молчу, — Вервольф резко остановился у ног хозяина. — Больше ни слова. О тебе, о ней, о случившемся. Тоска это все. Везде тоска, куда ни посмотри.

— Кан!

— Да молчу, молчу. Понимаешь, у самого слова в горле застревают. Так бы рта и не открывал. — Клятвенно заверил оборотень. — Но слюни текут. Проклятый воробей выглядит вкусным. Да и кто тебя еще подбодрит? Кто поможет разобраться в ситуации?

Саркон вздохнул. Оба вновь пошли вдоль дороги, постоянно оглядываясь. Если человек, разговаривающий с собакой не вызывал у встречных подозрения, то пес, вместо лая,

низвергающий из своей глотки вполне понятные человеческие слова, мог показаться странным.

— Вот и молчи, а то намордник одену. В этом мире четвероногие не разговаривают.

— Да ну тебя, — Кан протестующе остановился, натянув поводок. Саркон собирался было дернуть на себя, но оборотень поднял лапу и помочился на дерево.

— Ты невыносим! Это десятое за километр, — припомнил демон.

— А ты не считай! — укорил Кан. — Понимаешь, это как-то само выходит, — и оборотень почесал задней лапой за ухом.

— Ты еще яйца оближи! — вспыхнул демон. Правда лишь образно.

— Да не рычи ты... Это я пес, а ты человек. Давай, что ли, в парке прогуляемся. Погода хмурится. Надо беседку найти, а то зальет. Квартиру-то тебе братья не подарили, как я понял. Не так ли? Где жить-то будем? Может все-таки видеоролик? А?

Саркон припомнил ощущение полета, короткую потасовку с прозябающим в постоянном пьянстве мозгом парня неполных двадцати лет и полную, мгновенную власть над телом. Пропшая душа, измученная помутненным наркотиками разумом, радостно покинула тело для дальнейших перевоплощений. Около часа пришлось просто бороться с телом, чтобы восстановить почти разложившуюся печень, севшие почки, порядком поредевшее серое вещество и подкачать атрофированные мышцы. И это все под непрекращающийся разговор Кана, которого поселили в собаку этого парня.

— Тело гопника — вот и все, что досталось тебе от семьи. И мы понятие не имеем, где хозяин этого тела живет, кого знает, кто его знает... Так зачем мне молчать, когда рядом никого нет? Не ставь меня в рамки. Я и так слишком долго в них жил. То в лесу не охоться, то людей не задирай. Тоска. Везде тоска.

— А что мне мешает просто затянуть тебе поводок потуже? И прервать твою ничемную жизнь, — вновь грозно зыркнул Саркон.

— Эм-м... одиночество? — нашелся Кан и облизнул себе нос, как ни в чем не бывало.

Глаза демона на какое-то время застыли. Демон искренне вздохнул и ничего не ответил.

Обоих привлек разговор за соседней лавочкой. Там парень, поглядывая на тучи, говорил:

— Солнечно? Как же! Ветер в дрожь бросает. Чертовы синоптики. Им хоть какую аппаратуру поставь, все равно тыкают пальцем в небо!

Подняв "собачку" молнии свитера до самого подбородка, он застегнул куртку и засунул руки под мышки.

— Кеша! Сколько лет? Сколько зим? Что новенького?

Саркон замер, вроде к нему обращались. Неспешно перехватил взгляд человека. Похоже, что незнакомец действительно звал именно его. В округе никого больше не наблюдалось. Для проверки несколько раз огляделся. Выходило, что на дорожке для сидящего мелькнуло знакомое дворовое лицо и он позвал его. Неужели признал соседа, которого знал с детства? Знакомого, который прогуливался с собачкой?

— Иннокентий, ты меня удивляешь! Да ты чего, в самом деле? Садись, поговорим. Я тут совсем один. Совсем трава тебя довела. Я — Эдик. Твой сосед и лучший друг, — произнес незнакомец, не став говорить вслух, что, он возможно, последний человек, который еще не ненавидел Иннокентия и не пытался набить ему морду.

Саркон, переглянувшись с собакой, — Кан незаметно подмигнул, — подошел к скамейке. Эдик посмеялся попыткам соседа завести диалог с собакой.

— Ты, по ходу, переборщил сегодня с дурью. Никак в себя прийти не можешь? — посочувствовал сосед.

Демону расхотелось оставаться в компании с гогочущим человеком, но если он знал хозяина тела, то у него можно было запросто узнать и необходимую, полезную для демона информацию. Все началось с имени. А если продолжить разговор, то и до адреса проживания недалеко. В кармане лежат ключи. Вероятно, от квартиры. Может, от его? Ну, или места, где он временно проживает. Где-то же человек должен жить. Они все где-то живут. Каждый. Кроме бомжей, но тело хозяина на бомжа вроде не походило. Спортивный стиль, как сказал Кан. На хипстера не похож.

Саркон охотно подыграл собеседнику и принялся изображать полную амнезию, бормоча всякий бред, на которые так падки люди. Эдик посмеивался, но про себя кривился от уровня шуток — все, что угодно, лишь бы отвлечься от холода. К тому же собеседник проявил ранее незамеченное качество хорошего слушателя.

Саркон не заметил момента, в какой глаза собеседника стали абсолютно черными. Ведь тело внешне не изменилось ни на грамм... Выручил Кан. Он рванул поводок изо все сил и завопил:

— Берегись! Он захвачен!

Саркон отскочил, когда рука человека в огненной перчатке разломала скамейку пополам. Тот, кто секунду назад был Эдиком, неторопливо поднялся и его демонический смех подсказал лучше смены обличия — в гости пожаловал младший брат. Еще и мгновенным телепортом перебросил перчатки.

— Экзар? Пришел добить? — Только и спросил Саркон, с тоской глядя на пылающие руки человека. Это были перчатки Аргону, скроенные из кожи редкой черной саламандры. Брат забрал их по праву сильнейшего. А собственные перчатки остались в Антимире, вместе с уничтоженным телом.

— Добью! И мне не будет ничего! Совсем ничего! Отец верно сказал: делай, что хочешь, заметай следы, и никто никогда тебя не найдет! Вот и все. Представь себе, что законы больше не действуют! Бог мертв! Провидение слепо! — Икзар откровенно веселился. Чувство вседозволенности сводило его с ума.

— Всегда приходит расплата за содеянное, — искренне ответил Саркон, поднимаясь с асфальтированной дорожки. Можно было попробовать убежать. Но от младшего брата бегать демон не собирался.

Довольно унижения.

— Когда-нибудь законы Возмездия должны начать работать. Пса хоть не трогай. Пусть доживет отпущенное ему время.

Экзар рассмеялся:

— К чему мне эта никчемная дворняга? Жена его взаправду мощной ведьмой была. Своей энергией кормила. Но ее нет. Теперь он бесполезен.

— Что значит была? Что значит нет? — Забеспокоился Кан. — Что инквизиторы сделали с ней?

— Спятивший инквизитор-отступник отравил ее.

— Имя! Имя этого отступника! — Взмолился пес, бросившись под ноги демону. Капля слюны упала на ботинки.

— Фагор. — Брезгливо ответил демон и пнул собаку. — Но что тебе это даст, слюнявая дворняга?!

Кан, описав немалую дугу, ударился о землю, перекатился и затих на траве. Саркон бросился на демона врукопашную, желая на прощание хотя бы ударить брата в челюсть. Пока он в человеческом облике, шанс есть. Правда, если заденет огненными перчатками, скорее всего испепелит.

Яркая вспышка ослепила обоих!

Разрезавшая ветка молнии обожгла лицо Саркона и отбросила на траву рядом с псом.

* * *

Ведьмак на ходу выхватил рабочий клинок отца, почуяв запах серы. Фагор оставил его дома перед командировкой. Сама инквизиция инструментарием не снабдила, но и не была против его применения. Так что Максим без зазрения совести свистнул инструмент родителя и обнажил его перед боем.

— Эй, ты в порядке? — закричал Макс, уже не видя смысла бросаться с оружием на демона, свергнутого молнией. Больше переживал за человека, который оказался рядом. Угрозы от него не было. Пострадавший, как пить дать.

— А? — Саркон едва поднял веки. Он был удивлен не менее. Молния, прорезавшая небо, пронзила тело Эдика, в какую-то секунду испепелив дотла и Икзара.

Пылала огнем лавочка. В куче золы, где оплавилась даже кости, казалось бы, не осталось ничего. Человек поднялся и, покачиваясь, добрал до кучки пепла.

— Помощь нужна? — Максим смотрел прямо на пострадавшего, отмечая явный шок. — Твое лицо обожжено.

Саркон улыбнулся. Вполне человеческой улыбкой.

— Ты меня не чувствуешь?

— Ты... подселенец что ли? — С сомнением предположил Максим. После случая с Кариной он целенаправленно настраивался ощущать демонов под любой личиной, но в человеке перед собой демона не видел.

— Нет. — Саркон вновь усмехнулся. Если демона в нем не различал даже ведьмак, то и инквизиция должна была быть слепа. — Я... человек.

— Станный ты, — протянул ведьмак.

Дождь быстро гасил пламя скамейки. На траве заворочалась собака. С кряхтеньем, поднялась.

— Этот сукин сын сломал мне ребро.

— О, говорящий пес, — протянул без особого удивления ведьмак.

Кан, поскуливая, добрался до кучи золы, оставшейся от Икзара и принялся ее обнюхивать. Ткнувшись носом, схватил зубами что-то в грязи и извлек на свет перемазанные черные перчатки. Они очень походили на армейские безпальцовки. Пес выплюнул их под ноги Саркона и с упоением помочился на кучку золы.

— Похоже, Провидение все же напомнило о себе и вернуло долг чертовому демону.

— Вы убили демона? — Переспросил ведьмак, уже иначе поглядывая на странную парочку.

— Это не мы, — добавил Кан, облизывая морду от золы. — Он сам во всем виноват.

Ведьмак посмотрел на пса, отмечая для себя, что с разговаривающим животным в жизни еще не сталкивался. Много, конечно, бывало: духи, демоны, монстры, но

животные... Не было!

Ведьмак ухмыльнулся забавному псу, но заставил себя посуроветь.

— Я не слышал о вашем присутствии на районе. Нелегалы?

— Да какие мы нелегалы? Так, псы приبلудные. — Протянул Кан.

— Оставь оправдания, — устало прервал Саркон и повернулся к ведьмаку. — Мне все равно больше незачем жить. Пусть лучше он, чем самому. Если закон этого мира так быстро покарал Икзара, то и до меня вскоре доберется. Накопилось за жизнь. Эгрегор больше не отводит негатив.

— Ты ничего не делал! — пролаял Кан.

— Делал... Я позволил себе усомниться в своих действиях. И... этим воспользовались.

Крик, донесшийся с дороги, отвлек внимание всех троих. По всем чувствам демона, оборотня и ведьмака-инквизитора ударило такой перегрузкой, что сознания отключились.

* * *

Кудрявый ребенок вывел Люцию к дороге. Словно издеваясь, малыш упрямо не желал останавливаться, а ангел уже считала своим долгом идти за ребенком. Не зная, зачем ей так глупо тратить последние минуты жизни, она просто брела за машущим рукой силуэтом. Иной цели в жизни не осталось.

Визг тормозов, звук столкновения и звон разбитого стекла на дороге отвлек внимание ангела от ребенка. Когда та снова повернула голову к мальчонке, его уже не было. Ни у дороги, ни в округе.

"Фантом?" — мелькнуло в голове.

Ноги сами понесли к дороге. По пути скрутило кашлем, на минуты отрезав от всего происходящего. Упав на колени, Люция ощущала стойкое желание выплюнуть легкие. Но что-то близкое и родное тянуло к себе. Тянуло властно, жадно. Внутренние ощущения отвечали взаимностью этому зову. И даже кашель отступил.

Подняться на ноги удалось самой.

Люди перед машиной — как их видела урезанный до возможностей человека ангел — вели себя странно. Мужчина, покачиваясь, исчез за автомобилем. Женщину с девушкой на руках сотрясало от рыданий. Чтобы не упасть вместе с ней, она положила ношу на порядком помятый капот автомобиля.

Но не эта компания тянула.

Что-то другое... совсем близко, рядом.

Что? Где? ГДЕ?!

И тут Люция увидела слабый отблеск меча. Артефакт исходил тонкой песнью печального зова. Он устал от физического мира не меньше измученного проклятьем ангела. Он просил о возвращении в руки к хозяину. Он звал его, где бы тот не находился. Он хотел домой, на небо.

Люции показалось, что последние шаги она просто пролетела. Опустилась на колени перед мечом, больше не обращая внимания на окружающий мир. Потекли неконтролируемые слезы. Как раньше не слышала этого зова? Белый лоб благоговейно коснулся прохладной рукояти. Температура отпрянула в страхе. Вот он — миг воссоединения.

Меч... не принял!!!

Легкие сдавило первыми, вырвав из глотки ангела крик. Крик боли самой души. Удар был жесток. Волна ярости артефакта на прикоснувшегося к нему человека была такая, что тело Светланы подкинуло в воздух, отбрасывая воздушной волной. Мир вокруг как будто прихлопнула гигантская мухобойка. На многие километры все живое вокруг ослепило, оглушило и отключило.

Спина женщины, пролетевшей с десятков метров, жестко встретила плечи инквизитора.

* * *

Евгений Мирянов открыл глаза. Нестерпимый свет, что все еще стоял в глазах, играл на фоне темного неба бликами. В ушах стоял зов. Легкая, едва слышимая мелодия, которую так хотелось принять за галлюцинацию, стояла в ушах.

Печальная, грустная мелодия манила к себе. Не властно, призывно, но горестно, едва заметно. Ее нельзя было игнорировать.

"Бывают же зрительные глюки, — подумал Евгений — Отчего не быть слуховым?"

От капель холодного дождя глаза защипало.

Кряхтя, дракон приподнялся на руках. Боль была не как в первые минуты после аварии. Тело затекло и частью просто не чувствовалось. Даже не касаясь груди, Евгений знал, что от шеи до пупка — все сплошной синяк.

Оглянулся: пустая трасса, ни "скорой", ни полиции. На дороге лежал инквизитор, упершись лицом в асфальт. На нем, раскинувшись куклой, лежала девушка. Весьма привлекательная на вид. Разве что слишком бледная, взлохмаченная, да и синюшные круги под глазами не говорили в ее пользу. Не чета его ангелу. Вот ангел — воплощение красоты. А эта так, середнячок. В ее нынешнем состоянии даже ниже среднего. И, похоже, Жека ее знал. Когда-то, еще до ангела. Даже имя всплыло в памяти — Светлана. Света. Учились вместе в институте.

"О, Господи, да что происходит? Что за звук в ушах? Почему слепит глаза?"

— Что же вы делаете? Кто вам вообще позволил сражаться?

Евгений поморгал. Готов был поклясться, что секунду назад рядом с девушкой никого не было. А теперь над ней склонился ребенок и говорил он совсем не детским голосом.

— Мальчик, что значат твои слова? — выдавил из себя Жека. В голове последние недели и так все было не на своем месте, а теперь еще и новая "детская неожиданность" подкинула вопросов.

Мозгу так не просто было адаптироваться под постоянную мистику, а тут еще эта авария.

— Сражение в мире людей может происходить только с согласия самих людей. Планетарный Гений не согласен с вашими действиями, дракон. Успокой меч и уходи, — ответил "ребенок".

— Ты кто? Ты Свободный? — припомнил Евгений рассказы Макса о странных людях с большими способностями.

— Нет, я авеша Планетарного Гения. — "Мальчик" посмотрел в глаза. Пристально, жестко. Таким не мог быть взгляд ребенка. В океанах-глазах читалась тоска и боль, копившаяся тысячи лет. — Даю тебе несколько минут, чтобы уйти, — спокойно добавил

авеша.

— Я никуда не уйду, — твердо ответил дракон, не совсем понимая, откуда такая уверенность в каждом слове. Разбит, повержен. Подходи и добей. — Это моя земля. Я здесь родился. Мне здесь жить. Мне и моим детям. Почему я должен уходить? Только потому, что тебе хочется? Я не согласен! И даже Ты не вправе мне приказывать, как поступать!

Ребенок искренне улыбнулся, неожиданно вспыхнув ярким светом.

— Тогда не забывай, кто ты. Как уже забыл, для чего ты здесь.

Шесть багровых крыльев разорвали одежду "мальчика". Подхватив тело Люции, серафим полыхнул глазами и вознесся над миром. Быстро, величественно, неотвратимо.

Непонятное чувство утраты овладело Евгением. Упустил что-то важное. Что-то главное. Настолько важное, что вся прошлая жизнь показалась пустой и нелепой. И это ощущение крепло тем больше, чем выше возносился багровокрылый исполин, увеличиваясь в размерах с каждым взмахом крыла. На какой-то момент серафим остановился, пылающим взором окидывая восторженно-восторженного дракона. Он давал шанс. Евгения распирало изнутри от желания закричать, действовать, делать хоть что-то! Но разум не успевал понять то, что говорило встревоженное сердце.

"Что сделать? Что я должен сделать?" — стучало в голове. А губы молчали. Самые драгоценные в жизни секунды уходили.

По щеке серафима потекла одинокая слеза.

— Прозрей же, слепец, — произнес он и, взмахнув тремя парами крыльев, растворился в пространстве сущего.

Евгений ощутил, как и по его щекам потекло. Это был совсем не дождь. Небо дало шанс и забрало Ту, которую не успел распознать по душевной своей слепоте.

Обитая среди людей, настолько привыкаешь к их ошибкам, что начинаешь допускать свои.

Слезка серафима упала на лоб, смешиваясь со слезами дракона.

— НЕ-Е-Е-ЕТ!!! — крик пробужденного дракона, взметнувшийся серафиму вслед, был последним днем серого города... Последним спящим днем для сонмов душ. — Верни ЕЁ!!!

Волна, гораздо большая, чем от меча-артефакта, прошла по всем возможным энергетическим мирам, породив такую мощную астральную бурю, что изменилась сама изнанка мира. Все неинициированные в городе моментально получили достаточно энергии, чтобы начать расти. Бутоны их скрытых способностей набухли и, подобно цветкам, принялись раскрываться.

Город неумолимо становился другим.

Падение Люции с небес на землю казалось вечностью. Она попала в полосу безвременья, и оно не желало отпускать ее. Но едва авеша планетарного гения перестал поддерживать ее, растворившись в высших сферах, как бывшего ангела настиг гнев архангела.

Алрониил без всяких эмоций уничтожил брэнное тело Люции, зачищая высший мир от брэнной оболочки. Заодно под зачистку попала и носитель-Светлана. Душа самой Люции готова была освободиться, перейдя в новый мир, но пламенный дух не позволял раствориться в первобытном мраке подруге, сияя ярко и ведя ее за собой, как путеводный маяк корабля. Душа Светланы тянулась к нему и не желала угасать. Сейчас та настоящая Светлана во что бы то ни стала захотела жить. Ангел и сама подтолкнула ее к свету, показывая путь к Лестнице Восхождения.

— Ступай, тебе еще расти и расти, — напутствовала Люция. — Только жить начинаешь.

— Спасибо, — засветилась ярким светом Светлана. Он был нужен, чтобы возродиться вновь в новой жизни. При других условиях. Для новых уроков и достижений.

Новый удар Алрониила по сути Люции показался ангелу грузом, подвешенным за ноги. Вместо того, чтобы продолжить восхождение по той же Лестнице, ее быстро потянуло ко дну. Как должника с цементным тазиком на ногах, утягивало все глубже и глубже.

Люция закричала жалобно и протяжно. Казалось, ее затягивает само Дно Миров — в Антимир. Душа ангела вспыхнула, протестуя. Но высшие миры не признали свет... не признали и срединные миры... лишь где-то в худшем из них, мелькнул перед ангелом привычный блеклый свет Энрофа. Мелькнул и поглотил Люцию, остановив падение.

— Нет, только не снова сюда! — Безднадежно закричала Люция, надевая оболочки на душу одну за другой, все плотнее и плотнее кутаясь в неудобные коконы эмоций и мыслей. Падение закончилось тем, что ангел фактически врезалась в чье-то физическое тело вместо со своим сознанием и памятью прошлых жизней. Вновь подселенец, вновь серый ангел.

Но незадолго перед Осознанием себя ангел ощутила, как один из барьеров в сознании спал и Люция вспомнила вырезанный Алрониилом день... Один день, который показался самым важным в жизни.

— Господи, да я же полюбила! — Вскричала Люция и улыбнулась новому свету Энрофа и самому Провидению за возможность вернуть все на свои места.

Энроф в ответ обрушил на ангела ночь, зимнюю вьюгу и пронизывающий ветер... Но непогода больше не пугала ангела. Внутри в груди было тепло и уютно. И светло, как никогда прежде. Там уже росло семя непорочной любви, давая ангелу надежду, что все будет хорошо.

— В этом мире нельзя возрождаться с памятью прошлых жизней. Первый закон Энрофа. — Услышала девушка и ощутила третий удар.

Архангел выждал момент и ударил по человеку, стирая теперь уже всю память. Заодно он выдернув душу хозяина тела, подменив ее дополнением от себя.

— А для твоего дракона у меня есть небольшой подарочек. Передашь сама.

Архангел исчез. Люция осталась в теле человека одна, как полноправный владелец. Но теперь она не помнила даже своего имени.

* * *

Саркон прошел вдоль заснеженной дороги и остановился, издали наблюдая за ночной жизнью тихого, серого скверика. Поздний час и обрушившийся на город снегопад разогнал всех бабушек и забулдыг со скамеек по уютным теплым квартиркам еще до того, как зашло солнце.

— Это здесь? — Донеслось от пса Кана. — Это то самое твое коронное место?

Саркон промолчал, вглядываясь глазами человека в серый, тусклый двор. Из всех сил постарался ощутить неприкаянную душу, бродящую вдоль скамеек под окном своего подъезда. Но видел лишь тени. Проезжающие во двор автомобили отвлекали, слепили фарами. Никаких ощущений, никакой возможности дотянуться до нитей воздействий или почувствовать потоки сил.

— Я не чувствую ее. — Признался Саркон, потирая озябшие пальцы.

— А надо бы! — Запротестовал пес. — У меня сейчас хвост от холода отвалится. Что ты вообще в гостях у этой души забыл? Разве она была первой? Разве единственной?

— Я запер ее здесь на время. Не разомкну я этот порочный круг — никто не разомкнет.

— Ты больше не демон, Саркон. Силы не те.

— Я знаю... Но я должен. — Саркон присел на корточки, коснувшись ладонями асфальта с бурыми пятнами под снегом. Разгреб сугроб и тихо, но внятно произнес. — Татьяна... услышь мой зов! Явись мне!

Ветер завывал в воротнике бывшего демона. Он до слез на глазах всматривался то в темноту, то в лица прохожих у подъезда. Но ничего не чувствовал, кроме холода и ничего не видел, кроме кружащих снежинок.

— Татьяна! Явись мне! — Повторил чуть настойчивее Саркон и извлек из внутреннего кармана пальто складной нож. Быстро сделав надрез на ладони, он сдвинул пальцы и алые капли закапали на бурое пятно на асфальте, смешиваясь с белой порошей.

— Магия крови? Сильная вещь. — Сказал Кан и присел на пятую точку, для порядку немного повиляв хвостом для прохожих. — Наверное, это действительно очень важно для тебя.

— Татьяна!!! ЯВИСЬ МНЕ!!! — Из всех сил закричал Саркон, выдавливая каплю за каплей.

Белая тень появилась на темном фоне едва различимым маревом. Она смешивалась с падающим снегом и тусклым светом окон за плотными шторами на первом этаже. Саркону пришлось смотреть немного в сторону и как бы сквозь образ, чтобы взгляд человека отличал эти плавающие контуры. Стало еще холоднее для его человеческого тела. Так люди ощущали не мертвых, но и не живых.

— Чего тебе демон? — протянула едва различимым голосом неприкаянная душа. Она висела бледным пятном над бурым асфальтом, где когда-то покончила жизнью здоровая девушка, выпрыгнув из окна седьмого этажа. Голос самоубийцы был лишен былых эмоций. Они сгорели в боли Татьяны, тысячекратно переживающей свою смерть. — Сколько ты еще можешь меня мучать?

Саркон приподнялся и протянул ладонь, на которой собралась небольшая лужица крови.

— Пей, Татьяна. Пей мою кровь.

Дух застыла, слепо глядя на человека, который когда-то был демоном и там изощренно издевался на ней, мучил и дергал за самые тонкие струны души. Она никогда не забудет его демонический хохот.

— Пей и освободишься! Пей! — Повторил Саркон. Алые капли наполнили ладонь и вот-вот обещали упасть на снег, растворяя дармовую силу.

Дух, не веря сказанному, приблизилась к протянутой ладони и... застыла в непонимании. Не зная как бесплотному коснуться физического.

— Пей, Татьяна, пей и не думай, как это произойдет. Пей, как человек и да падут оковы твоей души! Довольно пыток! Освободи себя сама! Я даю тебе волю, которую забрал! Возьми же ей! — Горячо заговорил Саркон, ощущая, как что-то горячее стекает не только по ладони под рукава пальто, но и по щекам. И виснет на подбородке... почему так защипало глаза? Что это за новое чувство?

Дух едва коснулась губами алых потоков, как Саркона руку словно обожгло холодом. Но он не отдернул ее, прикусил губу, вытерпев эту дикую боль, которая побежала от руки по всему телу, сковывая холодов казалось бы все мышцы и заставив замереть само сердце.

"Терпеть... Если столько терпит она, то я точно переживу несколько мгновений любой боли". — Решил Саркон и перед глазами вдруг вспыхнуло огнем.

— Кто смеет освобождать душу человеческую?! — донеслось из огня.

Саркон с содроганием узнал знакомый голос. Это был старший брат Мосу. Демонический толстяк кипел негодованием и его тон обещал скорейшее возмездие.

— Я — Саркон. Низвергнутый демон. — Ответил все же стойко Саркон и достал из внутренних карманов пальто огненные перчатки Аргону.

Умирать, так за правое дело. Он не мог поступить иначе. Странная человеческая суть влияла на него больше ангела-напарницы.

— Как ты смеешь?!

Саркон молча натянул перчатки, краем зрения отмечая, как исчезла Татьяна. Освобожденная душа наконец позволила себе уйти на следующий уровень, чтобы попробовать сначала сделать все правильно.

Все заслуживают нового шанса.

Мосу смотрел строго, выжидая ответа. Саркон вдруг улыбнулся совсем по-человечески и ответил:

— Я поступил так, как подсказывает мне мое новое человеческое сердце. Хочешь что-то сказать мне, демон, приди и скажи это лично.

— Ты заплатишься за это, выродок, — словно выплюнул с порцией яда каждое слово демонический брат и огненное зеркало портала потухло.

Саркон застыл, слепо глядя перед собой. Кан вновь покрутил хвостом, посмотрел на хозяина и честно сказал:

— Ну все, теперь против нас весь Антимир. А была только твоя семья. С парой братьев было проще совладать. Главное, чтобы отец не подключился. Иначе совсем туго станет.

Саркон перевел взгляд на пса, опустившего уши и тихо ответил:

— Такова человеческая доля. В одиночестве противостоять всем демонам внешнего мира.

По полке как ударили. Цветочный горшок подполз к краю пропасти и застыл в нескольких сантиметрах. Бешено застучало сердце Евгения Мирянова, но глаза не разглядели в полутьме ничего, никого. Комната пустовала. Слух хозяина квартиры попытался выловить посторонние звуки, но у соседей сверху и снизу тишина. Все давно спят. Завтра на работу. Середина недели. За пластиковыми окнами город был так же погружен в сон. Там точно ни взрыва, а о землетрясениях в этом районе не слышали никогда. Далеко не сейсмологически-опасная зона. Что же это?

Горшок снова как толкнули вперед незримой рукой. Это резкое, четкое движение заставило тело на кровати вздрогнуть. Гадкое ощущение холода пробежалось по сердцу Мирянова, дыбом встали волосы, выстроились рядами по коже мурашки.

"Полусон? Полуявь? — мелькнуло в голове".

Третье движение оказалось фатальным для горшка. Евгений приготовился к резкому звуку падения, но пролетев с метр, цветок застыл на расстоянии локтя от паласа. Остановился и закружился вокруг своей оси, изображая глобус.

Хозяин квартиры проморгался.

Ничего не изменилось.

Простой коричневый глиняный горшок, в нем белая фиалка, политая намедни. Там еще земля, наверняка, мокрая. Потому не высыпается.

"Что за бредовые мысли в голове? — вновь прикинул Евгений и отбросил одеяло, чтобы заставить себя подойти и разобраться с чудесами в комнате".

Разобраться не дали. Он мгновенно ощутил, как за горло схватили. В тот же миг одним резким рывком Евгения подкинуло под потолок, к люстре.

Одеяло окончательно сползло с ноги под действием гравитации, а сам Мирянов сползти никак не мог.

Воздуха! Жить!!!

Страх и ярость сплелись в клубок, ярость побежала по венам, изгоняя холодный ужас.

— Врешь, не возьмешь, — прошептал Евгений, внутренне собираясь. В тот же момент хватка ослабла, удалось вдохнуть воздуха, хоть и с трудом.

Но кровать никак не хотела возвращения своего постояльца. Напротив, Мирянова закружило над ней, как на испытаниях космонавтов в центрифуге.

Тени в комнате замелькали перед глазами. Не видно было, куда ударить гневом разбуженного и потревоженного "белого дракона".

— Кто здесь, черт тебя побери?! Где ты прячешься?! — Прорвался хриплый голос из плена незримой хватки.

Ни звука в ответ. Лишь давление на голову обрушилось такое, что в глазах Евгения поплыли черные мушки. Он точно знал, что такое бывает в двух случаях: когда низкое давление или когда кто-то очень хочет твоей смерти.

Низким давлением дракон не страдал. Выбор был не велик.

Закрыв глаза, Мирянов попытался ощутить комнату иными сферами ощущения.

Ничего!

Кровать, полка с телевизором и шкаф с парой полок, где книги и цветы. За шторами никого, на подоконнике пусто.

Под кроватью? Нет. Пустота! Ничего живого!

"Что я, собственную квартиру перестал ощущать? Это, с каких пор? Почему молчит "домовой"? Я на эту защитную энергосущность весь день потратил".

Глаза были закрыты, от постоянного кручения веретеном и давления на голову затошнило.

"Где же ты прячешься? Покажись. Прояви себя".

Эфирное тело дракона окутало всю комнату, в тщетной попытке ощутить инородное присутствие. "Крылья", как Евгений про себя называл свои ментальные щупальца, замахали по помещению, осматривая каждый уголок, каждый квадратный сантиметр... Но ничего, никого.

"Где ты, пакость?"

Вновь схватило за горло, как будто большая черная длань великана сжала в тиски. Но это лишь ощущения перепуганного мозга, который создает себе знакомые образы.

"Могу даже поспорить, что судмедэксперты на коже не обнаружат и царапинки по утра... Это все ложь образов, ложь".

Миряннову ничего не оставалось делать, как отпустить всю ярость человека-дракона в свободный полет. По ментальным щупальцам побежали "молнии". Будь мир Энрофа хоть на полпорядка терпимее к магии, комната засветилась бы зримым светом.

"Чертовы барьеры. Разве что слабеют с каждым днем... особенно в нашем городе. Особенно после потери Люции, — подумал Евгений".

Когда он позволил себе потерять ангела, в городе начались странности: астральные сущности мириадами гуляли по улицам или надоедали своим присутствием без всякого страха перед драконом. Встреча с существами в телах людей с совсем нечеловеческой натурой стала нормой жизни. Докучало постоянно внимание инквизиции, магов всех уровней и прочих непонятных или малопонятных личностей, хотел он того или нет.

Едва позволил себе усомниться в любви и вот итог — каждый день сплошная мистика. С осени многое изменилось в жизни. Город... город тоже изменился. Инквизиция долго искала повод, чтобы четвертовать опасного человека с энергетикой дракона за совершенные им ошибки, но так и не решилась предъявить их официально. Штат инквизиторов поредел, им хватало забот с неугомонным городом, да и заступничество ведьмака Макса было на руку. Новый друг, исполняющий обязанности инквизитора вместо отца Фагора, не давал в обиду, да и сам ведьмак-инквизитор часто пользовался помощью дракона. Всех все устраивало. Вдобавок, инквизиция прекрасно помнила силу удара дракона. Эти люди с бешеной энергетикой могли натворить много бед, будучи в скверном настроении. Тревожить их — себе дороже.

"Знатно видно та волна прошла, — припомнил события на дороге и расставание с ангелом Евгений". Неконтролируемое магическое воздействие большого уровня, как объяснили позже. Настолько большого, что его на всякий случай решили оставить в покое, чтобы ненароком еще одну не пустил.

И вот одно из проявлений магических "откатов" в комнате Евгения настойчиво пыталось убить дракона. Весьма успешная, надо сказать, попытка. Тонкие тела уплотнились в тугую кокон. Беспольные световые молнии перестали терзать зарядившийся, насытившийся дармовой энергией воздух и потухли. Пропитанная эфиром комната застыла в ожидании искры. Одна небольшая подача на действие и взрыв в соприкасающихся с физическим миром слоях обеспечен.

"Астральная буря, энергетический коллапс, и прочие поводы для инквизиции снова зайти ко мне в гости, но... Но какой я дракон, если не дам этой искры? Вперед!!!"

На смену молниям пришел сплошной огненный смерч, по спиральям раскрученный вокруг Евгения. Мирянов отчетливо услышал приглушенный крик, словно рядом кто-то кричал в подушку. Вроде на расстоянии вытянутой руки, и в то же время так далеко, что почти на пределе слуха. Внутреннего слуха, как ощутил это дракон. Как если бы слышало все тело сразу, а не только ушные раковины.

Давление на голову прекратилось, удушье исчезло. Евгений ударился лопатками о кровать, в то же время палас принял землю с расколотого натрое горшка. Все в комнате вернулось на круги своя.

Еще хватая воздух, дракон вскочил с кровати и в колыхающемся мире астрала успел заметить хвост исчезающей сущности.

— Куда же ты без прощания?! — Закричал Мирянов. — А гостинец в дорогу?

С руки сорвался шлейф белого огня-энергии. Отчетливо различимый в астральном мире, он принес нападавшему всю гамму боли мира физического. Пламя ярости дракона, что невозможно и притушить, побежало от хвоста к загривку существа. Куда бы существо ни исчезло, огонь испепелит его.

Пламя дракона — самый надежный из союзников Евгения. Это дракон понял быстро.

— Нечего ко мне лезть ночью, — пробурчал он, возвращаясь в ощущения родного мира. В Энрофе его ждала мокрая земля под ступнями и осколок горшка, впившийся в ногу, да лужица крови под ступней, перемешанная с грязью. Это недолго ощутить в темноте.

— Спорю на сотню, что палас скорее придется выбросить, чем удастся оттереть от грязи и крови, — добавил Евгений, запрыгав на одной ноге.

Плохая идея для темноты. Плечом задел шкаф, который, качнувшись, с диким грохотом упал поверх горшка.

— Если еще и люстру соседям придется новую покупать, то инквизиции ко мне лучше вообще не соваться.

Дотянувшись через шкаф к выключателю, Евгений услышал одновременный взрыв шести лампочек в люстре.

Снова темнота. Осколки стеклышек посыпались на кровать.

— А, ну конечно. В комнате столько энергии, что электричество здесь явно лишнее. Сейчас взорвется, сгорит, перегорит или коротнет любая электроника. Все, что-то под напряжением.

Евгений вскоре после инициации понял, что после боев надо заземлиться, скидывать лишнюю энергию на металл или бессонница и беспорядки обеспечены. Ведьмак говорил, что металл неплохо поглощает, впитывает в себя ее часть.

— Так, что тут вокруг металлического? Ага, батарея... Ну-ка иди сюда!

Проход вдоль кровати был отныне погребен под шкафом. Пришлось ползти по белоснежной кровати, извозив одею с простыней в крови и грязи.

Настроение стало ни к черту, представив как все это надо стирать. Ладони вдобавок порезали те самые стеклышки от лампочки, впились маленькими занозами под ногти.

— Ай, ай, ай. Вот не так же должны ощущать себя победители! — Запричитал дракон.

Зачем вообще полез в темноте к батарее, если уют у двери стоит? Тоже вполне металлическое покрытие. Но надо быть умным сразу, а не потом!

"Так, дышать через раз. Успокоиться. Вдох-выдох. Вдох-выдох".

Иначе никогда не избавится от откатов, приходящих в расплату за приступы вспышек ярости, что на физическом плане лампочки взрывают, а в более тонких мирах заставляют убежать все живое.

"А кто не спрятался — я не виноват. Не надо злить дракона!"

От подобной мысли батарея потекла. Энергии для нее оказалось слишком много, проржавевший металл не выдержал.

— Господи, ну почему я не могу быть простым человеком?! — Взмолился Евгений Мирянов, убегая в коридор подальше от кипятка, обрушившегося на пол...

Провозился с потопом до самого утра. На кухне уже было много солнца, когда ликвидировал все последствия ночного происшествия. Евгений так и не решился повесить занавески. Благо последний этаж пятнадцатизэтажного дома его новой квартиры не просматривался никакими зданиями напротив. Перед зданием открывался простор. Белый дракон полюбил свободное пространство. Какие могут быть шторы? Кому надо — заглянут за любые преграды, как сегодня ночью. А просто любопытным зрением не хватит.

Зима доносила запах свежести в едва приоткрытое окно. Город, получив взрывную дозу энергетики белого дракона, ожил. И принялся приносить столько сюрпризов, что успевай угадывать, чем порадует в следующий раз.

Звонок ведьмака Макса в дверь был вполне ожидаем. Евгений ощутил энергетику "антимага" еще во дворе. Аура дракона в обычном состоянии была ростом с многоэтажный дом, в котором он жил. И Евгений свободно ощущал всех людей, живущих в нем, часто вычищая семьи от лишней грязи и предотвращая негативные воздействия почти бессознательно. За несколько месяцев с момента его переезда в районе трех километров от дома не случилось ни одного преступления мрачнее, чем оброненное ребенком мороженное. Возможно, подобные зачистки негатива кому то претили. И это и являлось причиной, почему к нему ночью наведывались враждебные темные сущности, желающие восстановить баланс в этом "райском местечке".

— Нет, вот почему у тебя все такие в доме приветливые? — С порога обронил ведьмак. — Едешь в лифте — улыбаются, разговаривают. Ты давно видел приветливых, разговаривающих людей за пределами своего микрорайончика? А? Это же не нормально — видеть людей счастливыми. У нас мир не тот. Энроф к улыбкам в большинстве своем не фильмов не приспособлен.

— И я рад тебя видеть, свободный, но дико уставший неправильный инквизитор, — улыбнулся Евгений, подталкивая друга на кухню. — Чайку? Или полный комплект?

— Меняю пару интересных ночных историй на омлет или яичницу в микроволновке. — Евгений запоздало протянул пакет с покупками к чаю. — И у меня есть чем оправдать.

— Тогда с меня тоже история, — хихикнул Евгений, припоминая войну с прорванной батареей на рассвете. — Рассветная-романтичная.

Чай с бергамотом был приятным дополнением к омлету с помидорами, бутербродам с ветчиной и шоколадным кексам. Жека рассказал о своих ночных кознях первым. После чего и сытый, разомлевший ведьмак взял слово.

— Я так больше не могу. Подросткам башню сносит. Устраивают ролевые игры по ночам. Два клана вроде как — вампирский и оборотней. Носятся с фонариками по окрестным лесам и "убивают" друг друга.

— И что в этом такого? Кроме того, что ночи холодные. Да все лучше, чем за компами сидеть. — Подливая чая, ответил дракон.

— Ага, лучше, — пережевывая кексик, ответил ведьмак. — Проблема лишь в том, что в их группы записываются реальные вампиры и оборотни. Если первые в основном только энергетические и не позволяют себе многого, то среди оборотней есть не в меру расшалившиеся экземпляры — дети стали пропадать по полнолуниям. А ближайшее намечается на сегодня.

— Ты-то откуда все это знаешь?

— Так меня инквизиция обязала рейды водить.

— Чего?

— Ну, стать лидером по-ихнему. Пришел, возглавил, теперь организовываю и влияю. Неплохо устроился, кстати.

— Бегаешь по ночным лесам? — Хмыкнул дракон.

— Да. И заодно выявляю оборотней. Но вот в чем беда. Они довольно сильные в физическом плане. Я не настоящий инквизитор, мне не справиться. Нужна твоя помощь.

— А я, по-твоему, похож на Ван Хельсинга?

— Ты недооцениваешь свои силы и в физическом плане. Понимаешь, я по ведьмам спец. Ну или слабеньким магам, хлюпеньким упырям, неадекватным шаманам, эльфийкам и феям всех мастей, и прочим как бы людей, вполне себе физически не сильным. Но в моем контракте не было сказано, что я должен носиться по лесу вместо отца за рослыми волчарами в полнолуние. Я мало того, что бегаю не ахти, так меня еще и штанга в пятьдесят килограмм придавит, не то, что трансформированная волчья тушка под пару центнеров веса. Так что без твоей помощи никак. Я ж не врожденный инквизитор. А временный. А ты дракон и у тебя есть меч ангела. Эти два фактора устраивают меня больше, чем рота инквизиторов со мной вместе. Если в инквизиции вообще когда-то было бы столько людей. Хотя кто из знает. Не знаю сил, которым бы они были подотчетны.

Евгений задумался. Да, физически он превосходил ведьмака вдвое-втрое, физические показатели судя по занятиям в спортзале за последние месяцы выросли многократно. Тренера по фитнесу с легким недоумением наблюдали за тренировками любителя, играючи берущим такие веса, к которым профессионалы не рисковали подходить без страховки и дополнительного инвентаря. В удивлении, свидетели его рекордов все как один просто ссылались на природные данные. Иногда проще принять что-то необычное как есть, чем его объяснить.

— А почему ты как ведьмак Анджея Сапковского не пьешь эликсиры? Не пришлось бы самые легкие мечи у инквизиции выпрашивать.

— Эликсиры даже близко не приближают к модифицированному геному человека, Жека. К тому же они загубят мое чутье. Никакого потом возврата к поиску, докладу, слежке и предупреждениям. Я оглохну и ослепну от всякой химии. А оборотни, напротив, получат козырь. У них чутье о-го-го.

— А с чего инквизиции посылать тебя бегать по лесу с револьвером с серебряными пулями.

— Меня и не посылали.

— Своевольничаешь?

— Да, мой прозорливый друг. Так что мы либо играем с тобой сольно, либо дети продолжают пропадать, пока инквизиция сама не обратит внимания. Но сколько к тому времени погибнут?

— А намекнуть никак? Анонимненько.

— Во-первых, ты не знаешь процесс процедуры передачи информации. Этим занимается артефакт, который считывает всю имеющуюся информацию по вопросу, к которой позже имеют доступ все инквизиторы. То есть де-факто коснись я того шара, и они узнают много интересного о моей семье. Например, куда они все делись. Во-вторых, инквизиции проще перебить всех оборотней и вампиров в городе, чем найти виновных. Не все из них злодеи. Есть и вполне тихие.

— Так и сказал бы, что все дело в памяти Карины, — улыбнулся Евгений. Улыбка получилась грустной. Глаза заволокло печальной пленкой. Перед ними встал образ Люции, ее вознесение... ее потеря.

Ведьмак кивнул:

— Так ты со мной?

— Ну, я попробую. Что надо делать?

— Как что? Найти и наказать виновных. — Легко ответил ведьмак, как будто это было совсем плевым делом. — Я советовался с отцом. Он попросил кого-то в городе подкинуть мне обмундирования "по вопросу". В обед в центре мне передадут посылочку. А ближе к закату жду тебя на территории дендрария. Там формируется массовка со своими кланами. А дальше... дальше по обстоятельствам.

— Странно, что твоего отца вообще оставили в покое. Хорошо. Я подъеду. Помогу, чем смогу. — Согласился Евгений, хотя ясно видел неуверенность в глазах Макса. Похоже, друг и сам не совсем понимал, что они будут делать. — Кто еще с нами?

— Ты да я, да мы с тобой. — Взгляд Макса зацепился за гитару за холодильником в углу. Сон друга как рукой сняло. — Настроена?

— Да, иногда перебираю струны. Так и не могу нормально научиться. Играешь?

Макс взял гитару, перепроверил, подтянул парочку струн, довольно хмыкнул.

— Вот теперь настроена. Знаешь, мне отец в детстве одну песню напевал вечером, когда был дома. Я любил его слушать. Говорил, его друг сочинил. И очень этим гордился.

— Исполнишь?

— Только для тебя, друг мой. Называется "Древний".

Чуткие пальцы ведьмака побежали по струнам.

Я колдун

В этом городе снов.

Смерть

Обходит меня стороной.

Только я вне веков,

Только я без оков —

Всадник ада

Служить мне готов.

Посох в старых руках,

Мудрость в черных глазах.

Седина до плечей,

Ворох дивных речей.

Да! Я древний герой!

Боги вместе со мной!

Только вместо меча —

Пока Макс отвлеченно перебирал струны и готовил глотку к новому куплету, Евгений подпитал его своей энергетикой и немного подлатал неполадки в теле. После ночной смены друг выглядел потрепанным. Так чуткий до прочей магии, он сам был напрочь ее лишен и потому воздействий на себя не замечал и восстанавливался как самый простой человек — убийственно медленно для работы инквизитора.

В тишине моих дум,
В серебре новых лун
Я иду за собой,
Ветер-братец со мной.
Смысл жизни раскрыт —
Дальше жить он велит.
Посох в старых руках,
Мудрость в черных глазах,
Седина до плечей,
Ворох дивных речей.
Да! Я древний герой!
Боги вместе со мной!
Только вместо меча —
Кипы книг и свеча.

— Хорошая песня. — Протянул дракон.

— Точно, — ответил ведьмак и пошел в коридор. — До вечера. На Дендрарии. Не забудь.

Хлопнула дверь. Евгений застыл в коридоре перед зеркалом, разглядывая импозантного, сурового, немного не бритого мужчину с блестящими задором глазами. К этому наряду быстро добавилось длинное белое пальто. Без пальто теперь никуда. Пальто всех форм и размеров быстро захватило весь шкаф-купе, вытеснив все куртки и пуховики. Длинные полы позволяли проще всего скрыть меч. А без последнего подарка Люции Мирянов никуда не выходил.

Мирянов отвернулся от зеркала, отодвинул дверь шкафа и раздвинул висящую одежду. Взгляду предстал намертво вмурованный в стену сейф с электронным циферблатом. На вид по размерам он был оружейным. На первый взгляд охотник-любитель или профессионал слишком ценил свои игрушки и уделял внимание безопасности, не скупясь по цене. Но не огнестрельное оружие там находилось, а только холодное. В количестве строго одной боевой единицы.

Пальцы пробежались по знакомым кнопкам. По глазам привычно резанул синий свет. Так ангельский артефакт встречал своего хозяина. Похоже, что мечу нравилось новое обиталище. После извлечения из асфальта он больше не собирался терпеть ни одних ножен, попросту испепеляя любой клочок материи, в который Евгений пытался его завернуть, оставляя на хранение в сейфе. Но стоило взять его в руки, как меч успокаивался, приятное

тепло шло по руке, и он спокойно принимался транспортироваться под полой плаща, вложенный во вручную пришитые петельки. На улице с ним проблем не было.

Не было и сейчас.

— Ты ж мой хороший. Один ты у меня совсем остался, — брякнул Жека.

Пока же Евгений разглядывал себя в зеркало. Ведьмак уже брел по улице к автобусной остановке, миновав дворик дракона. Машину сдал в ремонт три дня назад и приходилось пользоваться общественным транспортом, потому как снабжать рабочим транспортом инквизиция отказывалась, хотя исправно платила все долги по коммунальным платежам и начисляла символическую зарплату, которой едва хватало на еду и одежду. Думать о подработках, гоняясь по улицам растревоженного драконьей энергией города, не приходилось. И на том спасибо.

Что-то заставило остановиться по пути к остановке. Мощный энергетический всплеск становился все больше похожим на бессознательный зов о помощи. Макс застыл посреди детской площадки, стараясь определить его направление. Поднял голову к небу и заметил человеческий силуэт на парапете здания. Сломая голову ведьмак бросился к подъезду.

Он никогда бы не забежал на пятнадцатый этаж без подпитки энергии дракона. Борясь с отдышкой, ведьмак выпрыгнул на заснеженное полотно крыши и по колено в сугробе побежал по следам, ведущим к парапету.

Сердце застучало быстрее. На парапете уже никого не было.

— Черт! Опоздал! — Крикнул ведьмак и упал на колени, приходя в себя.

Умывшись снегом, услышал чей-то плач. Он едва доносился на высоте под завывания ветра. Одно было ясно — женский.

Подскочил, побежал на слух.

Она не спрыгнула. Она прошлась по парапету и спрыгнула ниже на крышу прилегающего здания. А теперь сидела, обхватив лицо ладонями и редела как потерявший все по жизни человек.

Ведьмак спрыгнул в сугроб на крышку к ней, и пошел к девушке, набирая снег в ботинки. Она подняла лицо от ладоней, полуобернулась к нему.

— Кто ты? — спросила она.

— Я Максим. А ты?

— Я... не знаю. — Ее взгляд стал растерянным.

— Ты потеряла память?

— Я... не знаю.

— Ты замерзла?

— Да.

— Пойдем в тепло подъезда.

— Я никуда с тобой не пойду. Я не существую. Я хочу покончить с этим здесь и сейчас.

— Все мы из праха и прахом обратимся, — добавил печально ведьмак и попытался светло улыбнуться. — Да ты не бойся. Мы просто согреемся и поговорим. Я ничего тебе не сделаю. Если захочешь, ты всегда можешь вернуться и... закончить дело.

— Ты не будешь меня останавливать?

— Нет. Это твой выбор. Я просто хочу понять, почему ты к нему пришла.

— Хорошо, — немного подумал, ответила незнакомка.

Макс подал руку и потащил девушку за собой через сугробы к подъезду. Вскоре они

стояли на лестничной площадке Мирянова и Макс подбирал слова, чтобы затащить героиню к другу на согревающий чай. Там за разговором с обоими она может и поменять свое решение. Но как бы не спугнуть. А если силой? Тогда обвинит в попытке насилия.

— Ты... хороший, — неожиданно заявила девушка.

Щеки Макса сами собой покраснели. Красные уши под шапкой алели уже давно. Но тот от холода.

За дверь Мирянова вдруг послышался резкий крик. Дракон никогда не запирает входную дверь, поэтому Макс просто рванул ручку на себя и оказался в квартире.

Мирянов стоял посреди коридора и держал в руках меч. Тот ярко светился непривычным красным цветом. По лбу дракона стекали крупные капли пота. Его слепило, он едва держал меч. Похоже, тот обжигал его ладони.

— Что происходит? — Вскрикнул ведьмак.

— Арт странно ведет себя. Я... его не понимаю. Он отстраняется от меня. Но такое ощущение, что если отпущу его, больше не смогу взять в руки...и я не уверен, что он не прожжет потолок... Черт! Больно то как!

Девушка вошла в квартиру следом. С раскрытым ртом, она во все глаза смотрела на меч. Но лишь мгновение. Ее взгляд остановился на драконе. Глаза Мирянова почему-то казались ей смутно-знакомыми. Сердце затрепетало так, что казалось готово вырваться из груди и убежать к нему, обнять.

Незнакомка сама по себе сделала пару шагов, перешагнув порог и встала в шаге от хозяина квартиры, несколько не боясь яркого света.

Евгений перестал ощущать боль в руке. Она никуда не делась, но отступила на второй план. Он просто утонул в глазах незнакомки. Его бросало то в жар, то в холод. Он не понимал, что происходит, но мозг паниковал, чувства вспыхнули с такой силой, что по щекам побежали слезы... это ОНА!

Глаза не верили, сознание приводило много доводов, но что-то внутри, само Глубинное ясно говорили — ОНА!

Евгений разжал руку и выронил меч. Он звякнул о паркет и принялся оплачивать пол.

— Ты... я тебя знаю. — В унисон сказали друг другу Мирянов и девушка. И потянулись друг к другу.

Незнакомка сделала последний шаг навстречу. Евгений распахнул руки для объятий и они обнялись... В тот момент, когда тела соприкоснулись, весь дом содрогнулся.

Подарок Алронила достиг адресата.

Детонация произошла как от Люции, при соприкосновении с драконом, так и от меча, который в гневе своем пытался испепелить заряд, заложенный в ангеле. Меч хотел защитить оруженосца. А по итогу небесный артефакт и сам взорвался, когда потерял не только хозяина, но и человека, который временно его заменил.

Взрыв! Сначала волна света ослепили все чувства ведьмака. Затем его оглушило, отбрасывая на кухню взрывной волной. Спина встретила стол, сшиб по ходу и все стулья.

Очнулся Максим от того, что из разбитого окна, которое разбил последним, на голову сыпал снег. Он быстро таял в сплетенных кровью локонах, торчащих из-под спортивной шапки. Мир вокруг плыл и двоился.

В какой-то момент времени перед глазами показалась крылатая фигура. Постояла, исчезла, обронив на прощание не губами, но чем-то вроде телепатического диалога. Ведьмак услышал словно внутри своей разбитой головы четко слышимые слова:

— Запретная любовь до добра не доводит. Их путь закончен.

Глаза закрылись...

Вновь веки поднялись, когда перед глазами стоял человек в халате с небольшой собакой на руках. На фоне белого потолка он казался доктором. Но скорее ветеринаром. Иначе откуда собака? Да и зачем мужчине в спортивном костюме халат надевать? Какой нелепый наряд молодого человека для его взрослых глаз.

— Парень, ты в порядке? — Спросил пес.

— Я... не в себе, — ответил ведьмак... и тут же вспомнил, что когда-то видел и этого человека и говорящего пса. Они все уже были ему знакомы. Да, точно, в парке. Они стояли, когда в демона попала молния!

Взрыв в квартирке дракона напрочь выбивал ведьмака из колеи привычной жизни. Что это была за девушка, которая взорвала квартиру? Почему пылал алым меч? Почему Евгений пытался обнять ее, незнакомку, как родную? Десятки вопросов проникли под череп и вместе с ними хотелось кричать. Ведь он так просто потерял друга... и сам привел к нему в дом смерть!!!

— Я все разрушил! — Закричал ведьмак, стараясь подскочить с кровати и бежать, куда глаза глядят. Саркон пресек эти попытки, положив руку на плечо. Странно, она была тощей, но в ней чувствовалась мощь.

— Что? Все планы псу под хвост? — Посочувствовал пес и высунул язык, стараясь отдышаться. Не то, чтобы в палате было довольно душно. Просто пришлось терпеть, пока его пронесут в тайне под полой халата в помещение. А еще раньше прятался под пальто. — Так бывает. Мы все натворили дел.

— Не дави на него. Он потерял важного для себя человека. — Добавил мужчина в спортивном костюме. Пальто пришлось оставить в гардеробе. Странные человеческие законы с непривычки заставляли мерзнуть. Из всей человеческой одежды Саркону милее было именно пальто. Но как оказалось, это всего лишь верхняя одежда. Еще люди носили нижнее белье, а зимой так целую гору одежды.

— Совсем как ты, Саркон. Нет больше твоей Лю. — Брякнул пес и тут же убрал язык, ожидая ответной реакции нового хозяина.

— Мы все кого-то теряем в Энрофе. — Не стал спорить бывший демон. — И это хуже развоплощения.

Макс слушал молча, стараясь собраться с мыслями и просто дышать, пока боль потери сдавливала легкие и слезы просто так текли по щекам. Кто такая Лю для демона ведьмаку было безразлично. Как и Люция Евгения, которую он так и не нашел. Но зачем-друг обнял шахидку?

Макс вздохнул, слушая отвлеченно разговор этих двоих. Сам факт того, что он слышал, говорил о том, что барабанные перепонки восстановились или взрыв в квартире имел не совсем обычные свойства. Без контузии, впрочем не обошлось. Но то скорее были напрочь перегружены все его магические рецепторы.

Незнакомая девушка тоже вполне могла быть не совсем обычной. Но почему тогда он, чуткий до магии человек, ничего этого не ощутил? В ней не было магии. Ни капли. Он бы точно почувял!

Саркон, тонко уловив эту битву противоречий на лице раненого, тактично хмыкнул, привлекая внимание. Глядя прямо в глаза ведьмаку, бывший демон обронил:

— Эй, ведьмак. Хочешь узнать немного больше об вечном противостоянии

Преисподней и Неба? Уверен, этот мир вздохнет спокойнее, если не станет пары кураторов.

— Воевать с небом? Объявить войну аду? Да вы безумцы.

— Не только воевать. Но и выиграть войну. — Тактично добавил Саркон. — Вот только нам нужно оружие против тех, кто считает, что все в их руках.

— Работа на инквизицию тоже не идет твоей семье на пользу. — Добавил пес. — Ты пахнешь артами этих легализованных упырей, но не видишь перед собой демонов. Так может инквизиция просто закрывает тебе глаза на них? Чтобы ты сам не распознал в них кукловодов с хвостами? Может они и есть истинные демоны?

Ведьмак задумался. Раньше его такая мысль не посещала. Раньше за все планирование операций отвечал отец, потом сестренка...теперь приходилось думать самому. Как же это было непривычно.

— Меч... где меч ангела? — через силу выдавил из себя Максим. — Он довольно мощный.

— Меч? В квартире не было ничего необычного, кроме вышибленной двери и полумертвого ведьмака. А, еще дыра в полу. Небольшая. Вероятно, от взрыва. — Припомнил бывший демон. — Но меча я не помню. Почему ты думаешь, что меч именно ангельский?

— Потому что дракон получил его от некой Люции.

— Люции? — Саркон поперхнулся.

— Как тесен мир. — Добавил пес. — Так вот у кого был второй меч. Это дракон выходит убил Аргону?

— Что? — Не понял ведьмак. — Жека не убийца. Он мухи не обидит. Он просто был оруженосцем. А теперь его не стало. — Ведьмак затих, переваривая полученную информацию. — Стоп, а вы откуда знаете про Люцию? Это ведь она Лю?

Саркон вздохнул и рассказал ему небольшую историю их совместной работы.

— Нет, Женя не мог убить даже демона. Он попросту не умеет создавать порталы.

— Точно. — Подтвердил пес. — Портал был адский. Пахло серой. Это Икзар правил рукой Оруженосца. Больше никому. Только он знал частоты Аргону, чтобы вовремя нанести удар.

— Он, братья и...

— Асмодей, — протянул пес и залаял. — Чертов сукин сын!

— Небесный артефакт не мог исчезнуть после взрыва. — Продолжил ведьмак. Многие вещи стали ему понятнее. — Скорее всего его гнев растопил все этажи вплоть до подвала. Найдите его, даже если придется спускаться в канализацию. Какие бы демоны это не сделали, я найду виновных и отомщу за дракона! Асмодею там или прочим архидемонам, мне без разница. Все по рогам получат!

— Ведьмак, ты должен кое-что знать. — Добавил пес. — Когда мы нашли тебя в квартире... там не было демонов. Но там... пахло ангелами. Собаки такое чувствуют. Готов отдать хвост на отсечение. Если чутье нас не подводит, это был куратор Люции. Архангел. Она называла его Алрониилом.

— Ангелы? Что им понадобилось от дракона? И тем более архангелам?

Саркон с Каном переглянулись.

— Раз уж речь пошла об крылатых, то время раскрыть карты. Повторюсь, нам всем очень важно избавить Энроф от пары-тройки существ, присутствие которых странным образом совпадает со многими происшествиями. Всем станет гораздо легче жить.

— Если не подключится Архидемон, есть шанс на успех. — Важно добавил Кан и даже

на секунду втянул язык. — Ты с нами?

Ведьмак посмотрел на странных гостей своей палаты.

— У нас точно есть шансы?

— Да ладно, ты давно понял, что в этом городе, как и во всем Энрофе пора навести порядок. — Саркон протянул черные перчатки Аргону и положил их на грудь пациента. — Держи. Меня они больше не слушаются. А в тебе сейчас огня больше, чем в любом демоне.

Ведьмак молча натянул перчатки и руки пришлось отстранить от лица. Они вспыхнули, как будто облитые бензином.

— О, да, время поддать огоньку! — Взвизгнул Кан. — Даешь рок-н-ролл!

Ведьмак еще раз посмотрел на перчатки и в пламени огня, который совсем не обжигал его кожи, ясно увидел — грядет время перемен.

Зарождался новый союз. Самый странный триумвират из всех возможных в Энрофе.

Продолжение следует...

Больше книг на сайте - Knigoed.net

Авторское приложение:

Для мистического словаря редко используемых слов мира "посланников тени" я позволил себе использовать не только пояснения с описанием, но и так называемую "шкалу баланса" с диапазоном от минус десяти до плюс десяти (-10,+10) с отклонениями от нейтрального нуля — точки абсолютного баланса — до отрицательного вектора поведения (тьмы) и положительного вектора поведения (света). Это поможет вам лучше понять (определить) отношение различных наделенных силой существ по отношению к обычному человеку или инициированному. Пример: демон (-8), ангел (+8), некромант (-6), херувим (+9), серафим (+10), демиург (-8,+8), человек (-1). Изучив данный словарь, впредь вы знаете чего ожидать от явных или косвенных встреч с этими существами.

Некоторые слова не употреблялись в данном романе, но обязательно повстречаются вам в продолжении. Вероятно, со временем он разрастется.

Не претендую на истину в каждом слове, но истина где-то рядом.

A:

Аватар и авеша (-5, +5) — Отпечаток личности многомерного существа. Эта могучая Личность вся в нашем 3,14 мире не помещается (время идет как неполная величина) и если ей что-то нужно от сего мира, проецирует себе "тень". Создает голема, кадавра, либо подселяет часть себя в тело простого человека (возможно создание множества копий тени). Только с согласия хозяина. Но если человек слаб (наркоман, психически неустойчивая личность, алкоголик, морально уничтоженный горем человек и т. д.), то идет полный или неполный захват. Хозяин тела отодвигается на второй план, давая почти полный контроль

подселенцу, способствуя выполнения его планов. Нередко тело наделяется некими особыми способностями. Редко когда эти способности остаются хозяину тела, когда подселенец уходит, выполнив свои задачи. Аватары и Авешы всегда имеют лишь малую часть сил и возможностей своего Хозяина.

Ад — Многовариантные миры страданий, искуплений. Чаще генерируются мыслеобразами людей. Чем крупнее эгрегор общего мнения об аде, тем тот более развит и вероятнее, что душа грешника, отправится именно в него. Но ад существует не только для душ людей или душ высших животных. Падшие, Проклятые, "Договорники" и прочие нехорошие личности попадают в особый ад малой мерности пространства. Одно дело, когда привыкнув жить в трехмерном мире, попадаешь в двухмерный или одномерный (точка), так ведь и понятие времени там иное или отсутствует вовсе. Так что выражение "на веки вечные" не лишено смысла.

Амулет — Созданный мастером и заряженный на конкретные действия предмет, служащий неким целям. Не путать с оберегом. Пустьшек и "амулета ради амулета", без цели, избегать, так как они не имеют эффектов. Заряженный амулет отзывается и нередко теплеет при прикосновении. Принцип действия — воздействие силовыми линиями рисунка на пространство, применение свойств предмета, из чего изготовлен (камень, дерево, металл, кость и т. д.). Максимальное количество свойств для амулета — два.

Ангел — Сущность, работающая с положительными потоками энергий. Типы ангелов: хранители (+7), воины(+3), каратели(+2), защитники(+4). Крылья не всегда необходимый атрибут ангела.

Архангелы (+8) — Верховные ангелы, генералы "рая". Количество неизвестно. Наиболее часто встречающиеся имена: Михаил, Гавриил, Урафаил, Мантраил, Кардиил, Пентраил. Суффикс "ил" имеет божественное значение и Сатанаил, восстав, лишился его, став просто "Сатаной". Насколько сие вероятно — неизвестно. Религиозные мифические нагромождения веками придумывают что-нибудь новое, затирая старое.

Архидемоны (-9) — Верховные демоны. Десять правителей ада: Асмодей, Астарот, Азазель, Бельфагор, Вельзевул, Велиал, Левиафан, Люцифер, Фагот и Молох. У каждого свои задачи, цели и кусок сферы влияния.

Артефакт (арт) — Почти тот же амулет, но созданный Великим мастером. Крайне редок. Количество свойств нередко больше двух. Огромный запас прочности и энергии. Нередко требует больших сил для управления. Существует двух типов: темные и светлые.

Астрал — Тонкий план нематериального энергоинформационного мира. Маги, колдуны и большая часть инициированных при наличии достаточного количества энергии может свободно посещать этот мир. Астрал так же полон разного рода сущностей, душ недавно умерших и душ спящих людей. Астрал делится по этажам. Низшие этажи легко доступны и наводнены множеством негативных вибраций, сущностей, бесов, паразитов, духов. Так называемым астральным мусором. Высшие этажи имеют более чистые вибрации и нередко посещаются ангельскими сущностями, просветленными, чистыми душами и многоплановыми, развитыми существами.

Астральный подселенец (-3) — Нежеланная сущность-паразит, питающаяся энергией человека. Обычно результат действия порч, сглазов, проклятий, когда аура пробита и свободно вытекающую энергию легко можно подхватывать. (Закон сохранения энергии во всей красе). Но не может брать энергию или вселяться в человека, если тот не дал своего согласия. Подселенец в отличие аватара и авешы существо не многомерное. И не может

создавать множество копий, насколько селен бы ни был. Не способен вселиться в инициированного.

Антимир — Аналог ада. Адские миры, созданные антиподом Творца. Дно миров. Нижние "этажи".

Астральная атака — нематериальное нападение из астрала на физический план. Ведет к деформации полей человека, вследствие чего возникает усталость, болезни, а в тяжелых случаях быстрая необъяснимая с точки зрения физического мира смерть.

Астральная защита — Создание осознанных и неосознанных барьеров для полного или частичного отражения негатива астральной атаки.

Аура — живое биополе существа, обрамляющее его тело на расстоянии от нескольких сантиметров до нескольких метров. Показатель жизни. У высших существ свободно отражает состояние здоровья, эмоции и запас сил (чем аура больше, тем больший энергозапас существа). Цветовая гамма ауры несет информацию мировоззрения существа. Светлые тона соответствуют дружелюбному настрою к миру, темные соответственно к враждебному отношению к миру.

Б:

Баньши (-3) — Нематериальная агрессивная по отношению к человеку сущность-дух, вселяющая в человека страх. Питается вибрациями ужаса, выделяемые человеком. Нередко предрекает живому смерть, громко кричит, шумит, старается напугать. Разновидность полтергейста. Действует из низшего астрала.

Белый "дракон" (кристальный, сферический) (+3) — Не человек (только внешне) с огромным запасом специфической энергии, вырабатываемой им. Порой перерабатываемый энергию для донора. Нейтрален, редко вмешивает в процессы. Только с целью помочь или защитить.

Бес (-5) — Нематериальная сущность, изначально агрессивная к человеку и всему живому. Живет, поощряя выделение негативных потоков человеком, и ими же питается. Редко встречается в одиночном варианте, чаще живет и действует группами, семьями. Разум на начальной стадии. Бесы полностью подконтрольны демоническим структурам.

Боги (-8 до +8) — Тысячи многоплановых демиургов, обычно занимающихся одной-двумя сферами интересов. Невероятно сильные существа с почти неограниченной возможностью созидания и разрушения. Часто бессмертны или долго живут. После ухода не исчезают полностью, смещаясь на более высокие или низкие планы миров. Ограничены территорией воздействия. Брать энергию могут лишь со своих "вотчин". Для перехода на более высокий уровень требуется огромное количество энергии. Демиург, потерявший свою территорию "кормления" вынужден скитаться, собирая энергию, где придется. Теряет часть своих сил, психическое состояние становится неустойчивым. Часто уподобляется разгневанному зверю.

Бог-Отец (Творец) — Абсолют, не имеющий критериев, определений и возможностей для оценки. Так же считается, что это совокупность всех сущих душ, миры творящих.

Ведьма (-3, +1) — Способная управлять магическими потоками в любом виде. Ведьмами бывают только существа с женской энергетикой.

Ведмак (+1) — Рожден человеком. Это его слабая и сильная сторона. У ведьмака искусственно развивают восприятие к магии. Он обладает полным набором человеческих чувств. Возможно, поэтому ему проще справиться с ведьмой, которая в принципе лишена части этих чувств.

Ведун (ведарь) (+2) — Обладающий частью возможностей волхва. Более заземлен. Живет в физическом мире.

Вампир (высший вампир) (-4, -3) — Зависящий от чужой энергии паразит. Свою выделять не в состоянии. Как правило, пьет энергию напрямую. При необходимости или неподконтрольной жажде желая пьет кровь, получая из жизненной силы живого в разы больше энергии. Высший вампир способен управлять своей и чужой энергией, брать часть, и контролировать то, сколько и как забирает. При большом желании может поделиться частью имеющийся энергии. Вампиры часто жестоки к окружающим. Практически не размножаются. Почти отсутствует душа, что отличает от живого человека. Чем сильнее вампир, тем меньше восприимчивость к свету, серебру, чесноку, нахождению в святых местах, святой воде (распятая боятся только самые слабые), но больше восприимчивость к "оглушающим" восприятие средствам. Таким как колокольный звон, некоторые запахи горящих трав. Осина как дерево впитывает в себя энергию и потому считается нейтрализатором — а в принципе ослабляет — вампирские способности, потому и считается лучшим средством для борьбы с вампирами. Высшим вампиром способен стать только полностью потративший прану маг, при обряде, проведенном другим высшим вампиром.

Воплощение — Перевод нематериального в материальное. Трансформация посредством воли и энергии. Воплощение бывает временным и постоянным. Устойчивым и неустойчивым (контролируемым посредством воли).

Волхв (+3) — Существо, живущее в энергоинформационном мире и физическом одновременно. Обладает широким спектров воздействия сил, но использует лишь во благо или в целях стабилизации.

Вурдалак (-6) — Существо, лишённое разума, управляемое одним лишь инстинктом насыщения. Пожирает плоть живых существ для проживания.

Вуду — Гаитянская черная магия, активно использующая в ритуалах злых духов и зомбирование посредством наркотических веществ.

Волот — Не первый раз перерожденный "человек" со старой душой. Многоопытный, очищенный и просветленный. Подобен человеку, но более светел и с гораздо большим набором ощущений и возможностей.

Волшебник — Маг, слабо владеющий силой, но хорошо знающий души. Способен управлять состояниями души. Для воздействия требуются разные атрибуты, обряды. Не способен обходиться без этих "палочек-выручалочек".

Вирий — Славянский рай.

Вальхалла — Рай воинов по скандинавской мифологии.

Гном (+1) — Дух земли. Элементаль земли. Изначально несет положительный заряд своей стихии. В физическом мире — гуманоид. Существо, проходящее смежный с человеком путь развития.

Голем — Сотворенное для подселения тело без души. Сущность либо сама заселяет его, используя в своих целях и наделяя своими способностями, либо создает маг, наделяя голема частицей своей души и опять же используя в своих целях.

Гадание — Работа с пространственно-временными потоками.

Джанна — Мусульманский рай.

Демон (-8) — Сущность, работающая с отрицательными энергетическими потоками. Ими питается, их поощряет и распространяет.

Дьявол (-10) — Абсолютное, неразумное зло, стремящееся к тотальному уничтожению замысла Творца. (В нашем мире этот общий эгрегор зовется Сатаной).

Дракон (-3,+3) — Внешне человек, по сути гуманоид. Существо с огромными запасами силы, вырабатываемой им или получаемой извне. Активные, неуправляемые. Энергия дракона весьма специфична, тяжела для усвоения теми, кто желает ей воспользоваться. В процессе инициации раскрывают способность работать со своими потоками сил, направляя их для своих нужд или на внешние обстоятельства. Драконы редки. Основных рожденных видов четыре (не по цвету, а по источникам силы): белый, черный, красный, зеленый.

1) Белый (+1) способен приспосабливать свою энергию для донора, редко вмешивается в процессы. Дракон, предпочитающий созерцанию и накопыванию опыта, знаний, мудрости.

2) Черный (-2) стремится к управлению из "тени", дракон власти, интриг. Свою энергию никому не отдаст. Люди для него фигурки, которыми можно умело двигать, манипулировать. Белый и Черный — антиподы. Смешивая свои энергии, взрывают друг друга.

3) Красный (-3) способствует разжиганию войн, болезней, эпидемий. Кровь — его стихия. Активно разбрасывает энергию, явно стремясь к подчинению окружения.

4) Зеленый (-1) любит все, что связано с финансовой сферой. Во власти осторожен. Медленно, но верно опутывает своими сетями. Красный и Зеленый драконы — антиподы. При скрещивании их энергия аннигилируется.

Из каждого из этих драконов в чрезвычайно редких случаях при определенных условиях способен появиться Золотой дракон (+2). Им нельзя родиться. Золотой дракон — дракон отдающий, охраняющий, собирающий. Он дает максимум того, что нужно, но и берет за это по максимуму. И совсем чрезвычайно редко появление Серебряного дракона (+3). Он появляется там, где уже нет совсем никакой надежды, в критические моменты истории, когда все погружено в хаос и уравнивает баланс сил.

Е:

Единение — Ритуал слияния сил, "круг силы".

Ж:

Жезл — Магический атрибут, часто накапливающий энергию или перенаправляющий потоки силы в русло, нужное создавшему его хозяину.

З:

Заклинание — Магическое воздействие на физический мир через тонкий или напрямую. Как правило, сменой вибраций, изменения силовых потоков, деформации или стабилизации тонких тел или психофизическим влиянием.

И:

Инициация — Процесс раскрытия способностей при передаче энергии от любого инициированного нераскрытому.

Инициированный — Разбуженный, постепенно осознающий свои способности.

Инкуб (-б) — Существо мужского пола, питающееся сексуальной энергией. Поощряет пороки, разврат и чем больше человек поддается на его воздействия, тем инкуб становится сильнее.

Инквизитор — Редко встречающийся набор генов, проявляющийся полным неприятием к магии. Зато чужую магию инквизитор ощущает очень хорошо и имеет силу для ее подавления, борьбы с ее обладателем. По большей части настроен на борьбу с отрицательным вектором "шкалы". Подсознательное, врожденное ощущение нечисти.

Инвольтация — Процесс прямого "прокачивания" существа сильным хозяином. Существо становится полностью зависимым от хозяина.

К:

Кадавр — Бездушное тело либо тело, собранное из разных частей, часто несовместимых. Оживлен с помощью магии. Кадавров используют для отвлечения глаз толпе или противнику, выдавая за себя.

Катарсис — Очищение.

Колдун (-3) — Маг, управляющий энергией в негативную сторону.

Колдовство — Насильное воздействие на пространство

Камлания — Шаманский ритуал призыва духов.

Карма — Сумма свершенных за все перерождения дел, выученных уроков и сделанных поступков во всех мирах.

Л:

Личина — Генерируемая временная физическая оболочка, скрываемая внешность, часть внешности, иллюзия. При хорошей подпитке иллюзия материальна.

Лигатура — Форма посылы чар через привязку к объекту чар (по локону волос, клочку одежды, кончикам ногтей и т. д.) Черная магия.

Логос (0) — Совокупный Творец физического мира, объединяющий в себе все процессы, влияющий на его формирование.

Лорды (-7,+7) — Существа, наделенные большой силой. Четыре типа: лорды хаоса, пустоты, тьмы и света. Если со светом и тьмой все понятно, то лорд хаоса представляет собой фигуру, соблюдающую только свои интересы. Но он не подобен нейтралу. И часто зависим от настроения. Способен как на положительный вектор воздействия, так и на отрицательный. Причем долго между двумя действиями не раздумывает. Лорд же Пустоты полностью подчинен своему Нечто и действует только в его интересах. Фактически лишен самостоятельности.

Лярва (-3) — Тот же астральный подселенец, только сущность, поглощающая энергию через негативные эмоции человека (страх, гнев, боль, одиночество, печаль, страдания и т. д.)

М:

Ментал — Мир мыслей, тонких энергий и временно непроявленного. Озарения, как правило, приходят отсюда.

Ментальная атака — Навязанные мысли, схемы поведения. Как итог — несвойственное тебе поведение, поступки.

Маг (-5, +5) — Инициированный, управляющий потоками энергии в позитивную или негативную сторону. При достаточном количестве сил не требует атрибутов для воздействия.

Магия — Процесс воздействия на реальность посредством изменения потоков силы, внутренней энергии или воздействие на физический мир с более тонких планов (астрала, ментала).

Мерность — Измерительные величины, координаты измерения.

Морок (-2) — Дух, вводящий в заблуждения, создающий иллюзии и заставляющий воспринимать реальность не такой, какая она есть.

Метаистория — Совокупность историй разных измерений, каким-то образом

пересекающихся с нашей историей.

Магический закон — Набор правил, характерных для данной реальности. Например: закон знания, самопознания, синхронизации, причин и эффекта, ассоциации, подобия, контакта, силы слов, имени, персонификации, обращения, вызова, идентификации, личного пространства, вселенной, бесконечности вселенных, прагматизма, синтеза, полярности, противоположности, извращения, динамического баланса, потолка силы и многих других.

Молитва — Положительно воздействующая на структуру тел или пространства вибрация.

Междумирье — Генерируемый "пузырь" соприкосновения двух миров, сглаживающий и подстраивающий точки соприкосновения общими законами, характерные для соприкасающихся миров.

Н:

Некромант (-4) (некрос) — Маг, работающий с отрицательными потоками энергии, близкий к переходному миру мертвых.

Некромантия — Магия, направленная на управления отрицательными потоками ради управления неживым.

Нежить — В отличие от живых не способны к размножению (или размножаются насильно), паразитируют на живых и не способны вырабатывать тепло.

Нечисть — Проклятые или по какой-то причине отреченные, отрекшиеся от света.

Непрогляд — Сфера, оболочка невидимости.

Неупокоенные — Неприкаянные души, чем-то зацепленные за физический мир после смерти.

Нейтрал (0) (отшельник) — Приверженец баланса, не вмешивающийся в непрерывную войну противоборствующих сил.

О:

Одержимый (-1,-4) — Психически неустойчивая личность, по какой-то причине временно теряющая над собой контроль. В такие периоды верх над разумом берет завладевшая телом сущность. Как правило, сущность демонического типа.

Оборотень (если волк — вервольф) (-2, -5) — Получеловек полуживотное, монстр (не обязательно волк — любое хордовое) с возможностью трансформации. В момент трансформации обретает небывалые физические силы, часто превосходящие и силы животного, в которого перекидывается. Часто неподконтролен в момент трансформации. В случаях же, если оборотень контролирует свой разум, использует обостренные возможности животного в свои целях. Оборотень бывает двух типов: с возможностью физической трансформации и лишь с трансформацией психической. Во втором случае тело не изменяется, но снятые блоки способствуют приданию большого количества "звериных сил".

Оберег — Защитный амулет, направленный на отражения атак на хозяина. Заряжается один раз. При использовании "до дна" часто ломается. Проще и дешевле создать новый, но если создан из металла или украшен драгоценностями, возможен процесс нового заряжения.

П:

Полубоги — Либо потомки людей и богов, либо люди, перешагнувшие в своем стремлении некий барьер и получившие небывалые для обычного человека силы.

Прана — Жизненная энергия, генерируемая, вырабатываемая посредством сна, приема пищи, открытия внутренних резервов. В отдельных случаях, в связи с природой, космосом или дополнительных источников.

Пустота (-7) — Разумное ничто, уничтожающее все, что в себя вбирает. В качестве основных единиц воздействия создает лордов пустоты, обладающих большими силами и возможностями.

Противостояние — Постоянная борьба нашего диполярного мира между двумя полюсами силы.

Переплавка — Уничтожение самой бессмертной души, не поддающейся излечению. Полное стирание суммы знаний души.

Полтергейст (-1, -4) — Отрицательная сущность, возникающая в местах активного соприкосновения физического и тонкоматериальных миров.

Паладин (+3) — Принципиальный воин света.

Портал — Пространственно-временной переход между мирами либо частями одного мира.

Просветленный (+2) — Инициированный или перерожденный человек, вспомнивший хотя бы часть прошлых уроков, жизней, прошлый опыт.

Пророк (+3, +6) — Как правило, Авеша или Аватара многомерного Существа, желающего качественно повлиять на человеческий род.

Подселенец — см. Аватар и Авеша.

Природник — см. Стихийник.

Р:

Развоплощение — Уничтожение физической плоти с целью переброса разумного Я в иное тело или другой мир. Бывает малое и большое. Малое — простое освобождение. Большое — (см. Переплавка). Нередко вместо уничтожения физического тела происходит захват тела другим существом.

Регенерация — Быстрое восстановление тканей тела посредством трансформации энергии в плоть.

Руны — Сакральные символы.

Ритуал — Целевое действие направленное на осуществление некоего смысла-действия.

Рай — Миры катарсиса души между перерождениями и воплощениями в физических мирах.

С:

Сглаз — Негативный заряд с сознательным или бессознательным посылом на уничтожение. Как правило, слабый.

Серафим (+9) — Безымянный, беззаветно преданный свету.

Сакрал — Скрытый, тонкоматериальный мир, в который попасть гораздо сложнее, нежели в астрал или ментал. Человек изначально не связан с ним никакими из тонких тел.

Семь тел — Физическое тело, эфирное, астральное, ментальное, казуальное, бодхиальное, Высшее Я. Тело плоти, энергии, эмоций, разума, бессознательного, просвещенности и нерушимое тело души.

Сущность — материальное или нематериальное существо со своими целями и задачами.

Сильф (+1) — Дух воздуха. Элементаль воздуха. Изначально несет положительный заряд своей стихии. В физическом мире — гуманоид. Существо, проходящее смежный с человеком путь развития.

Саламандра (+1) — Дух огня. Элементаль огня. Изначально несет положительный заряд своей стихии. В физическом мире — гуманоид. Существо, проходящее смежный с человеком путь развития.

Сфера — Полностью закрывающий хозяина щит от внешнего мира. Сфера применяется не более суток, так как подпитка космоса, земли, природы или другого источника питания в это время прекращена.

Святой (+5) — Человек или инициированный, достигший определенной свободы от материального мира в силу развития духовного начала.

Суккуб (-6) — Тот же инкуб, но существо женского пола. Вампирский аналог.

Самадхи (сатори) — Достижение просветления, освобождения.

Стихийник (+1, +2) — Маг, работающий с природными силами.

Т:

Талисман — Отличительный знак без свойств.

У:

Ундина (+1) — Дух воды. Элементаль воды. Изначально несет положительный, отчищающий заряд своей стихии. В физическом мире — гуманоид. Существо, проходящее

смежный с человеком путь развития.

Умертвие (-4) — Сильное нематериально существо, агрессивно настроенное ко всему живому.

Упырь (-5) — Отличается от вампира тем, что 99 % времени тратит на поиски "еды" (энергии). Не может контролировать свой "аппетит", часто высасывает из жертвы все до капли. Жесток, эгоистичен, равнодушен, зол.

Ф:

Физический мир (Энроф) — Наш мир с тремя величинами (длиной, шириной, высотой) и неполной величиной — временем. В целом как бы 3,14. До четырехмерного мира не дотягивает. Жаль, хотя с другой стороны, почему именно к нашему миру такой интерес различных сил, не понятно.

Фанатик(-2) — Догматик с суженным углом обозрения реальности в рамках своих представлений, не подлежащих сомнению, критике.

Х:

Хранитель (ведьмин) (-5, -1) Хранителем может быть инициированный или человек, не догадываясь, что он хранитель. Ведьма отдает душу, без обмена. Происходит слияние двух душ, Хранитель как личность становится сильнее, благодаря увеличению души вдвое. После это Хранитель дольше живет, ведьма старается его оберегать. Часто бывают напряженные отношения с подопечной ведьмой. Она его любит, он ее нет. Бывает, что практически не общаются. Ради хранителя чаще всего ведьма способна на все. Хранитель подсознательно отвечает за ведьму, не дает ей умереть (как правило, по глупости). Ведьма не редко морально страдает от встреч со своим Хранителем, потому что не может вынести равнодушия с его стороны. Часто в критических ситуациях достаточно одного появления Хранителя, что бы ведьма пришла в себя.

Хроники Акаши — Библиотека вне физического мира, хранящая знания обо всем произошедшем. Находится в сакральном (скрытом) мире и имеет разные уровни доступа. В нашем мире доступ имеют лишь лорды хаоса, пустоты, света, тьмы. Причина в том, что хроники Акаши затирают собственное Я, (самость) слабого существа, растворяя в себе. Знания не для всех.

Херувим (+) — Умерший во младенчестве. Непорочная душа, обращенная к свету.

Ц:

Цикл — период в 2150 лет. Состоит из двенадцати зодиакальных эпох. В 2150 году нашей эры состоится смена эпохи Рыб на эпоху Водолея.

Ш:

Шаман (+2) — Прошедший обряд посвящения. Посредник между людьми и духами. Маг особой школы.

Шабаш — Коллективный сбор ведьм для проведения массовых обрядов, требующих больших энергозатрат, встречи для обмена опытом и информацией или просто от скуки.

Ч:

Черт (-3) — Демонизированная сущность, направленная на преобразование стабильных потоков энергии в отрицательную сторону. По существу — мелкий бес.

Человек обыкновенный (-1) — Рожденный впервые или перерожденный изначально более склонен к агрессии, чем нейтрален. Виной "дьявольское семя" (см. Эйцехоре), участвующее в образовании тела. Сначала формируются высокие тела, потом более плотные. Физическое тело формируется последним. Умирая, разрушается в обратном порядке. Нерушимо только Высшее Я.

Чародей (-1, 0) — мастер иллюзий, предсказаний, создания фантомов, призраков. Обязательным является присутствие атрибутов.

Э:

Эльф (эльфийка) (-1, +2) — Инициированный с большим потенциалом к магии очарования.

Эгрегор — Непостоянное совокупное мысле-поле одной направленности, питаемое сподвижниками, питающее лидеров или определенный вид деятельности.

Энвольтование — Самая враждебная форма порчи, наиболее могущественная и энергозатратная.

Эфир (квитоэсенция) — Наиболее плотное из всего нематериального вещество.

Эфирное тело — Первое нематериально тело, полностью повторяющее контуры физического тела. Тело накапливаемой энергии. Энергетический каркас тела.

Эфирный двойник — одна из форм защиты-обманки. Маг либо создает свою эфирную копию, запутывая следы, либо подставляет эту копию под первую атаку, заставляя противника открыться.

Элементали (0) — Природные духи огня, воды, воздуха и ветра, активно участвующие в формировании физических миров. Нейтральны.

Эйцехоре — Условно говоря "семя зла", с рождения пребывающее в каждом человеке. Человек либо возвращает это семя, уподобляясь зверю, либо всю жизнь выкорчевывает его,

работая над самосовершенствованием.

Энроф — Физический мир.

Эон — Цикл времени, в завершении своем характеризующийся сменой эпох.

Я:

Ясновидение — Транс, в результате которого открываются возможные варианты развития будущего. Несколько "дорог" на выбор, "точки выбора", "перекрестки".

Язычество — Политеистические религии многобожия, как правило с верховным богом-Творцом, от которого идет большой род потомков. Первоначально религии, обожествляющие природу, мир вокруг. Позднее трансформирующиеся в монотеистические религии с тем же Богом-Творцом во главе, но уже вместо богов-детей вокруг себя расплодившие орды помощников, слуг, святых, страдальцев, сподвижников и прочих, заполнивших непривычную пустоту смены религиозной формы.